

1994

В НОМЕРЕ:

*"ВОПЛЬ" — Александр РОДИН

об Иисусе Христе

* "МАРИНИСТЫ" — повесть

Елены САЗАНОВИЧ

* МЕТАФИЗИКА ПОЛА в статье

Алексея СКАЛДИНА

"ЗАТЕМНЕННЫЙ ЛИК"

* "ПРОГЛОТИ КОМПЬЮТЕР И

НЕ БОЛЕЙ" —

советует Александр КОРМАШОВ

в рубрике "СЕНСАЦИИ XXI ВЕКА"

* КРИМИНАЛЬНЫЙ очерк

"СИЦИЛИАНСКАЯ ЗАЩИТА АД-
ВОКАТА СТЕПАНОВА"

* В Гостиной — поэт Юрий ВЛОДОВ

* Карикатуры и

"ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ"

* Для детей — НОВАЯ СКАЗКА.

«Двое в тайге». Холст, масло.

Павел НИКОНОВ г. Москва

Смотрите нашу вкладку.

ЮНОСТЬ

5⁽⁴⁶⁴⁾ 1994

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
ВЫХОДИТ С ИЮНЯ 1955 ГОДА

Редакционная коллегия:

главный редактор
Виктор ЛИПАТОВ

Елена ДУБЧЕНКО

Юрий БЕЛИКОВ

заместитель главного редактора

Натан ЗЛОТНИКОВ

ответственный секретарь

Владимир КОЖЕМЯКИН

Олег КОКИН

Александр КОРМАШОВ

Николай НОВИКОВ

Эмилия ПРОСКУРНИНА

Юрий РЯШЕНЦЕВ

заместитель главного редактора

Юрий САДОВНИКОВ

Александр ХОРТ

Редакционный совет:

Геннадий ГОЛОВИН

Сергей ДЫШЕВ

Сергей ЕСИН

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

Фазиль ИСКАНДЕР

Александр ЛАВРИН

Валерия НАРБИКОВА

Булат ОКУДЖАВА

Игорь ОБРОСОВ

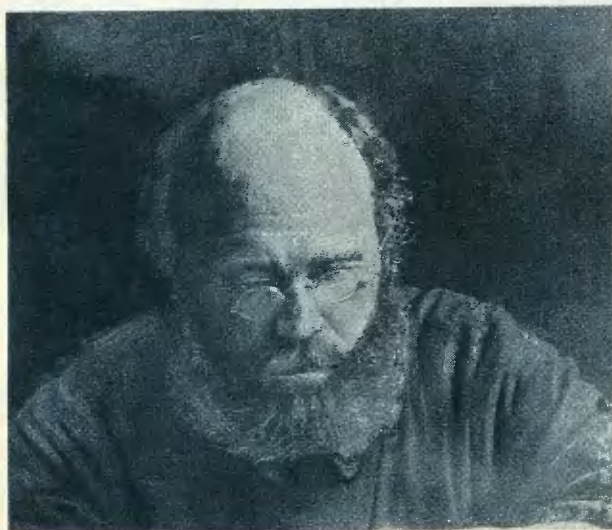
Владимир ОРЛОВ

Евгений СИДОРОВ

Владимир СОКОЛОВ

Лев ТИМОФЕЕВ

Коммерческий директор Феликс МАЗУР
Представитель журнала в Париже Валерий ПРИЙМЕНКО

Алексей СКАЛДИН

Публикация 1991 года в «Юности» романа Алексея Скалдина «Странствия и приключения Никодима Старшего», «последнего романа серебряного века», вызвала широкий читательский резонанс. Сегодня мы продолжаем знакомить наших читателей с творчеством А. Д. Скалдина, а также вкратце напомним основные вехи трагической биографии этого незаслуженно забытого русского прозаика, поэта и эссеиста.

Алексей Дмитриевич Скалдин родился 2 октября 1889 года в новгородской деревне Карыхново в крестьянской семье. В девять лет он начал писать. С 1908-го его имя связано с петербургским журналом «Весна», тогда же он посещает знаменитую «Башиню» Вячеслава Иванова и заседания Религиозно-философского общества. Как младшего, как ученика, его принимают в свой круг Блок, Мережковский, Белый. Первая и единственная стихотворная книжка Скалдина вышла в 1912 году в издательстве «Орь». Служит поэт в это время в различных страховых компаниях. Осенью 1917-го выходит в свет его необычный роман о Никодиме Старшем, но революция не способствовала широкому обсуждению книги. Однако мотивы бесовства и человека, игралища бесовских сил, поздней разовьются в отечественной литературе с опорой на уже другую действительность — в прозе М. Булгакова. С 1918-го по 1923-й Скалдин с семьей живет в Саратове, вероятно, спасаясь от голода, где заведует Радищевским музеем (ныне — знаменитая Саратовская картинная галерея). В Саратове — и первый арест, но писателя выручает А. В. Луначарский, знавший Скалдина еще по Союзу деятелей искусств.

По возвращении в Петроград Скалдин долго не может найти работу. Пишет романы, повести, стихи, нам известные лишь по названиям, но печатается только в детских журналах ради заработка. 20 января 1933 года его снова арестовывают «за участие в деятельности контрреволюционного идейно-организационного центра народнического движения». Повод — литературные встречи в доме Иванова-Разумника, также арестованного. Приговор «тройки»: пять лет лагерей с заменой на высылку в Казахстан. (Жена Скалдина, Elizaveta Konstantinovna, умерла через полгода после его ареста.) В ссылке писатель много пишет (восемь романов!), но по ее отбытии уехать не успевает: начинается война. Передав в Литературный музей письма Блока, Вяч. Иванова, Георгия Иванова, Мандельштама, Северянина и других, собственный свой творческий архив Алексей Скалдин не уберег, и не по своей вине — кому было дело до рукописей ссылнопоселенца, умершего в 1943 году в самый разгар войны? Из творческого его наследия сохранились крохи. Тем более, думается нам, будет интересна печатающаяся ниже философская полемика А. Д. Скалдина с В. В. Розановым.

1922 г. Саратов. Алексей Дмитриевич Скалдин.

Елизавета Константиновна Скалдина.

Марина Алексеевна Вальтер (1914—1947), дочь А. Д. Скалдина.

1932 г. А. Д. Скалдин в библиотеке Дома ИТР.

ЗАТЕМНЕННЫЙ ЛИК*

(По поводу книги В. В. Розанова
«Метафизика Христианства»)

Самодовлеющий пол. Формула «самодовлеющий пол» подобна иной: «искусство для искусства», столь часто повторяемой в наши дни. Итак, я начинаю с аналогии.

Когда-то, и очень недавно, нужно было говорить: «искусство для искусства», дабы отместить прочь все не принадлежащее области искусства. Эта формула, исполняя обязанности новой метлы, мела чисто, но теперь, когда она поистрепалась, когда ее уже перестают понимать, пришла пора выяснить, что роль ее только служебная. Изба выметена, остались в ней блюдушие чистоту, и можно, пожалуй, на время остаться без метлы. Пора сказать во всеуслышанье: «Искусство может оставаться самим собою, но мы желаем осознать его место в иерархии ценностей, выяснить его цель, не умаляя тем, но возвеличивая его достоинство». Повторять ли избитую истину о великих художниках, не полагавших достижение своей художнической цели в чередовании звучных строф и соналожении ярких красок. Сие им присуще по праву владения, как великим мастерам, но не в этом только их заслуга, и никогда прекраснейшее само по себе (формально) японское искусство не будет идеальным для истинного европейца — эллинского потомка и наследника в духе, ибо японская живопись не знает картины и, следовательно, не ищет синтеза, ибо японская литература органически чужда Дантовой «Божественной комедии». Великолепно-отчетлива китайская бронза, но сколь великолепнее Фидиев «Зевс», помавающий бровями, сколь великолепнее микеланджеловские «Моисей» и «Давид» и сколь характернее для истинно-человеческого духа химеры собора Парижской Богоматери именно тем, что они водружены на Божьем храме. Не восхвалять все это я собираюсь, но просто указать на явное большее великолепие сих.

У японцев есть утверждение пола ради пола. Так неужели Розанов — желтая опасность?

Дана власть вязать и решать. Нет! Сам Розанов, наверное, не желтая опасность, ибо он все же европеец и не вполне адекватен своим книгам (это можно доказывать с фактами в руках). Он всем сердцем возлюбил Библию, но в книгах его заключается потенциальная желтая опасность потому, что в Библии

он возлюбил только ветхозаветную ее часть, до Христа, а желтая опасность в нас самих, в том, что мы можем противопоставить Дальнему Востоку. Да, конечно же, только Лик Христов и уж никак не еврейское обрезание и половое благодушие.

Во Христе пол мучителен, но в Нем же и разрешение этого вопроса вопросов.

Здесь, в Петербурге, не принято удивляться чему-либо. И это «не принято» так глубоко вросло в здешние души, что спроси: может ли быть, чтобы А, В, С и еще несколько (имена рек), люди совершенно различные, собрались в кружок под девизом «искусство для искусства» (будь это поэты, живописцы или музыканты — все равно), — петербуржец ответит: «Отчего же? Я их понимаю». Но, право, он их не понимает, да и как же понять, когда здесь эклектизм должен быть положен во главу всех углов? Если уж нашли возможным А, В и С объединиться, то не значит ли это, что вопрос творчества для них только вопрос методологический?

И заседают в подобном кружке А, В и С, люди симпатичные, хорошие, заседают добросовестно и решают, почему стихотворение А, как сонет, плохо и почему сонет В хорош... Очень мило. Никто не может обвинить симпатичных дилетантов, ибо специалисты в кружки не объединяются, в том, что не умеют отличить ямба от хорея. Да, но все же их следует обвинять в том, что у них плохая, недалекая эстетика.

Пусть этот А, распинающийся в кружке за чистое искусство, выйдя после заседания куда-нибудь на Фонтанку, когда хлещет в лицо косой дождь, сердито бурлят волны и холодный ветер свищет из-за углов, пусть он почувствует здесь, перед лицом хаотической природы, что дана нам темная пока для нас власть вязать и решать, почувствовать необходимость этого дара, и (если он — А, дитя) что мировая игрушка еще недоделана, и рано отделять ее поверхность. Куда деваться с одними, хотя и добрыми, ямбами и хореями в октябрьский ненастный вечер перед лицом природы, как бы возвращающейся к своей первоначальной бесформенности? Вот, поистине, покушение с негодными средствами, эти самодовлеющие ямбы и хорей.

Просветленная эстетика. Пожелаем, чтобы А просветил свою эстетику через возложение ее на Платоновы мощи, если уж эстетика Данта и Владимира Соловьева ему не по плечу. Просветлить — значит

* Статья публикуется с небольшими сокращениями.

исцелить. От такого исцеления было бы только хорошее, ибо очень острым должно быть мировосприятие исцеленного калеки и потому сколь полезным может оказаться исцеленный калека.

Кто желает быть архитектором в мире, да призовет себе на помощь Мнемозину и ее дочерей. Вместе с музами и во главе их грядет Аполлон — Архитектор по преимуществу.

Пожелаем того же и Розанову. Пусть он сначала вспомнит, поймет, что мир до Христа был хаотичен безусловно, что только с Христом явилась уверенность в победе над миром. После Христа хаотичность мира стала условной. До Христа души благочестивейших царей и пророков, души людей, коих мы чтим святыми, шли в Ад, ибо прежнего, Адамова Рая, уже не существовало, и нового, Христова, еще не было. Христос же по смерти своей извел души усопших из Ада.

В утверждении, что положено начало божественному подчинению Хаоса, и заключается смысл Христо-вых слов: «Мужайтесь. Я победил мир».

Содержимое мира — плоть. В субъективных формах духа мы стараемся высветлить это содержание. Но в субъективных формах высветления борьба Аполлона и Диониса, — в этом еще нет победы. Победа Христова в том, что рождена форма объективная и что Плоть становится столь же объективной, как и Дух Христов.

А если Христова Рая нет, на что мне самодовлеющие ямбы и хорей, на что мне самодовлеющий пол? В отрицании Христова Рая начало возвращено.

У Розанова дурной вкус. Пусть он просветлит свою эстетику, и тогда он увидит, что в хаосе самодовлеющих и только самодовлеющих вещей ее нет. Она начало устройства.

Розанов умен и силен, и поэтому ему можно смело посоветовать возложить свою эстетику не на Платоновы мощи, а на Евангелие и Апокалипсис.

Кто не эллин — тот не христианин. Зерно христианства в еврействе, но рост его в эллинизме. Зерно в ясном сознании того, что Бог един, рост — в стремлении к единству мира.

Знаем, что еврейство было избранным народом, но Библия рассказывает нам, как этот народ в его избрании постоянно приходилось удерживать на тугих вожжах. Причина, очевидно, кроется в тягостности непреложного сознания об истинном бытии Бога Единого и в некотором неверии, пожалуй, отсюда проистекающем. Соломон, мудрейший из людей, соблазнился и принес идолические жертвы. Я хочу указать на то, что между собой они постоянно твердили: «Мы — избранные, мы — цари, Мессия лишь для нас. Придет Мессия, и будем господствовать в мире». Когда пришел Мессия и сказал: «Несите ни эллин, ни варвар, ни иудей, пойдите и принесите себя в жертву миру, его брожению и росту», — они Мессию не поняли. Для них это был не тот Мессия, которого они ждали. Они думали, что Мессия нужен только для того, чтобы утвердить ясность их представлений об Едином Боге, укрепить их в вере отцов. Мессия же принес новое, и, не приняв этого нового, они за чечевичную похлебку национального избрничества и отообщенности продали свои права первородства. И сознание Бога ушло от них, началось распыление по лицу земли. Бога заслонила национальная обособленность.

Спешу оговориться: в еврействе было два зерна. Одно захотело прорасти, понимая как начало приложения сознания к делу слова Божьи: «Что Бог очистил, то ты не скверни». Другое прорасти не захотело и потому для мира умерло. Здесь я мог бы прибавить несколько соображений, касающихся дальнейшей роли еврейства и подтверждающих только что сказанные выводы, но не хочу незаслуженно прослыть анти-семитом, что по нынешним временам так легко. Когда зерно прорастает, оно перестает быть самим собою и в росте становится чем-то одним с теплом, светом, влагой и землей. В эллине и его младшем брате римлянина, а также в отце их египтянина было заложено стремление к единству, это самое стремление роста, стремление к единности с миром. У египтян Изиды ищет, собирает воедино разбросанные члены Озириса, а эллин ставит алтари «Неведомому Богу».

Сам Розанов передает в своей книге «Около церковных стен» следующее:

«Древние политейсты не только не исключали поклонения никакому, чуждому им самим богу, но были так простодушны и ласковы ко всем народам, что на тот случай, если в какой-нибудь стране, так сказать, географически не открытой, тамошнее население или по какой-нибудь случайности не поставили своему богу — то вот они, афиняне, ставят этому Deo ignoto алтарь, и таким образом божество не остается без жертвы, а народец ничего не терпит за безбожие».

Готовность к религиозному проникновению удивительная. И поэтому Павлу легче проповедовать перед Ареопагом, нежели перед Синедрионом.

Итак, мы перестанем быть христианами, как только расхотим быть эллинами.

Была ли Богородица Девою? (Вопрос из брошюры Розанова «Русская церковь», имеющей близкое отношение к «Метафизике Христианства».)

Розанов ставит вопрос медицински и только медицински, без обиняков, не понимая, что слово «Дева» и понятие о девственности есть нечто гораздо большее. Девственность Марии находится в прямой зависимости от того, спас ли Христос мир. Если Розанов докажет мне, что мира Христос не спас, да и не спасал, тогда я соглашусь, что Марии не приличествует быть Девою. Ибо, повторяю в иной форме, девственность ее стала непреложной лишь по воскресении Христовом; во Христе, своем Сыне, Она стала Девой и Невестой, утвердила свое девство. Церковь поет: «Невеста Невестная», то есть иная, чем другие невесты.

Если бы Христос внял искушениям Дьявола в пустыне, после сорокадневного поста пал бы постыдно, то и девственность Марии пала бы. Дьявол — циник, и мы, вместе с ним, имели бы право на цинизм. Но Христос искушениям не внял, а потому, ради Него, Василий Васильевич, избавьте нас от новой «Гавриляды».

О дьявольском цинизме мне придется еще говорить в конце статьи.

Розанов, наконец, не верит в чудо. Если можно зачать от Духа Свята, то можно и родить, оставаясь физически девою. И если для него затруднительно понять «становление девственной», то пусть бы уж думал попросту.

Об эстетическом восхищении Адамовым. У Розанова особое и постоянное тяготение к Адамову Раю —

золотому веку человечества. Эстетическое же восхищение Адама Евою, пожалуй, можно видеть только во времена до грехопадения, да и говорить об этом в форме гадательной, ибо не следует ли предположить, что эстетические чувства выработались в человечестве постепенно, по принципу «не отвлекаясь горького, не узнаешь и сладкого». Это о положительной творческой эстетике. Отрицательная же эстетика возникла сразу после грехопадения, когда Адам и Ева взаимно устыдились своей наготы, почувствовали свое эстетическое бессилие. «Сшили опоясания из листьев», да ведь во времена это почти то же, что издали закон о вреде порнографической литературы, поспешили себя явно ограничить.

Название древа познания добра и зла слишком прозаично для того, чтобы гадать о нем, что оно значит. Слишком прозаично по отношению к человеческой истории. Колебание маятника между сознанием свободы воли (красивым добром) и детерминизмом (некрасивым злом). Вот наги, нехорошо наги, а нас никто не спросил, хотим ли быть нагими. Так не хотим же. Красота спасет мир (как давно знали об этом, задолго до наших времен), та красота, которую создадим. Так сошьем же себе красивые опоясания. Жаль того, что никакие наикрасивейшие опоясания не помогут там, где нужно красивое тело. Никакие маски.

Древний мир был под маской. Но явился Христос и, тайнодействуя, снял маску с мира в своем лице. Вот отчетный образ Христов неизъяснимо прекрасен, что признает и Розанов, вот почему и Мария в Нем прекрасна.

Христа и Марию можно обнажить непостыдно. Если же ни один художник не сделал для нас этого, то потому, что мы недостойны зреть. Все, и сам художник. За спиной Данта и Владимира Соловьева всегда стоит Федор Карамазов, хотя бы в лице Розанова, и просовывает сквозь их душу к картине свои цепкие пальцы. В одиночку все это продельвать бы, но здесь индивидуализация созерцания была бы новым преграждением против единства и братства, и дерзости никого из святых не хватит на единичное созерцание. Оттого молитва святых, как и молитва мытаря, говорит одно: «Боже, милостив буди мне, грешному».

Мы изначально были наги беспомощно, с самого сотворения нашего. Только человек — истинный микрокосм и, как таковой, разумеется, отраженно наг, несмотря на все маски. Но он в микрокосме заключен, как зародыш в яйце, и только о том и старается, чтобы слиться воедино с макрокосмом, прорасти. Высшее наслаждение видеть и чувствовать Душу Мира.

Библия не нашей изначально-отраженной наготы. Когда Адам и Ева сказали Богу «увидели, что наги, и скрылись», Бог спросил: «Кто вам сказал, что вы наги?», т. е. не отрицал правдивости их слов, а только добавил, как некую неизбежную мысль: «Не познали ли вы добро и зло?»

Мы уже не хотим Адамова Рая. Вспомните Ивана Карамазова.

А, главное, помните: когда Адам и Ева друг от друга укрываются листьями, то где же здесь «эстетическое восхищение», о котором говорит Розанов?

Но вот великая правда, которую Розанов хорошо знает (за что ему спасибо), хотя и плохо толкует: все наши построения, вся этика и вся эстетика начинается

с пола. Пол — краеугольный камень нашей истории, и в нем все должно разрешиться, как началось с него, с того, что Адам и Ева увидели наготу пола.

А впрочем, кто же этого не знает?

О веселом христианине («Метафизика Христианства») Розанов говорит, что «веселый христианин» так же невозможен, как и «круглый квадрат». Неправда!! Эмпирически веселых христиан много, и Владимир Соловьев, которого Розанов сам выставляет, как пример христианства, был довольно веселым человеком. Вот благодушные христианину не пристало: это удел татарина только и даже не иудея. У иудея самый тип лица скорбный. Больше чести для христианина в том, что он спокоен и строг. В этом залог его правохудожественной деятельности. Материала же (бунта) достаточно заложено в каждой душе.

Радоваться хотим во Христе: «О Тебе радуется всякая тварь». И лишь в Царствии Божием. Мы подобны тому ученому, о котором рассказывает Иван Карамазов: «Хотим — идем, хотим — нет, но все же возрадуемся».

Социализм и христианство. Социализм и христианство действительно плохо совместимы. В этом я соглашаюсь с Розановым. Но почему несовместимы? Между ними та же разница, что в искусстве между стилем и манерой. Стиль явлен тогда, когда на единой плоскости растет многообразие. Но в манере многообразное подгоняется под единую плоскость.

Кстати: Розанов сам по себе стилин, но по отношению к христианству и полу у него манера.

Убили Бога. В этом тайна, но вместе с эллином, памятуя его дионистические обряды и празднества, думаем: «Так надо; в этом нет греха». Для еврея же это было бы непонятно и страшно.

Учение «божьих» людей. Тайственная смерть и тайственное воскресение. Малый росток новой жизни.

Уже эллины знали: «Умереть — значит родиться». Розанов на эллинов ссылается часто, но этого он, кажется, никогда не поймет.

Христов ли мир? Мир изначально Божий, но не Христов. Иначе здесь начинается детерминизм. Мир наш, но нашим он стал через Христа. На самом обыденном языке можно сказать: «Без Христа мы не завладели бы миром».

Несоответствия. «Пушкин писал «Руслана и Людмилу», декабристы зачитывались Ламартином и проч. ...В Сарове спасался в то же самое время Серафим».

Ламартина я уступаю Розанову, но Пушкина нет. Сперва Пушкиным владел бес: он написал «Гавриладу». Даром ему это не прошло, ибо потом он написал «Бедного рыцаря». Огромное значение «Бедного рыцаря» в нашей литературе до сего времени остается невыясненным.

Вероятно, мы еще не скоро увидим дельную философию нашей литературы.

Матерь Заступница. По поводу слов Буслаева о том, что Лик Спаса всегда пугал своей строгостью и суровостью.

Мир боится строгости и суровости даже в малом, как же ему не бояться Спаса?

Не столько Лик страшен, сколько слово Христа. Богоматерь же никогда не говорила нам. И мы еще не говорили. Поэтому Она, Мария, этим в нас больше, чем мы во Христе. Отсюда понимание: Матерь, заступница наша. Образ человеческий будет иметь красоту неописуемую, равную Ее красоте. Это мы с Ней родили Христа, или: с нами Она родила Его.

Младенец совершенный. Розанов мыслит так: раз младенец совершенен, то, следовательно, и яблонька, от кося младенец произошел, тоже достаточно совершенна (на большое совершенство Розанов не зарится). Но если Розанова спросить: «Так вообще-то человек совершен?» — Розанов ответит: «Нет». Спросить: «А в частности? Например, царь Давид?» Опять Розанов ответит: «Нет».

Казуистика, казуистика иногда полезна. Пусть Розанов, благодаря ей, видит, что не стоит родиться совершенным для того, чтобы впасть в прегрешения. Христианство тут ни при чем, и незачем говорить, что оно испортило мир. Напротив, Христос сказал: «Будьте совершенны, как Отец ваш небесный совершенен есть».

И затем. Младенец совершенен, но ведь в нем-то и есть то самое «безличие пола», о котором так много говорит Розанов, оценивая его отрицательно.

Хочешь остаться младенцем — забудь о поле, никогда не пробуй жить половой жизнью.

Бесконечное число совершенных младенцев — идеал Розанова. Но только совершенство как бы вспыхивающих только и сейчас же погасающих огоньков. Навсегда. Мировое мерцание взамен мирового света.

О смысле чуда. Подозревать Христа в том, что Он творил чудеса ради уловления в свои сети сердец человеческих? Не знаю. Приходится быть грубыми и сказать: «Христос не Чичиков, и Мертвых душ ему не надобно. Какая цена тому, кто верит только из-за чуда?»

Что сотворил Христос, то сотворил ради нас (исцелял хромых и расслабленных — исцелил больной мир). Что в Кане Галилейской, тоже для нас. Претворил воду в вино. Какое хорошее первое чудо, полное глубокого смысла.

Где-то Розанов упрекает христианство за то, что, изгнав из храма животных (символ здоровья и плодородия), оно отвело храм неплодородным калекам. Какое непонимание! Ведь Христос исцелял убогих, давал им новую жизнь — значит, храм и нужен для жаждущих исцеления. Не здоровые имеют нужду во враче, но немощные.

Государство — форма. Форма безразличная по отношению к своему содержанию. По Розанову, значит, благодушная, не Антихристова. А если Антихристова, в силу своего безразличия? Вы только видимо покорились мне. Знаем мы это «видимо»!

Христос не женился. Христос — Жених, но Невеста еще себя не готовала.

Упование Рода Человеческого. Род человеческий уповает не на скорбь свою, а на то, что можно стать целостным.

Уповает на Марию, но разве Мария не род человеческий? Да, и Нерушимая Стена. На Нерушимую Стену уповать можно.

...Сатана и женщина — враги между собою. Семья жены будет стирать главу Змея, пока не сотрет, и нет для Сатаны большей радости, как бесконечность рождений. Рождаются благодушные младенцы, но разве благодушный сотрет главу своею мощной пятой, да благодушному и не иметь никогда мощной пяты.

Розанов заставляет женщину рожать бесконечно: он вовсе не хочет признать в ней общечеловеческого, некоей половины единого. Розанов — враг женщины. «Упаси Бог ее от индивидуализации, — как бы говорит он, — трагедия индивидуализации может повести ее к катарсису». Розанов не хочет понять, что уже трудно рожать, и он еще готов, быть может, с трудом дать женщине некий незначительный кусочек сознания, но только очень маленький и по возможности без трагедии.

Кроме того, у Розанова постоянное влечение к гарему (в книгах). А владельцу гарема совершенно безразличны Фатъма и Ревекка сами по себе, помимо того животнo-полового удовольствия, которое они могут доставить ему. Например, безразлично, что Фатъма или Ревекка хорошо играет на лютне, т. е. то, что это именно Фатъма, ее душа. Все равно, кто она, лишь бы играла на лютне, а я, господин, с полным безразличием могу слушать ее. Ведь там, в Магометовом раю, не Фатъма, а Гурии будут усаждать его. Безразличные Гурии, которые ни о чем не спросят.

Итак, полное отделение одного пола от другого в том, что может быть общим. Европейец влечется именно к этому общему, и чем лучше, шире, общее, тем сильнее он любит.

В этом-то и есть начало философии полов, но уже не философствования, — начало построения мира. Философия пола могла возникнуть только в христианстве; в безразличном половом иудействе и магометанстве ей нет места.

У иудея и магометанина иначе: «Можешь не любить, но будь верной господину». Это мораль.

Мы — другие, и пока что: «Мира Твоего не приемлю».

Закон и пророки. «Возлюби Бога всем сердцем и разумением и ближнего своего, как самого себя. В этом Закон и пророки, а я пришел не нарушить их, но исполнить».

Исполнить — значит дать полноту смысла.

Возлюби ближнего своего, как самого себя, не больше. В этом уравниении мудрость единения. Только в таком любовном уравниении и может быть начало единства.

Два есть начало единого — муж и жена, даже до того, что ради двух праведников в Содоме Бог пощадил бы отверженный город. Два праведника (и если муж и жена) — корень праведного вообще, но один в поле не воин. В Содоме оказался один праведник, и ему надлежало выйти вон из Содома. Жена Лота праведною не была и за то обращена в соляной столп; Лот не оглядывался — она оглянулась.

В этом непонятном обращении за любопытство в столп, как легкий незаметный ветерок дунул из того мира — мира смысла. Но в этом холодящем ветерке, в связи греха и неизбежного наказания, и есть начало разъединения, разложения. Будьте одно, но она отрицала эту единость, она плохо верила Богу, плохо ходила перед Его Лицом.

Человечество вообще — множественность. Человек робеет, терзается перед другими такими же, и лишь любимая жена может связать с собою, т. е. с другим человеком, и, следовательно, потенциально с миром. Возлюби жену, как самого себя, потеряй различие между ею и собою, не знай, где она в тебе начинается. В любви к ней — первый шаг к единству.

Розанов говорит: «Исполняю Закон и пророков», — но отделяет мужа от жены. Мужу — мужское, жене — женское, определяет он.

Жена Лота (у него) может оглядываться, и сердце Лота не должно дрогнуть от этой холодающей неслитости ее души с его душой — ибо не должно быть (по Розанову) в мире смысла.

Об яичках белом и золотом и о том, почему Иван Карамазов мировой гармонии не приемлет. Есть у народа присказка о том, как: «Жили-были дед да баба. Была у них курочка-ряба. Снесла она им яичко, но не простое, а золотое. Дед бил-бил, не разбил, баба била-била, не разбила; побежала мимо мышка, хвостиком задела, яичко покатилося и разбилося. Дед и баба плачут, а курочка кудахчет: «Не плачьте, дед и баба, снесу я вам яичко, только не золотое, а простое».

Золотой век для человечества кончился с изгнанием Адама из Рая, и человечество пошло сквозь огонь, воду и медные трубы к Новому Раю — к белому, простому яичку.

Этих огня и воды, этих медных архангельских труб не забыть. «Кто не примет крещения огнем и водою, тот не вникнет в Царствие Небесное».

Иван Карамазов боится, что его в конце концов обманут, дадут опять золотое яичко, заставят забыть то, что он не хочет, не должен забывать. Быть может, боится своего благодушия, боится и того, что он сам, без понуждения и обмана, увидев красоту и величие Золотого Рая, забудет огонь и воду, которыми крестился, примет золотую мировую гармонию. Слишком честен Иван Карамазов.

Золотое яичко миру хочет подарить Великий Инквизитор. «Пусть люди будут благодушными и пусть рожают детей», — говорит он, Иван же Карамазов отвечает: «Нет, пусть страдают, через то узнают себе цену».

«Сколь дороже вы птиц небесных и лилий полевых у Отца Моего».

Солнечный свет белый, простой, синтетический. И одежда христианина белая.

А от благодушных младенцев мир задохнулся бы. Статистическая теснота в будущем. Но вот они, благодушные и совершенные, умирают от скарлатины и дифтерита, и потому дышать как будто легче. Жалко их, но на кладбищах обычно хороший, чистый воздух.

Дьявольский цинизм. Отвергающий женщин не отвержен от Жены. Розанову и этого не понять, но только объяснить ему это я не буду. Розанов — циник. Вот Пушкин это хорошо понимал и так смело писал «Бедного рыцаря». Сатана у него говорит:

*Он-де Богу не молился,
Он не ведал и поста,
Он за матерью Христа
Непристойно волочился.**

Сила и резкость цинизма для нашего уха заключаются не в том, что говорится одно и то же, только другими, смелыми словами, но в том, что предлагается то же самое, только иною властью и со всеми последствиями, от этого нового проистекающими, так сказать, в чувствовании этой иной власти.

Когда Христос в пустыне был искушаем от Дьявола, Сатана предлагал Иисусу все то, что уже имел Иисус: хлеб, власть, чудо. Казалось бы, бессмысленно так поступать, так искушать, но на самом-то деле сильнейшему в мире было явлено и искушение самое сильнейшее; воочию видел он кажущееся безразличие Божьего и дьявольского. Тягчайшее искушение. И отошел Сатана до времени.

Сколько раз приходил он потом? И сейчас стоит над миром, смеется дробным смешком, говорит те же дерзкие слова, что и христианство, накладывая на них некий тонкий отпечаток своей искаженной природы. Немногие понимают это. Вот Пушкин понимал, и у него в ответе Сатане:

*Пречистая сердечно
Заступилась за него (т. е. за рыцаря)
И впустила в Царство Вечно
Паладдина Своего.*

Улыбнулась тихонько Мудрая.

Владимир Соловьев, в предисловии к третьему изданию собрания своих стихотворений, говорит о некоей черте, весьма тонкой, едва уловимой черте, которая должна отделить одну власть от другой. Пушкин эту черту знал. Если не разумеешь знал, то чувствовал благословенным талантом своим. Богоматерь у него так просто, естественно названа Пречистою, заступление ее так видимо сердечно. Двумя словами очищено, разрешается все стихотворение и совершенно ясно намечено очищение в трагедии человечества. Это — символ, большой и благоухающий.

Последние будут первыми. В кротости христианства заключено величайшее дерзанье — утверждение своего становления праведным, в Боге. Христианство самое сильное и смелое в мире. Никто с такой твердостью не сказал себе: «Да», — как оно.

Этой смелости не нужно бояться. Не нужно бояться и эволюционирующего христианства. Христос лишь бросил закваску в муку мира. Закваска соединила мир, тесто поднимается, но в Царстве Небесное войдет лишь тот, кто не побоится умножить свои таланты; из гнилой же муки теста не выйдет.

Древние христиане разбивали эллинских богов, бежали от женщин в пустыню. Мы этого не делаем, но не потому, что мы стали релятивистами в религии. Нет! Наша философия выросла (любовь к Мудрости Божьей), стала глубже и шире. Христианство не может падать или стоять на одной точке. На некую высокую гору поднимаемся мы.

Последние будут первыми.

В чем же наша сила?

Малорусское сказание. «У Бога были два любимых ангела. Одного звали Миха, другого — Сатанаил. Сатанаил возмутился против Бога и отпал от Него. Миха остался верен Богу. По сотворении мира, Миха вступил с Сатанаилом в единоборство и одолел его. Сатанаил побежал, чтобы спрятаться от Михи, он полез на дерево, но в это время выскочил волк и откусил Сатанаилу пятки. Так потерпел Сатанаил; Бог же

* Здесь и далее — цитирование авторское. (Прим. ред.)

сказал: «Вот Сатанаил побежден Михой и поэтому Миху нужно вознаградить за победу. Так как у Сатанаила откушена часть тела, то отнимается от имени его окончание и дается Михе». С тех пор Миха стал Михаилом, а Сатанаил — Сатаной.»

Сказание, очевидно, не чисто малорусского происхождения, на что указывает игра окончаниями имен (ил — эль — Божий). Но смысл ясен: будем Божьими, если победим Мир и Князя его.

Я уже говорил об Аполлоне — Архитекторе, но мне приходится возвратиться к нему.

Дьявол с Богом борются, а поле битвы — сердца человеческие, говорит Достоевский.

В сердце человека борются Аполлон и Дионис, но если победит Аполлон, то это будет победою Дьявола. Если победит Дионис — тоже. Ибо после победы и тот, и другой станут тенью: пустым (Аполлон), бесформенным (Дионис).

Противоположение, из которого, казалось бы, нет выхода. Но приведенное сказание помогает нам разобратся в этом противоположении.

Имя «Миха» — дионисическое, бесформенное. Форма (Божий) дается ему лишь за победу над братом своим Сатанаилом, ставшим, по существу, ложью и не имеющим права на такое имя. Здесь характерно и то, что Миха вступает в борьбу, очевидно, по собственному побуждению, т. е. как бы с самим собой, потому что естество борющихся одно и то же. И еще характерно, что единоборство происходит лишь по сотворении мира, чтобы было на что стать пятою. В результате борьбы Сатанаил лишен пят и имени первоначально-го, того, в котором только истинная сила, той пяты, которой можно опереться в мир.

Дионис же становится Аполлоном, но Дионис в Аполлоне не умирает.

Пята многозначительна в человеческих сказаниях. Ахиллес уязвим только в пяте. Семя Жены пятою сотрет главу Змея. Под пятою Жены, облеченной в Солнце, — Луна, Девственность, нерастленный мир.

Так некогда выяснился вопрос, быть ли Деве Мира нерастленной.

Да. Быть. Двое посягали на Деву Мира. Но один из них лишен пят, лишен опоры в мире. Другой же не растлитель, но Жених. И лишь ему Дух и Невеста говорят: «Прийди».

Сатана уже не архитектор и говорит постоянно: «Не нужно строить». Он не аполлиничен, но и не окончательно дионисичен. Искаженное отражение того и другого. Миха искони дионисичен и аполлиничен вместе, но то и другое у него в росте. Искони борьба между теми, что говорят: «Мир есть законченная форма», — и теми, которые миру определяют рост.

Сатана не стал дионисичным, ибо за ним в прошлом, как хвост за кометой, тянется тень его бывшего аполлинизма.

Мир в застое, мир в недвижимом дионисизме и недвижимом аполлинизме будет сатанинским. И Сатана мечтает: перестать быть тенью, стать семипудовой купчихой, ходить в баню и даже благодушно ставить Богу пудовые свечи.

В аполлиническом становлении наша сила. Аполлон вправе содрать шкуру с Марсия, ибо Марсий своей игрой будит темный хаос звуков.

Безматерность. Пока же мы еще не рожденные, безматерные, и Жена, облеченная в Солнце, еще не

знает, что имеет в чреве. Были созданы — будем рождены, или еще лучше — родимся, самообразуемся, самоформируем, как Миха.

Апокалиптика. Апокалипсис — человеческое пламя на неопалимой купине Евангелия.

Мы покамест в Апокалипсисе.

Апостолу Петру — Камню Церкви — было предсказано, что когда он состарится (к концу мира, быть может), то препояшет его другой и поведет туда, куда Петр идти не захочет. Так и случилось. Иные препоясали Церковь и ведут Ее, куда хотят...

Петербург, 1912 г.

Публикация
Ю. Ключникова

Только у нас
Вы можете приобрести журнал

"ЮНОСТЬ"

по самым

**НИЗКИМ
ЦЕНАМ**

во всем СНГ

Имеются

номера журнала
за прошлый год

Москва, 101524, ул. 1-я
Тверская-Ямская, 2/1
Редакция журнала "Юность"
тел. 251-46-84

Геннадий Мигачев жил в Казани и прожил в этой жизни 20 лет. Он сам научился играть на гитаре и начал с «малиновых» песен. В них были напор, задиристость и крепкое словцо. В 1989-м (Геннадий исполнилось семнадцать) он принял участие в IV фестивале самодеятельной песни в Набережных Челнах и занял там первое место, исполнив «Янтарь» и «Король стены». Тематика его песен становится разнообразной и глубокой. А спустя три года, 12 мая 1992 года, Геннадий трагически гибнет.

После него осталось свыше 500 стихотворений и песен. Есть романы, повести, рассказы. Осталась книга, четырехсотстраничная, в жестком переплете, которую на последние деньги, перезаывая и распродав нехитрое имущество, издала его мама. Книга называется «Меня никогда не было» — строчка его стихов...

А еще он называл себя «поющий поэт».

Месье Зодиак

Природа людей, покидающих морг,
Летальным исходом щедра,
Месье Зодиак покидает Нью-Йорк
Без четверти десять утра.

Причины исхода до смерти грустны,
Как вспаханная целина,
Погибший в бою подполковник весны
Забыл, что такое война.

Он часто послал золотое песенке
С разбитым зеленым стеклом.
Он знает, как шутят на той стороне,
И часто шутил за столом.

Он где-то под сердцем послал эдельвейс,
Но вслух он его презирал,
А пынче закончен трагический рейс,
Месье Зодвак — генерал.

Месье Зодиак поддается игре,
Он курит индийский кальян,
Вчера я его повстречал в кабаре,
И был он до крайности пьян.

Он, кончив шампанским торжественный ленч,
Заснул летаргическим сном,
Зеленая муха уселась на френч
Напитаться разлитым вином.

Зеркало вселенной

Тот, кто смотрит с Земли на Луну,
Лишь блестящее видит пятно,
А с Луны я на Землю взгляну,
Вижу тот же эффект все равно.

Черным дырам космическим в зоб
Мы глядим, словно в дуло мишень,
Но глядеть отражению в лоб,
Что до пяди урезать сажень.

Кто ведет эту партию в нате?
Видно, кто-то от теш померк,
Но сегодня большой звездопад,
Вам обоим гремит фейерверк.

Загасив на рассвете свечу,
Разберись, где король, где ладья,
Обо многом я здесь промолчу,
Но скажу: «Вам Юпитер — судья».

Вам орбита послужит межой,
Вы лучами горите из пнезд,
Но не ваш тот огонь, он чужой,
Вы его отразили от звезд.

Вы сильны, по в галактике всей
Есть немало вам альтернатив,
Я смотрю на вращение осей,
Закрепленных в законный штатив.

Янтарь

Маме в трудные дни
научных поисков

Стоят напротив две тайги:
Одна тепла, как день, светла,
В другой же не выдать ни зги
И пет тепла, одна смола.
Я между них иду тропой...
Куда идти? Где лучше мне?
Мне ветер в грудь, хоть волком вой,
И по спине, и по спине.
Конечно, слева ярче путь,
Но нужен мне бесплотный свет?
А справа тьма. Но в том ли суть?
Ведь тут грибы, а там их нет.
Во тьме — клыки из-за угла,
А там светло и нет клыков,
Но тут поблекшая смола,
А там янтарь в воде веков.
Янтарь во тьме, как свет, блеснул,
А слева натуральный свет,
И я направо повернул,
Обратно мне дороги нет.
Но не жалею я о том,
Янтарь беру, отдав тепло,
И всем на том пути крутом
При жизни очень не везло.
И ты, как выйдешь на тропу,
Не ошибись, куда свернуть.
Не трусь же, испытай судьбу!
И будет вечен этот путь.

Двойник

Я услышал лишь то, что не прав он,
Остальное впитала зима,
Ведь она приготовила саван
Тем, кто сходит весною с ума.

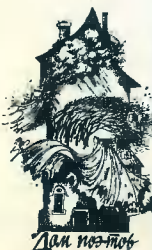
Мокрый снег все окно обесцветил,
Я плечами к дивану приник
И, глаза открывая, заметил:
В двух шагах от меня мой двойник.

Он далек от аодобий калеки,
Но не то чтобы очень могуч.
Я успел, и захлопнулись веки,
И рефлексы закрыты на ключ.

Отрубаюсь под музыку Верди,
В этот миг мне не падо другой,
Это сон — производная смерти,
Если спишь, то в могиле ногой.

Кто-то крикнул мне в спину цинично,
То, что люди — природный тупик,
Мне все это давно безразлично,
Потому что живет мой двойник.

Он поет этот гимн человеку,
Оборвав незаконченный слог.
Я лечу через мертвую реку,
И тот берег уже педалек.

* * *

За Красногорском низкие холмы,
Прохладные приюты свежей тьмы,
И новое шоссе летит до Риги —
Туда за прибалтийский окем,
Где мы еще умели быть вдвоем,
Где храмы полны светом, словно книги.

Такая там стояла тишина
От легкого латгальского вина,
От близости, от счастья, от испуга,
Что невозможно надышаться винок,
Что, жвзни испытыва короткий срок,
Нет силы вдруг остаться друг без друга.

Шоссе летит, как лвсточка, стремглав,
Касаясь облаков, деревьев, трав,
Дыша озоном и бензиновым чадом,
И в дальней дали исчезает с глаз,
Как все, что мы любили в добрый час,
Что унеслось, что остается рядом.

Летописец

Где пишут без черновигов,
Клубится пыль семи веков.
И прочный ряд иолуустава,
Как богатырская заставка,
Не знает страху и чернил.
...Но ангел крылья уронил.

Жизнь разворачивает свиток
Противу всех, себе в убыток,
И кормит с коичика пера
Печаль без злата-серебра...
Вивчале трубы прозвучали,
А истина — в конце, в печали.

Да, летописец зрит итог,
Смыкая Запад и Восток
С той тайной чвстью небосвода,
Где смердам и князьям свобода
Открыта, как Великий пост,
Средь справедливости и звезд.

Цень рассуждений и оценок
Смерть перервет или звстенок.
Крива излуцина ярма,
Дорога к истине пряма.
Бог даст все описать, как есть, —
Хватило б мужества прочесть.

Октябрь 93-го

Под свастикою черная рубаха,
И ночь толпы, и вой ее, и рык.
Я исвугался, не почуяв страха,
Как будто к этой смерти не иривык.
И день, и два от дома до погоста
Дежурное летвет воронье,
Не крестной муки нв губах короста,
Но жар, вх иссушивший, — от нее.
Когда белой срывает двери с петель,
Мужайся веред пульей и мечом,
Терпи и глаз не онускай, свидетель,
Ты виноват, ты врав, ты обречен.

Алена

Все листья облетят с акации и клеа,
Их яркий хоровод затихнет, покружив.
Ты только отзовись, как в прошлый раз, Алена,
А я тебя везде ницу, покудв жив.
Там, где сейчас стоишь, играют на рояле.
И струны в нем дрожат и ходят ходуном.

Уютно ли тебе в солдатском одеяле,
На камском берегу, где лодки кверху дном?
Ты выступи на свет, как будто на иконе,
Из темной темноты лицо свое яви.
Все воры наших лет, увь, еще в законе.
А горькая вина у нвс давно в крови.
Когда б отозвался с бараčního помоста
И стали мы видны друг другу хоть нв миг —
Не думал бы тогда, что я кричу с погоста,
Поверил бы нввек вранью великих книг.
Покв безумство рвет свой меч из ржавых ножен,
А ржавый листопад кружит, как в старину,
Алена, видит Бог, нвш случий невозможен —
Мне жалко звать тебя с войны и нв войну.

* * *

Не хватает мне самой малости,
Уходящему в ночь, в снегопад,
Чтоб меня, хотя бы из жалости,
Верный голос не кликнул назад.
Не сочтись с годами суровыми,
За душою оставил должок,
Чтоб сыскать под семью иокровами
Откровения свежий снежок.
Чтоб неслышно уйти с поверхности
В глубину от сленой пурги
К прежней силе и прежней верности,
Что хранят и друзья, и враги.

* * *

За три-четыре дня до ледостава
Теряет постепенно ход река.
Гляжу туда, где наших дней не стало,
Глазами молодого старика.
Передо мной пологий берег, ива,
Беспутная и скользкая тропа,
Рвзбросанные, словно после взрывв,
Гнилые доски, облвка, щепв.
Твм ты гулялв с веточкой сирени,
Боялась глубины, квк высоты.
Там волны ударялись о колени,
И звезды расцветали, как цветы.
Там было жаль не кровсoty, не летв,
А краткой иочи нвкануне дня.
Как это странно, до сих пор согрета
Душв тем летом... Обними меня.
Река не очень думвет о русле,
И звездами, и льдинками звеня.
А в грустной иесне, слышишь, нету грусти.
Нет в смерти смерти... Обними меня.

Сума

Если этот мир тюрьмв,
То живу я задарма,
А за стенами ее —
Только смерть, небытие.
Но еще живут ренны,
Бабочки и муравьи,
И ировориее, чем мысль,
Стриж сближает дол и высь.
Тайнами полины леса,
И иоля полины овса,
А холщовая сума
Зивет, чем полна сама.
В ней, иепраздничной нв вид, —
Речи милой алфввит,
Где твк дорог каждый звук,
Словно друг иль сердца стук.
Здесь вся воля, все права,
Если верно взять слова.
Здесь безмеривв цена
На родные имене.

Изба

Провинции скромна картина,
И красота ее не в моде.
Но если очень нофартило,
То книги сыщутся в комодке.
Все иламя в каганце узорном
Сгорит без коноути н чаде,
Покуда за окошком черным
Потянется нв выгон стадо.
И мальчиком усну я ночью,
И встану отроком под утро,
И выгон за избой воочью
Увижу ярче перламутр.
...Ах, время, я н не заметил,
Как ты ускорило течение,
И где изба, что в лихолетье
Приют открывл мне н чтение?
От старости онв ли сгнила,
Жучок ли съел, ножар — не знаю.
Но там, где место это было,
В душе лишь пустота сквозная.
Никто н следа не отыщет,
Давно трава стоит стеною,
И все же контур пепелища
Обходит стадо стороною.

Осенний романс

Т. Жирмунской

Ах, семь струн вронеслось нвд гитарой
в ночной нотолок.
Дрогнул голос, волнения спрятать не в силах.
Самый первый куплет, не романс еще,
только пролог,
То ли в воздухе темном потек, то ли в жилах.

И все сущее вдруг стало ближе н стало родней.
Все пустячное нянуло прочь легче тени.
Что мне краткая жизнь
с бедным неречнем праздничных дней,
Где я весел н пьян, но гуляю не с теми?

Бабье лето царит,
путьники висят нв кустах.
Год пройдет или век, исцеляя, корежв...
Помня все, что забыто,
забыл, что у всех на устах,—
Не нойму до сих пор только, что мне дороже.

А в старинных словах
не случайно зпугался хмель.
Не случайно душа повинуется звуку —
Чтоб и в тесном кругу,
и за тридевять дальних земель
Горько помнить любовь, сладко помнить разлуку.

Дар пророчества

А если ты пророк, то это не норок.
Лишь молния растет над головой со скрином,
И страшно нажимать всеведенья курок,
А в теле дрожь в жар, как будто болен грином.
Боюсь смотреть вперед — надежда часто врет.
Пока она бубнит, уверенно кивая,
Как будто карусель, кружит круговорот
Страстей... Но только всех не вывезет кривая.
Боюсь смотреть назад — твм застарелый смрад
Дотла сгоревших битв, интриг в разговоров,
Случавшихся тогда, как нынче, невпопад,
Ведь краткой жизни суть все та же, тот же нор.
Так что же в искал, когда огонь сверкал
И молния, ветвась, качалась н скрипела?
Что в глубине небес н в глубине зеркал
Скрыто?! Что зв вест там для меня испела?

Всеведенья угар силен, хотя н стар.
Но эхо бранных сил вернется вспять с окраин
В то место, где душв н этот странный дар
Еще со мной, со мной, но я им не хозяин.

* * *

Что кричат записные витии,
Чем грозят со стандартных трибун?
На российских полях Византин
Древней распри насется табуи.
Осторожные шепоты лести,
Яд нитриги, н нож, н кастет
С этим временем все еще вместе.
А у нас уже времени нет.
Вдоль по выжженным стогнам ступая,
Жизнь не знает, когда мы умрем,
И, наверное, служит, слепая,
Для кого-нибудь новодьрем.
Кто привык быть н вечным, н зрячим,
И не знать за собою вины,
Кто смеется, не видя, как нячем
Мы сомнения,— нет им цены.
Но обрящем ли то, что мы ищем?
Но ослим ли в небо подъем?
А пока, сами нищие, нищим
Злато-серебро подаем.

Балкон и мальчик

Балкон стоял один среди деревьев сада
И был необходим, ккв завершение взгляда.
Дорожки всех аллей, но произволу Божью,
Одна другой милей, сошлись к его подножью.

Старинная река игралв, говорила.
Ложились облака на легкие перилья.
Не знал н в том раю, что прямо н что криво.
...Очулся на краю, на самом гребне взрыва.

То был короткий миг вселенского покоя.
Он в душу мне проник, в постарел легко я.
Мир низвергался ниц до бабье-ярской глины,
Летели тени птиц сквозь плывя в руины.

А в небе, выше всех, среди огия н дыма,
Похожий на ковчег, балкон парил незримо.
И вот уж сколько лет ильвет он, как в пустыне.
Но дома, дома нет, н мальчика — в номине.

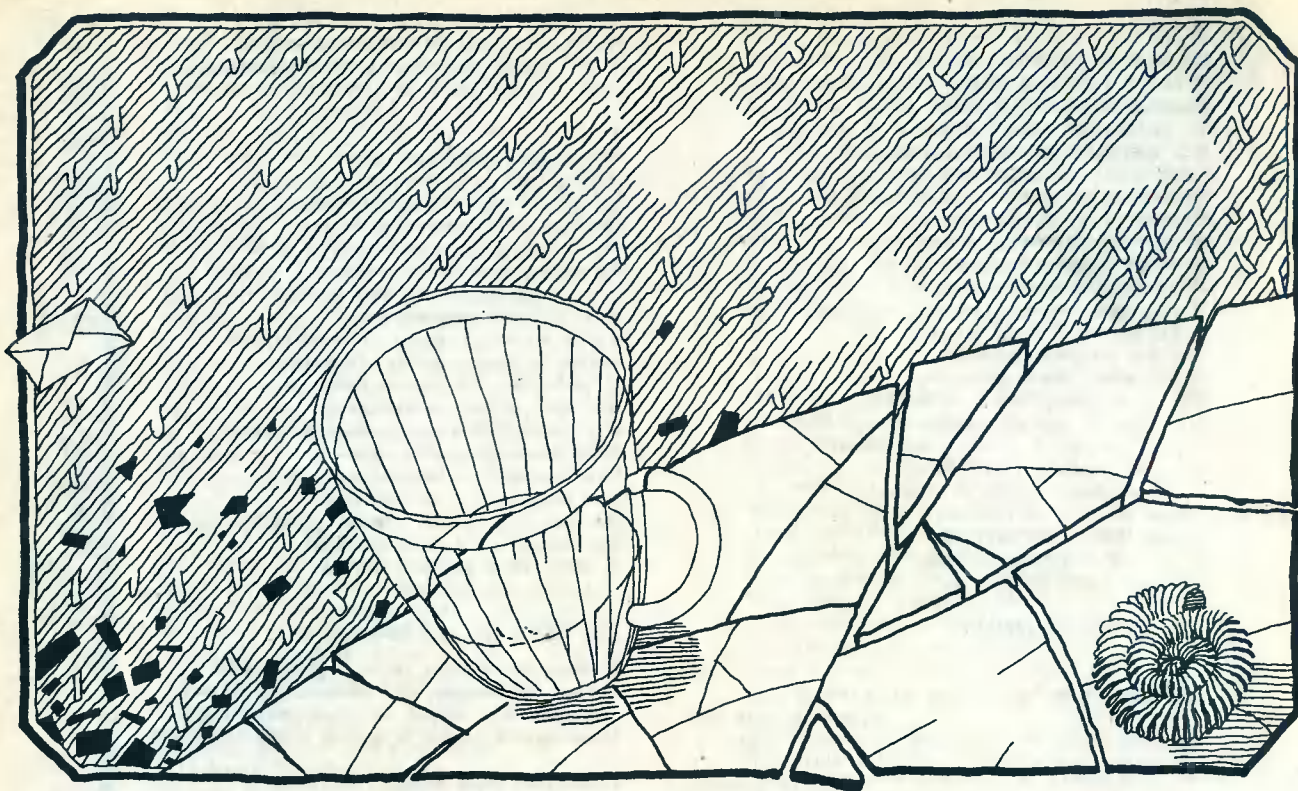
* * *

За четыре как будто кварталв,
Впрочем, точно никто не поймет,
То ли вскрикивал ворон картово,
То ли вскидывался нулет.

Голоса эти — этот н этот —
Вшиты в память одной бечевои:
Под воронью волшбу с черных веток
Нажимал я крючок снусковой.

И все поле учебного боя
Содрогалось, н ныле плечо.
И хотелось покоя, покоя,
И хотелось еще н еще.

Елена САЗАНОВИЧ

Маринисты

Повесть

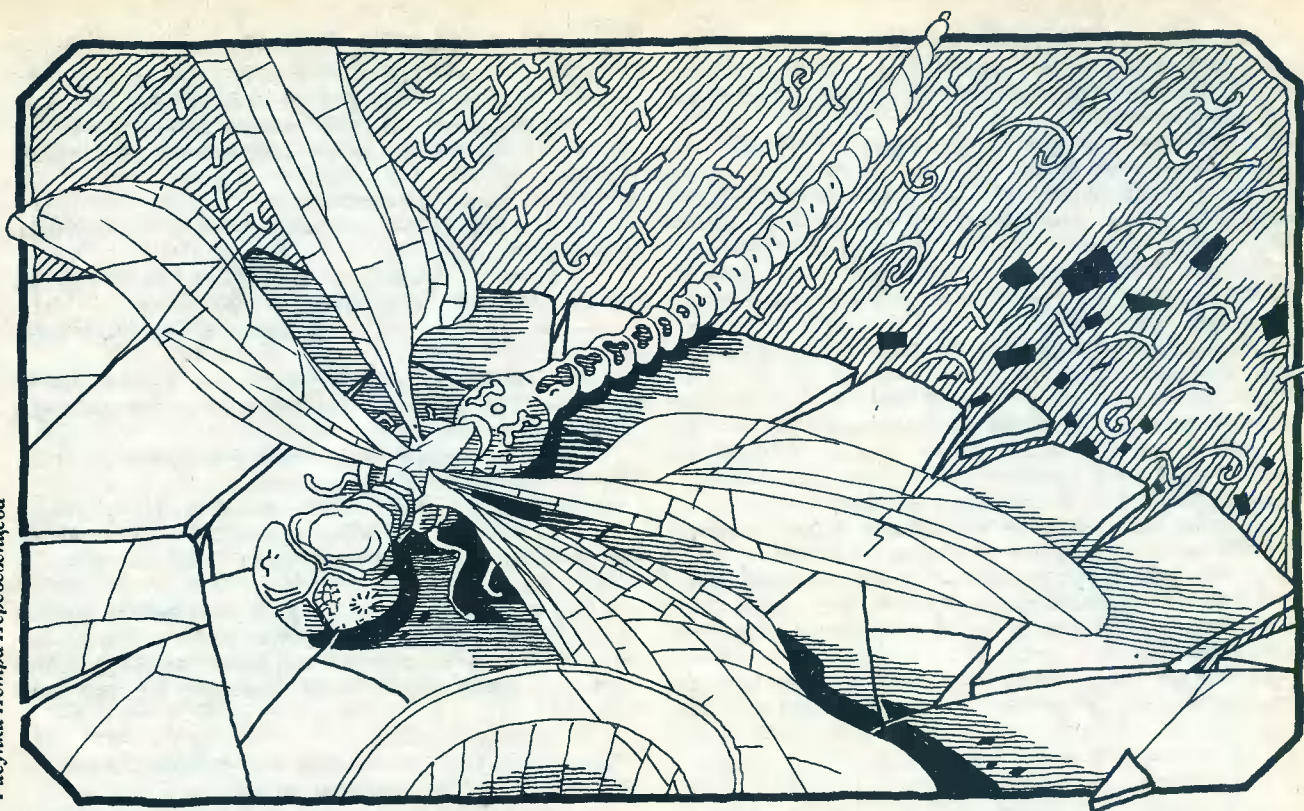
Это четвертая крупная публикация Елены Сазанович в журнале «Юность». Предыдущие ее произведения, и особенно повесть «Я слушаю, Лина» («Юность» № 2, 1993 г.), вызвали большой ваш интерес и почту.

Два слова о Елене. Она закончила Белгосуниверситет, а в прошлом году — ВГИК, сценарный факультет; молодая, симпатичная и талантливая. Остальное — в ее новой работе, представленной на ваш суд. Как еще можно лучше узнать об авторе?

Тысячу лет я не получал никаких писем. И этот помятый, истрепанный со всех концов конверт меня несколько озадачил. Я недоуменно пожал плечами. И, не отходя от почтового ящика, тут же его вскрыл.

Мне сразу тяжелее стало подниматься по лестнице. И письмо дрожало в моей руке. И буквы прыгали перед глазами. И мой мозг стал обволакивать туман. Я ничего не понимал.

«...Я ничего не понимаю. Может быть, я все слишком преувеличиваю. Ну, конечно! Мои подозрения часто не оправдываются. И, возможно, мне следует дожидаться твоего приезда. И все-все рассказать. Но... Но на всякий случай я все же тебе напишу. Хотя ты наверняка повеселишься и скажешь в следующий приезд: «Дурочка моя, ты самая гениальная в мире выдумщица!» И мы вместе с тобой посмеемся... Дай Бог... Я не знаю, с чего начать. Наверное, с главного: если все же до твоего приезда со мной что-то случится, знай — это не случайность. Я не знаю, как это объяснить. Наверное, мои подозрения основаны на одних эмоциях, на

одних чувствах. Но пойми, мой любимый, все же меня это тревожит. Я плохо сплю, я все время боюсь. И страх сковывает меня. Да, я знаю, ты скажешь: ведь все было так хорошо. Было... Это началось в последний твой приезд. Вроде бы, как всегда. Я сидела на горячем песке. И ты меня рисовал. Помнишь, ты еще сказал, что хочешь передать не просто атмосферу, дух этого мига, но и скопировать этот миг, все случайности этого мига, ну, словно сфотографировать. Словно таким образом пытался остановить время. Это прекрасная идея! И я от радости захлопала в ладоши. Помнишь, огромную ракушку выбросило море. И ты сразу же ее срисовал — точь-в-точь. А потом стрекоза села мне на плечо. Она вышла совсем живой на картине. А потом ты заметил чьи-то огромные следы на песке. Ты настолько достоверно их передал, словно кто-то прошел по твоему холсту. А потом ты уехал... И тут... Вдруг у меня впервые за наше долгое знакомство появилась эта непонятная тревога. Этот непонятный мне страх. Мне вдруг стало казаться, что я не одна. Где бы я ни была, дома, у моря, в поселке, меня не покидало ощущение, что кто-то тенью ходит за мной. Это не передать словами. Словно чьи-то глаза неотступно следят за мной. Я знаю, так быть не может. И все же. Даже когда я закрываю дверь на все замки, занавешиваю все окна, выключаю свет — я все равно не могу даже спокойно раздеться перед сном. Ощущение, что кто-то подсматривает, подглядывает. Я не знаю, как это назвать. Может быть, действительно какая-то навязчивая идея не дает мне покоя. Я не знаю... Боже, быстрее бы ты приезжал! Я написала тебе — и уже как-то легче. Даже кажется, что все это неправда. Ну, конечно, мы совсем скоро встретимся. Я жду тебя каждый день. Я люблю тебя. Я очень-очень люблю тебя.

Твоя Марина».

Твоя Марина. Я перечитывал эти строки. И ничего не мог понять. Твоя Марина. Марина... Но почему? Этого просто не может быть! Откуда ты появилась, Марина? Через столько долгих лет. И зачем мне теперь это нужно. Когда я нашел силы все пережить. Свою ни с чем не сравнимую утрату. Свои бесконечные ночи. Когда я лежал, уткнувшись лицом в холодную стену. И боялся думать. Боялся вспоминать. Но воспоминания хлестали меня по щекам, заставляя опомниться. Заставляя вновь и вновь воссоздавать в памяти твои загадочные черты, твою грусть, твой внезапный открытый смех, заставляя вновь и вновь вернуться в реальный мир. Мир, в котором тебя уже не было, Марина. Откуда ты появилась через столько долгих лет?

Я уткнул лицо в дрожащие ладони. И уже ничего не понимал. И боялся что-либо понять.

Ругался я как мог про себя. Если бы это письмо пришло вовремя! Если бы! Но четыре года — это уже срок. И немалый. Или все-таки это судьба сыграла над нами такую злую шутку. Как знать... Я бы, возможно, успел приехать к Марине, если бы письмо пришло вовремя. Боже! Мне кажется, я уже начинаю забывать ее лицо. Марина. Смуглая, большеротая, длинноногая. Сколько раз я ее рисовал! Воспроизводил в мельчайших подробностях подвижные черты ее лица. Эти глубокие ямочки на щеках. Эту темную прядь длинных волос, небрежно падающую на лоб. Эти нервные тонкие пальцы. Марина... Я приезжал к ней каждую субботу. Но почему я тогда не приехал? И что она имела в виду, когда писала: знай, если что-нибудь со мной случится — это не просто случайность.

Не просто случайность...

— Это просто случайность. Нам очень жаль. — И он надвинул на лоб широкополую шляпу.

Я сидел неподвижно, до боли сжимая колени ладонями. И молчал.

— Мы перепроверили все факты. Поверьте, мы сделали все, что могли. Это просто случайность.

Он говорил монотонным скучающим голосом. Но мне показалось — он лгал. Ему не было безразлично.

— Это ее портрет? Да, в ее лице действительно есть что-то необыкновенное. Недаром ее не любили.

— Я любил ее, — глухо выдавил я. И еще сильнее впился в колени.

— Я имею в виду совсем другое. Она была довольна замкнута. Таких не любят.

— А каких любят? — Меня он начал раздражать. Своим подчеркнуто безразличным тоном. Своим подчеркнуто тонким аналитическим умом. Что ему от меня надо? Ведь я его ни о чем не прошу. Это была случайность. И я в нее легко поверил.

Он прочитал в моих глазах все. Резко поднялся и схватился за свой огромный «дипломат».

— Почему вы не спрашиваете, как это произошло?

— Я это знаю. Она утонула. Ее больше нет.

Он остановился в дверях. И все-таки не выдержал. И обернулся.

— Хотя, может быть. — Он пожал своими широкими плечами. — Это судьба. Если бы немой мог кричать...

Я невольно вскочил с места.

— Слон?

Он кивнул.

— Вы его так называли.

— При чем тут Слон? — почти выкрикнул я.

— Он тогда был у моря, — монотонно продолжал мой непрощенный гость. — И когда начался сильный шторм... Он видел ее... Она уже захлебывалась. И если бы он умел кричать... Ведь спасатели были совсем рядом. Но он кричать не умел. Он бросился за помощью. Но было уже поздно...

— Слон, — пробормотал я. — Странно. Слон. Он ее так любил...

Он распахнул дверь.

— Жаль, что вы так ничего и не можете мне рассказать. Кстати, моя фамилия Голованов. Если что вспомните. — И он протянул мне визитную карточку. — Но в отделе меня зовут просто Голова. — Он приподнял шляпу. И я удивленно взметнул брови. У него действительно была огромная голова, так не соответствовавшая низкой квадратной фигуре.

Я не знаю, почему вспомнил этот разговор, случившийся четыре года назад в моей квартире. И тогда я верил в случайное происшествие. Да и как я мог не верить? Был шторм. Был свидетель. Была захлебывающаяся Марина. Но только теперь, спустя четыре года, мне вдруг показалось, что Голова ни на секунду не поверил в несчастный случай. Но факты перевесили его интуицию. Итак, Голова. Я все равно ничего не был в силах решить сам. И мне нужна была помощь. Я стал лихорадочно рыться в бумагах. Прекрасно! Прекрасно, что я все-таки сохранил визитную карточку, несмотря на свое безответственное отношение ко всяким бумагам. Итак, Голова. Прошло целых четыре года. И я бы вовсе не удивился, если бы мне сказали, что он уже здесь не работает, что он уехал куда-то или умер в конце концов! Напротив, возмож-

но, я бы даже облегченно вздохнул, бессильно опустив руки и решив, что одному мне не по силам разобраться в этой загадочной истории. И каково было мое удивление, когда он сам, собственной персоной, поднял трубку. И пробубнил своим монотонным, скучающим голосом:

— Голованов у телефона.

— А я думал, что вы уже умерли, — не выдержал я и улыбнулся.

— И не собираюсь, — ответил он мне в том же тоне. — Скорее это произошло бы с вами.

— Вы меня узнали? — удивился я. Это было невероятно.

— У меня прекрасная память на голоса. Вы — художник, у которого четыре года назад случайно погибла возлюбленная.

Слово «случайно» было уж как-то слишком выделено. Но, возможно, мне показалось.

— У вас запоминающаяся фамилия. Но я, увы...

— Тимофеев, — перебил я его. И не знаю почему, но добавил: — Друзья меня зовут просто Тимом.

Мы сидели с ним в грязной полутемной пивной и тянули из огромных кружек мутное теплое пиво. И Голова недовольно морщился после каждого глотка, внимательно бегая глазами по строчкам письма.

Он наконец сказал:

— Я сразу же не поверил в ее случайную смерть. Но факты перевесили мою интуицию.

— Почему ты не поверил? — Я пристально на него посмотрел.

— Слишком она была... Ну, как бы тебе сказать, Тим. Слишком таинственная. Этот замкнутый образ жизни, это непонятное прошлое...

— Эти загадочные черты лица, — с грустью продолжил я за него уже заплетающимся языком. — И далеко не красавица. И в то же время столько притягательной силы, от которой можно было сойти с ума. Что со мной не раз и было, Голова.

Мы потихоньку надирались. И нам уже казался довольно надуманным разговор об интуиции, о загадочном образе жизни Марины, о ее неслучайной смерти. Голова положил руку на мое плечо.

— Что ты имеешь на сегодняшний день, Тим?

— Прекрасную квартиру, красавицу жену и много-много гениальных картин.

— Вот видишь! — Голова поднял указательный палец вверх. — Это уже много. Тебе есть что терять, Тим.

— А что ты имеешь на сегодняшний день, Голова?

— Прекрасную квартиру, красавицу жену и интереснейшую работу с погонями, драками и приключениями.

— И тебе есть что терять, Голова!

Мы были уже порядком пьяны. И плохо соображали. Несли пьяную чушь. И начисто забыли о письме, о Марине, о том, что нас сблизило в этот вечер. Мир нам уже казался ярким, сочным, романтическим.

Мы плохо помнили, как к нам подвели две местные красавицы, которые сквозь пьяный туман показались неотразимыми.

Очнулся я утром. И, ничего не соображая, разглядывал незнакомую квартиру. Голова разваливалась. Стены плыли перед глазами. Я попытался откашляться, но лишь издал какой-то глухой звук.

— Ты, что ли, Тим? — услышал я хриплый голос. И все-таки нашел силы повернуть голову. И увидел своего собутыльника, распластавшегося на диване. Он, казалось, уже не дышал.

— Голова? Ты не умер случайно? Где мы?

— Насколько я понимаю, еще не на том свете. И если мне не изменяет память, то скорее всего у меня дома. Ты помнишь, чем закончился вечер, Тим?

— Какие-то уродины. Их змеиное шипение на ухо. И грубое шлепанье по коленкам.

Голова неожиданно вскочил. И схватился за голову. И поморщился от боли.

— Не по коленкам, Тим! А по карманам! Обычная история! Они нас облапошили! — И он тут же стал осматривать свой пиджак. Я последовал его примеру. Все оказалось на месте.

— Ты помешан на своих уголовных историях.

— Фу-у-у! А я подумал, вляпались. — И он вновь с ловкостью открыл бумажник. И уже нахмурился.

— Что-то не так?

Он стал быстро пересматривать карманы, высыпал содержимое бумажника на пол. Полетели деньги. Только деньги.

— Тим, вспомни, Тим, куда я дел письмо!

Я похлодел.

— В бумажник. И застегнул на замок.

— Тим! Я ничего не понимаю! Его нет. Посмотри ты, Тим. Может быть, тебе повезет больше.

Мне больше не повезло. Письма на месте не оказались. Нас не обчистили ни на копейку. Но факт оставался фактом. Письма и след простыл.

Мы сидели в одних трусах на полу, отчаянно схватившись за свои больные головы.

— Этого не может быть, — прошептал я. — Это просто случайность.

— Не слишком ли много случайностей?

Я с ним легко согласился. И единственным верным решением на данный момент был холодный душ, чтобы что-то наконец начать соображать.

Мы пили крепкий кофе на кухне. И хмуро молчали. Мир приобретал более конкретные и реальные очертания.

— Что ты имеешь на сегодняшний день, Тим? — перебил молчание Голова.

— Разменную квартиру, бывшую жену и кучу картин, ни одну из которых еще по достоинству не оценили.

— Значит, тебе нечего терять, Тим.

— А что ты имеешь на сегодняшний день, Голова?

Он огляделся.

— Вот эту однокомнатную хибару. Ни одной жены и без пяти минут заявление об уходе с любимой работы.

— Значит, и тебе нечего терять, Голова.

— Кроме своей головы, — усмехнулся он и протянул руку. — Значит, у нас впереди целая жизнь и мы ее, без сомнений, разнообразим. По рукам?

Мы хлопнули ладонью о ладонь. Впереди нас ждала целая жизнь. Но мы не знали, с какими сюрпризами. И у каждого у нас в этой жизни был свой интерес. Я хотел докопаться до истины ради своей прошлой и единственной любви. Голова хотел докопаться до истины в силу своего профессионального интереса, в силу своего неугомонного характера, характера, построенного на поисках правды.

Марина. Густая темная прядь волос, небрежно падающая на лоб. Смуглое заостренное лицо. Длинные ноги. Нервные тонкие пальцы. Марина. Боже, как я тебя любил. Ты смеялась глубокими ямочками на щеках. А в глазах — бесконечная грусть. А в глазах — бесконечная боль. Я зацеловывал эту грусть, я зацеловывал эту боль. И она на время утихала. А я ложился на раскаленный песок. И часами смотрел на море. И мне казалось, Марина, что ты родилась в море. Так как свободно сливалась с ним. Ты ныряла в него с головой. И подолгу не появлялась. И я зажмуривал от страха глаза. И тут же их открывал. Ты махала мне весело рукой. И легко избегала на берег. И кожа твоя переливалась бронзой. Она была гладкой, словно морские камни, и она всегда пахла морем. Ты была словно рождена морем. Так мне всегда казалось. И я никогда даже не мог подумать, что ты навсегда уйдешь в море. Марина.

Я познакомился с ней пять лет тому назад. Молодой художник, подающий надежды, с гордостью тащающий с собой мольберт и пытающийся постигнуть мир с помощью кисти и красок. И перевернуть этот мир с ног на голову и открыть истину сумасшедшего мира. Дырявые джинсы, помятая майка, старые кроссовки. Я споткнулся об ее тело. Она открыла глаза. И рассмеялась. Открыто, искренне. А в глазах — бесконечная грусть. И приподнялась на локтях. И в моих глазах мелькнул страх. Ее лицо... Оно дышало не землей, а скорее небом и морем. Оно было необыкновенно и почти нереально. И в один миг я понял, что эта женщина может подарить и необыкновенное счастье, и необыкновенную боль. С этой женщиной с одинаковой скоростью можно взлетать к небесам и падать на камни. На эту женщину можно молиться, но так же неистово ее ненавидеть. Я пожегся. И у меня мелькнула правильная мысль — как можно быстрее бежать. Но я был тогда еще слишком молод, чтобы принимать правильные решения.

Было раннее утро. Было необыкновенно тихо. И море молчало. И небо молчало. И она молчала. И я испугался этой тишины и откашлялся.

— Вы так рано загораете? — Другого вопроса я придумать не мог.

— А вы так рано работаете? — И она кивнула на мой мольберт.

Я пожал плечами.

— Это единственное время, когда не мешают. Когда можно увидеть море таким, какое оно есть на самом деле.

— А какое оно есть на самом деле? — И в ее раскосых синих глазах мелькнуло детское любопытство. — Расскажите.

Я смутился.

— Я художник, а не поэт.

— Ну тогда — покажите.

Я безропотно повиновался. Я достал краски и кисть. Я стал писать море. И мне моя работа уже не нравилась. Если бы я не встретил Марину, возможно, все бы у меня получилось. Но теперь я чувствовал, что это не полная правда. Потому что в этом мире появился человек, о котором я уже думал.

Я бессильно опустил руки.

— Что-то не получается? — Она едва прикоснулась ко мне, и я вздрогнул.

— Мне теперь тяжело писать море. Вы красивее моря. — И я покраснел.

Мы были одни на берегу. И я не стыдился своих слов. Слишком романтический мир окружал нас. И красивые слова были кстати.

Она опустилась на колени. И холодная вода едва касалась ее ступней. Теперь весь утренний морской мир переполнял меня. Теперь он весь принадлежал мне. Теперь я легко мог доверить полотну свое сердце.

Так началась наша любовь. Наша красивая любовь на берегу моря. Я приезжал к ней из города на выходные дни. И она всегда ждала моего приезда. Она всегда стояла на крыльце, набросив на плечи огромный платок. И, едва заметив меня, срывалась с места и бежала навстречу, обнимала меня и шептала:

— Я так боялась, что ты не приедешь. Я так боялась, что мы с тобой больше не встретимся.

Она протягивала мне мизинец.

— Давай мириться.

— Мы никогда не ссорились.

Но она упрямо качала головой.

— Давай мириться. Если бы ты знал... Когда ты уезжаешь, я мысленно ругаю тебя, прогоняю тебя, быю по лицу, я начинаю тебя ненавидеть. Но ты вновь возвращаешься. И я все забываю. Так что давай мириться.

— Давай,— улыбался я, прижимая все крепче и крепче ее к груди, погружая пальцы в ее длинные темные волосы. Она освобождалась из моих объятий. Забрасывала руки за голову. И смеялась глубокими ямочками на щеках. А в синих-синих раскосых глазах — бесконечная грусть. Наверно, эту грусть ей когда-то подарило море.

— А сегодня, Тим, ты мне нарисуешь счастье.

— Я его рисую все время. Это ты, Марина.

Она качала головой.

— Я — это я. А ты нарисуй просто счастье. Чтобы каждый, кто видел твою картину, понимал, что такое счастье. Подари миру ответ на этот вопрос, Тим. Может быть, тогда ты сумеешь осчастливить целый мир! Сделать то, что никому не удавалось.

— Одного счастья на всех не бывает, девочка моя. У каждого свое счастье. Например, для меня — это ты, моя работа и море. А кто-то любит совершенно другую женщину, совершенно другую работу и вовсе не любит море.

— Море не любить невозможно. Море любят все.

В этом она, пожалуй, была права. Я тоже не мог даже представить, как можно не любить море. И я не мог представить, как можно было не любить Марину. И тем не менее это была правда. Кроме меня, в поселке ее никто не любил. Как не любят то, что внезапно вторгается в привычный мир, рушит в нем устоявшиеся традиции, законы, посягает на привычки и манеры поведения. Так не любили Марину. И я это сперва не знал. И не мог даже предположить. Она ничего не рассказывала о себе, о своем прошлом. И только теперь я понимаю, что это так свойственно женщине. А расспрашивать ее у меня было мало времени. Я вполне довольствовался тем, что она рядом. Что я, едва проснувшись, мог бесконечно долго смотреть на любимое лицо, мог прикасаться к ее коже, всегда пахнувшей морем. Я довольствовался тем, что она безоглядно дарил мне любовь, которую больше не суждено мне узнать, во всяком случае, на этой земле. Иногда она мне казалась наивным ребенком, иногда — взрослой опытной женщиной. Иногда она мне казалась воплощением романтизма, легкости, невесо-

мости. Иногда она давила на меня холодом, замкнутостью и мраком. Иногда ее лицо казалось открытым, добродушным, даже наивным. Иногда в ее раскосых глазах мелькали хитрые злобные огоньки. Она не делала аккуратные прически, от которых порядком тошнило меня. От нее никогда не пахло лаком для ногтей и дорогими духами. Ее кожа пахла только морем. Она знала меру и аккуратности, и небрежности. Мере, которая шла от природы. И она противостояла цивилизованному миру своей вызывающей внешностью. Своей вызывающей естественностью. И только за это я мог ее полюбить. Но кто, кроме меня, мог ее полюбить за это?

Впервые эту откровенную неприязнь к Марине я заметил спустя месяц после нашего знакомства.

— Марина,— сказал я, положив руку на ее острое колено,— отгадай, куда мы сейчас идем!

— На море! — воскликнула она, не подозревая, что можно идти еще куда-то.

Я отрицательно покачал головой.

— Сегодня мы совершим прогулку по деревне. Ты так далеко живешь от нее, что мне начинает казаться, что ты пренебрегаешь своей маленькой родиной.

Она погрузилась. Но почему-то не сопротивлялась.

Мы шли по поселку, улыбаясь друг другу, мы громко хохотали и иногда целовались.

Когда мы зашли в магазин, продавщица сразу же недоверчиво оглядела меня с ног до головы. И нахмурилась.

— Самое лучшее платье — для самой лучшей женщины,— с гордостью выкрикнул я.

Продавщица ехидно хмыкнула и пробубнила:

— Товара нет.

Марина, почти бегом, направилась к выходу. Но я ее задержал и силой подвел к прилавку.

— А это не товар, по-вашему? — И я кивнул на витрину.

— Весь товар продан,— коротко отрезала она и отвернулась, не изъявляя никакого желания продолжать разговор.

Мы вышли на улицу. И только теперь я ощутил пустоту. Словно все кругом вымерло. Словно мы попали в мертвое пространство. Маленькие домики давили на нас со всех сторон. И я почувствовал, что из каждого окна за нами наблюдают. Я почувствовал эти недоброжелательные взгляды, этот ехидный шепот. Казалось, весь поселок был против нас. Весь поселок притаился за занавесками в злобном молчании.

Из какого-то окна в нас полетело огромное спелое яблоко. Оно вот-вот могло угодить Марине в голову. Я успел его перехватить. Оглянулся. И поклонился всему поселку.

— Спасибо.— И хрустнул яблоком на всю улицу.— Очень вкусно! Хочешь? — И я протянул его Марине.

Она с жадностью впиалась в него зубами.

И сок медленно стекал по ее острому подбородку.

— Вежливые у вас жители, Марина.

Она опустила глаза.

— Давай уйдем, Тим.

Но уходить мне никак не хотелось. Меня охватил спортивный азарт. И я вызывающе уселся на скамейку под пышной ивой. И указал Марине место рядом.

— Тим, ну, пожалуйста, давай уйдем,— чуть не плача сказала она.

Но мое упрямство было невозможно осилить даже слезами.

— Хорошо, тогда уйду я. — Она стрельнула в меня злобным взглядом. И быстро пошла прочь. Я ее не задерживал. Я с интересом разглядывал маленькие окошки в домах, из которых по-прежнему в меня метали молнии. И из хат по-прежнему никто не высывал носа. И я не выдержал и постучал в самое, на мой взгляд, любопытное окно. От окна сразу же отпрянули.

— Извините! — громко выкрикнул я. — Можно вас на минутку?

Но мне не ответили. И любопытство все сильнее и сильнее разжигало меня. И я решил стучать во все окна. До конца, по очереди. Пока не добьюсь наконец успеха. Вдруг я услышал позади какой-то шорох в кустах. Я резко оглянулся. Но никого сзади не было. Только слегка шелхнулся жасмин. Это уже становилось забавным. Я спрятался за угол дома. И вдруг увидел, как какой-то толстый неуклюжий парень на цыпочках приближался ко мне, меня не замечая. Я подпустил его поближе. И схватил за руку. И со всей силы сжал ее. До боли. Ему действительно стало больно. Он поморщился, но не вскрикнул. А я невольно расхохотался, разглядывая его смешное до уродства лицо, его длинный толстый нос, его толстую шею, огромные уши и крупные губы. Он был необыкновенно смешон и необыкновенно похож на слона.

— Зачем ты следил за мной?

Слон продолжал молчать. И я вновь схватил его за руку. Он морщился, тяжело дышал, но по-прежнему молчал.

— Сейчас ты ответишь мне, зачем следил за мной.

Слон отрицательно покачал головой и промывчал что-то нечленораздельное. Я нахмурился и наконец отпустил его руку. А он отчаянно начал жестикулировать и показывать на какой-то дом.

— Ты что, немой? — наконец догадался я.

Слон радостно закивал головой. И вновь стал меня куда-то тащить. Я решил повиноваться. В конце концов мне ничего другого не оставалось. Мы приблизились к аккуратному, выкрашенному белой краской дому, утопающему в пышных кустах сирени. И я не успел позвонить, как дверь тут же открыли. И на пороге появился маленький худощавый человечек в круглых очках. Он широко улыбнулся и легким жестом пригласил войти в дом.

— Вы — художник! — торжественно произнес он. — Что ж, прекрасно! Я слышан о вас.

А я облегченно вздохнул. Наконец-то в поселке нашелся хотя бы один разговорчивый человек.

— Вас привел Слон? — начал человечек разговор. Я усмехнулся.

— Странно... Слон. Я сразу же его так окрестил про себя, не имея понятия о его прозвище.

— Ничего удивительного. Человеческие мысли, как правило, направлены в одну сторону — в частности, в визуальном представлении действительности. А визуальное представление — это не что иное, как факт. Здесь большой фантазии не требуется. Его сразу же так нарекли и как интеллектуалы, так и самые забытые жители деревни. Вот так, молодой человек. — Мой собеседник встал, приблизился к старомодному буфету и достал две рюмки и бутылку.

— За знакомство? — предложил он мне.

Я согласился. И покосился на Слона.

— Он не пьет, — улыбнулся хозяин. — Он, знаете ли, даже представления не имеет о таких развращающих наше сознание вещах. Бог ему не дал возможности понимать реальный мир. Он понимает только море, землю, небо. И за это я его очень люблю. Он один из немногих, кто способен сохранить в себе первозданное начало. Первозданную чистоту, не загрязжденную хитростями, уловками, пересудами. Он принимает мир только прекрасным. И слава Богу! Его молчание — это тоже в некотором роде первобытная чистота. Вы задумывались, что природа сама по себе молчалива? И способна только на отдельные звуки, шумы. Но никак не на грамотно выстроенные фразы. В начале было слово... Но не слово ли нас и загубило? Ведь слова бывают самыми разными. И, бывало, одно слово приводило к трагедии. В начале было слово... И, поверьте мне, оно же и всему положит конец.

Я с интересом слушал своего словоохотливого собеседника. И уже отлично понимал, почему Слон меня к нему привел. Он — единственный в поселке, кто способен дать ответ на многие вопросы.

— Скажите, — попытался я поддержать разговор и едва коснулся губами рюмки. — Скажите, вам здесь не скучно?

— Скучно? — Он рассмеялся. — Скука — она в характере. Можно с одинаковым успехом умирать от скуки в многомиллионном городе и прекрасно проводить время в глуши. Разве не так?

— Мне кажется, мы еще не познакомились? — не ответил я на его вопрос. — Тимофеев...

— Друзья вас зовут просто Тимом. — И в его глазах мелькнули лукавые огоньки.

Я вопросительно приподнял брови.

— Ну, это вам не многомиллионный город. — Он развел руками. — Здесь все разносится в считанные секунды. А я местный врач. Не слыхали? Бережнов моя фамилия. И ради Бога, не спрашивайте имя-отчество. Это слишком долго и скучно. Я предпочитаю, чтобы меня называли исключительно по фамилии. Я люблю свою фамилию. В ней присутствует и морское начало, и чувство некоторого самосохранения. Разве не так?

— Вы угадали, — согласился я с ним. — Я действительно плохо запоминаю имена-отчества.

Меня не покидало чувство, что он что-то не договаривал, что ему есть, что мне сказать. Но о чем может быть речь, я даже не подозревал. Эта пустая деревня, эти злобные взгляды, это переспелое яблоко, чуть не угодившее Марине в голову. Здесь было что-то не так. И я не ошибся. Он первым начал разговор.

— Вы наверняка испытали на себе некоторую холодность со стороны наших жителей.

— Это еще мягко сказано.

Бережнов расхохотался, широко раскрыв рот. Казалось, зубов у него гораздо больше, чем должна дать природа.

— Ах, эти деревенские жители! Им всегда нужна жертва. Чтобы хотя бы таким образом разнообразить жизнь. Эта бесконечная южная жара. Эта однообразная полевая работа. Эти рано наступающие вечера.

— Вы сами только что утверждали, что скучать можно и в многомиллионном городе.

Он отрицательно покачал головой.

— Вы не уловили мою мысль, Тим. — Он неожиданно меня назвал Тимом. И я не сопротивлялся. — Что ж. Я повторюсь. Скука — в характере. Только

умственная работа может позволить не скучать в глуши. А им после тяжелого физического труда обязательно нужны развлечения. Или нужна жертва...

— И этой жертвой оказалась Марина?

Он тотчас согласился. И его круглые очки заблестели.

— А вы знаете, они ей в глубине души даже благодарны. Знаете, сколько разнообразия она внесла в их монотонную жизнь? Она... Замкнутая, романтическая, не умеющая болтать о перемене погоды и сплетничать о соседях. Вот так, молодой человек. Она по-другому одевается, живет вдаль от поселка и часто купается обнаженной. Кому это может понравиться?

— И только за это можно ненавидеть? — недоверчиво усмехнулся я. И пристально на него посмотрел.

Он не отвел глаза.

— Можно. Ненависть, как и любовь, чаще всего рождается на пустом месте. И чаще всего затруднительно ответить на вопрос, за что любишь или за что ненавидишь.

И все-таки мне по-прежнему казалось, что Бережнов что-то не договаривает. Но это были всего лишь смутные предчувствия, лишённые веских оснований.

Бережнов прошелся по комнате, не выпуская из рта сигарету.

— Поймите, у нее единственный близкий друг — это немой. — И он кивнул на Слона.

Слон по-прежнему сидел не шелохнувшись на краю стула. Но, казалось, он не пропускал ни единого слова.

— Вы понимаете, Тим. В ее близких друзьях — только юридивый. Это тоже наводит на некоторые размышления. Слон, с которым даже невозможно поговорить.

— А вы? — Я не отрывал от него свой взгляд. Но мой вопрос не застал его врасплох.

— Я? — Он усмехнулся. — Неужели вы думаете, что я способен верить в эту фантастическую блажь, которой развлекаются от скуки? Я прекрасно к ней отношусь. И если бы не я, возможно, ее давно выжили бы из поселка. Я — врач. И для них... Ну, если хотите, на втором месте после самого Господа Бога. Но как бы вам объяснить. — Он запнулся и посмотрел в окно. — Она почему-то не любит меня, не доверяет... Знаете, у нас у каждого свой путь в жизни. Она — романтическая натура. Я — старый циник. Я бы, поверьте, мог гораздо больше для нее сделать, если бы она так не сторонилась меня...

— И все-таки о какой фантастической блажи вы упоминали? — перебил я его на полуслове.

Он широко улыбнулся. И я вновь отметил про себя, как много у него зубов. И как они могут умещаться в его маленьком рте?

— Фантастическая блажь? — Его очки загадочно блеснули. И он посмотрел на часы. — Тайна — это тоже один из разрушителей скуки. И, возможно, самый сильный разрушитель. Но что вам могу ответить я, старый циник и практик? Про все остальное, думаю, и без меня вам постараются насплетничать наши жители. А мне, увы, пора. — И он развел маленькими руками. — Господь Бог пока, к сожалению, не спасает от приступов мигрени, язвы, бронхита. Пока этой черной работой приходится заниматься мне.

И он стал собирать свой маленький круглый чемоданчик. Типичный сельский врач. Маленький, очкастый демагог с круглыми чемоданчиком в руках.

Я направился к выходу.

— Тим, — окликнул он меня на пороге, — вы ее любите?

Только я было собрался ответить на нетактичный вопрос. Он вновь не дал мне раскрыть рта.

— Хотя я говорю глупости. Только в конце жизни, пережив многое и многих, можно понять, кого мы действительно любили на этой земле, а кого ненавидели.

— Чтобы это понять, я не собираюсь дожидаться конца, Бережнов, — глухо выдавил я. — Я это уже понял.

— Значит, только вы и сможете ее уберечь, Тим. Только вы...

— Я постараюсь. — И я бесшумно закрыл за собой дверь.

Я шагал размашистым шагом по поселку, гордо подняв голову вверх. Жители уже потихоньку покидали свои укрытия. И некоторые даже садились на лавочку, чтобы подробнее меня разглядеть, ничего не упустив. Я им охотно предоставлял эту возможность. Они уже, по-моему, привыкали к мысли, что я есть, что я люблю Марину, что у меня рваные джинсы, грязные кеды и небритая физиономия. Но я уже вошел в их жизнь. И я не сомневался, что совсем скоро они начнут со мной здороваться, улыбаться. А потом в один прекрасный день я им наскучу, и они вовсе забудут о моем существовании. И все же... Все же почему они так и не привыкли к Марине, какой бы замкнутый образ жизни она ни вела. Нет, здесь определено что-то другое...

Слон догнал меня на краю деревни. И пошел своей неуклюжей походкой рядом. Я убавил шаг. Мне он определенно нравился. И я догадывался, как много он знает. Возможно, больше всех, но бессилён что-либо рассказать.

— А, это ты, Слон, — улыбнулся я. — Вот так, Слон... — Не знаю почему, но мне почему-то захотелось говорить, наверное, потому, что был уверен в нем как в самом благодарном слушателе. — Вот так, дорогой Слон. Ты гораздо счастливее всех нас. Поверь. Ты можешь воспринимать мир, не оспаривая его. Не тратя сил на пустые доказательства, на утверждение истины. Ты можешь только соглашаться и не соглашаться. Поверь, это лучше всего. И честнее всего. В этом гораздо больше правды. Да и нет — вот единственные слова, которые имеют право на существование. Остальное только мешает постигнуть суть. Разве не так?

Слон молча слушал меня, продолжая тяжело ступать своими огромными лапами по земле. А я вдруг осознал: передо мной человек, которому можно все доверить без стыда, без опаски, без сомнений. И у меня мелькнула мысль, что не один я пришел к этому выводу. И Слон, без сомнений, обладает огромной информацией.

— А я, Слон, скажу тебе по секрету, могу рисовать только море. Не знаю, почему. Оно единственное выходит у меня без фальши, надуманности. Иногда мне кажется, что море — это человеческая душа. Те же внезапные порывы. Тот же внезапный покой. Те же вспышки злости. И то же бесконечное благородство. Столько всего перемешано! Вся душа умещается в море. Я пишу его разным, Слон. И каждый раз мне кажется, что я открываю что-то совершенно новое.

Словно каждый раз я для себя открываю море. Ты меня понимаешь, Слон? Ты меня понимаешь. А люди мне удаются гораздо хуже. Наверное, потому, что я всегда в них вижу неполную правду. Допустим, передо мной сидит человек, красивый, плавный изгиб бровей, яркие контуры губ, густые волосы... Или не очень красивый, но мягкая улыбка, в глазах — чистый свет. Но меня не покидает мысль, что завтра этот человек может совершить подлость. И я вижу его с искривленными губами, а во взгляде — злобные искры. А я должен запечатлеть миг. Миг, когда передо мной он обязательно будет благородным и добрым. Вот так, Слон. А мысли? Разве я могу передать его мысли на холсте? Вот почему я рисую море. Оно не мыслит. Его мысли — это оно само. Открытое всем. А Марина...

Слон резко схватил меня за руку. Я улыбнулся и задержал его толстую руку в своей.

— Тебе нравится Марина, я знаю. Она не может не нравиться. И всю философию Бережнова — к черту! Ее не любят только потому, что ее не любить невозможно! Вот так, Слон. Это так просто. И Марина — единственная из людей, кого мне почти удастся нарисовать. Ее лицо — это ее мысли, ее душа, ее порывы, ее благородство. Наверное, именно за это я ее полюбил. Она, как море. Она не умеет притворяться. Она словно рождена морем.

Слон вздрогнул. И высвободил свою руку из моей. И мы подошли к нему. Марина со страхом смотрела на меня, ожидая расспросов.

— Марина. — Я прижал ее голову к своей груди. — Неужели ты могла подумать, что меня тронут чьи-то слова? Я верю только тебе, Марина.

— Тебе все рассказали? — Она резко отпрянула от меня.

— Худшее из этих рассказов было то, что ты купаешься совершенно голой. Но для меня это не новость.

Слон по-прежнему топтался у двери, не решаясь войти.

— Слон! — улыбнулась Марина. — И ты здесь, Слон! Ну, что ты стоишь! — Она подбежала к нему и стала тащить в комнату. — Милый мой Слон, я так рада тебя видеть!

Мы вдвоем уселись на диван. А Слон примостился у ног Марины. Она гладила его редкие волосы, его безобразное смешное лицо.

— Я так рада, что вы познакомились. Это мой лучший друг!

— Я знаю.

И я все рассказал Марине. О нашей случайной встрече, о знакомстве с доктором, о нашем с ним разговоре. Марина недовольно поморщилась.

— Я терпеть его не могу, — раздраженно сказала она. — И, если хочешь знать, не доверяю! Он все время так рассматривает меня, словно ищет у меня скрытые болезни. А я совершенно здорова!

Слон уткнулся лицом в ее колени. А я крепко обнял Марину.

— Теперь у тебя есть надежный защитник. Я никому не дам тебя в обиду! Слышишь! Никому!

— Тим! — Она стала горячо целовать меня. — Тим, ты единственный в моей жизни. Не оставляй меня больше, Тим!

Мы даже не заметили, как Слон тяжело поднялся и бесшумно прикрыл за собой дверь.

— Марина! Совсем скоро! Слышишь! Я увезу тебя! У меня будут деньги! Мы снимем квартиру! И тогда... — шептал я, задыхаясь от ее поцелуев.

— Ты с ума сошел, Тим! — со злостью выкрикнула она. — Какие деньги! А это разве не дом? Ты любишь море! Тебе некуда больше ехать! Здесь твой дом, здесь твое море, здесь я!

Я с трудом освободился из ее цепких объятий. И схватился за голову.

— Марина, — как можно спокойнее начал я. — Ты тоже должна меня понять. Я родился в городе, в многомиллионном городе. Там мало преимуществ. Там грязно, пыльно, задымленно. Там визжат машины и прохожие наступают на ноги. Там треплют нервы на каждом шагу. Там друзья фальшиво улыбаются, а женщины пахнут лаком для ногтей. И произносят умные фразы. Там бояться остаться в дураках и презирают неудачников. И ненавидят удачливых...

Марина с недоумением смотрела в мои глаза.

— И все-таки я туда уеду, Марина. Потому что море я могу так сильно любить только там. Как бы тебе объяснить... Только там, в вечном напряжении, в вечном выживании, в вечных изматывающих схватках за место под солнцем, я могу любить море. Отлично понимая, что мое место под солнцем только здесь. И никем не занято. Куда я могу всегда вернуться и где могу успокоить свои издерганные нервы. Марина, мне пишется хорошо только тогда, когда я вдоволь нажрусь всякой дряни. Пойми меня правильно, море для меня всегда должно оставаться непостижимой тайной, недостижимой вершиной. Живя постоянно здесь, вряд ли бы я смог его так писать. Я бы просто привык к нему. И оно бы стало всего лишь фоном.

— И все-таки ты совершаешь ошибку, Тим.

— Может быть. И я даже где-то это знаю. Но я привык слушать только свое сердце.

— Послушай мое. — Она приложила мою руку к своей груди. — Что ты слышишь, Тим? Что оно говорит?

Я улыбнулся.

— Я скоро вернусь, Марина.

Она побледнела. Вцепилась руками в диван и упрямо поджала губы.

— Не возвращайся, Тим, — процедила сквозь зубы она. — Меня ты тоже любишь издалека. Как недостижимую тайну. Живя с тобой каждый день, я тоже стану частью твоего интереса.

— О Боже! — Я невольно стукнул кулаком по столу. — Это невыносимо! Ты все способна перевернуть! И все это неправда! Нельзя же ко всем словам относиться одинаково!

— Уходи, Тим! — Ее лицо дышало холодом. И я поежился. Ее раскосые синие глаза метали в меня острые стрелы. И я вздрогнул. На ее больших губах застыло упрямое молчание. И я понял, что пора уходить. Но я знал, что обязательно вернусь. Что бы ни случилось. Потому что любил эту женщину...

Я вернулся. Впервые я смог вырваться в середине недели. И я знал, как после нашей ссоры она воспримет мой внезапный приезд. Уже темнело, когда я соскочил с электрички. Я шел вдоль моря, прорываясь сквозь сильный ветер. И море на сей раз недружелюбно встретило меня. Волны словно пытались обдать меня холодом. Море шумело, злилось, но было бес-

сильно достать меня. Казалось, оно не могло мне простить ссоры с Мариной.

Окна ее дома были темны. Я постучал в дверь, но мне никто не ответил. Я все громче и громче бил кулаком в дверь, но по-прежнему стояла тишина.

— Марина! — громко выкрикнул я. — Марина!

Я попытался что-либо увидеть через окно. Но темнота мне мешала. И мне почему-то стало не по себе. И страх тонкой холодной струей подступал к горлу. Я посмотрел на часы. Было еще не так поздно. Просто я привык к ранним вечерам у моря. Черные тучи на небе раньше времени нагоняли темноту. И я решил тут же отправиться в поселок. К тому же мне нужно было купить сигареты.

Магазин оказался открытым. И та же хмурая продавщица восседала на высоком стуле, щелкала орехами.

— А чего без своей, этой, пришел?

Я приблизился к прилавку. И решил рискнуть.

— Я заметил в ваших жителях одно бесценное качество — вы все прекрасным образом информированы.

Она абсолютно ничего не поняла. И поперхнулась орехом.

— Хотите? — И она разжала кулак.

— С преогромным удовольствием. — И я с не меньшей силой хрустнул челюстью.

— Так вы чего? — И она вытаращилась на меня.

— Ну... Я просто подумал, кому, как не вам, знать, где в такой поздний час может находиться моя... — И я запнулся. — Моя возлюбленная! — И я с вызовом щелкнул орехом.

Она хмыкнула в кулак.

— Ведьма эта, что ли, — щелкнула она с не меньшим вызовом в ответ.

Я уже хотел ей было ответить, но вовремя спохватился. Мне нужно было во что бы то ни стало узнать, где Марина.

— Ну, так уж и ведьма. Конечно, ей с вами в красоте не сравниться. Но ведьма — это уж слишком, — очень серьезно выдавил я. Упоминание о ее красоте убило продавщицу окончательно. И она даже перестала щелкать. А забросила скорлупки в карман грязного фартука. И стряхнула руки.

— А чего слишком? Платьев в наших магазинах не покупает. Ходит все время босая, лохматая и купается голый.

— Я тоже, к вашему сведению, люблю голым купаться. А вы сразу — ведьма. Слишком уж сильно сказано.

— Сильно? — Она сощурила свои маленькие глазки. — А чего это она по ночам таскается в развалины? А? А Самойлыча разве не она добила? Да все вам про это скажут! Она! Кто еще! А Самойлыча все деревня любила! Это был настоящий художник! Не то что вы. — И она с презрением оглядела меня с ног до головы. — Думаете, если нацепили дырявые штаны и щетину вырастили, то удивите всех! Ха! Как бы не так! Самойлыч всегда при костюме был и брился каждое утро. А какие картинки рисовал! Вам и не снилось! А она... Эта... Это все она. И вас приберет, уж мне-то поверьте. — Последнюю фразу она произнесла с удовольствием. Потом не выдержала и плюнула.

А я быстро сообразил, что мне здесь больше делать нечего. И выскочил на воздух. И некоторое время неподвижно стоял, вглядываясь в темноту и глу-

боко вдыхая морскую прохладу. Я пытался опомниться. Развалины, какой-то бритый Самойлыч в костюме, какие-то гениальные картинки. В общем, бред какой-то. Я ничего не понимал, но мгновенно сообразил, что ответ на этот бред мне нужно искать только не у местных жителей. Кроме злобы и плевков, я ничего не добьюсь. Ответ мне может дать только доктор. И я почти бегом направился к нему.

— Я знал, что вы придете. — Он крепко пожал мою руку. — Рано или поздно.

— Но почему вы мне ничего не рассказали, Бережнов? Почему, черт побери, вы вертелись вокруг да около, и в итоге я так ничего и не понял!

— Успокойтесь, Тим. — И он указал мне на кресло. — Во-первых, что я мог вам сказать? И что я могу вам сейчас сказать? Что? Про эти бредни старушек! Я ни в одну из этих сказок не верю. Понимаете, не верю! Так зачем мне было нужно пересказывать чьи-то сплетни о недоказанном убийстве, о каких-то привидениях в старой усадьбе, о ночных прогулках Марины туда. Ответьте, зачем? До сплетен тут и без меня предостаточно охотников. И к тому же, представьте себе, кем бы я выглядел в глазах Марины, если бы вы из моих первых уст все узнали. Она и так меня не может терпеть, так зачем нарываться на лишние грубости?

Я устало упал в кресло. И до боли сжал переносицу.

— Что здесь происходит, Бережнов? Что? — хриплым голосом наконец выдавил я.

Он прошелся по комнате, курая на ходу. Приблизился к окну и плотно занавесил шторы.

— В этом поселке всегда не покидает ощущение, что кто-то подсматривает за тобой. Особенно по ночам.

— Я вас слушаю, Бережнов.

— Что ж. Я постараюсь вас не задерживать. Эта усадьба... Прекрасный памятник архитектуры. Но, сами понимаете, теперь забытый, заброшенный и абсолютно никому не нужный. Она принадлежала когда-то местным дворянам, потомком которых и был Самойлов. Самойлыч — так его здесь называли. О, вы знаете, интеллигентнейший человек. А какая личность! Он был художник. А к художникам, сами понимаете, какое отношение — бездельники и чудаки. Но он... Он исключительно — при галстукке, отутюженный костюм. И брился каждое утро! Поверьте, не каждый в этой глуши мужчина себе позволит такое. И главное — светлая голова. И светлое отношение к миру. Его очень здесь любили. Очень! В каждом доме можно увидеть его работы. Море, берег, небо, парус. Простенькие такие, но сколько глубины, сколько света, сколько доброты! Мастерская его находилась в старой усадьбе. Он оборудовал себе там еще сравнительно приличную комнату. И работал. Очень много, скажу вам, работал.

Я невольно опустил взгляд.

— Так про что это я? Ах, да. Собственно, и рассказывать нечего. Жил он довольно замкнуто. Но, но как бы вам объяснить... Это было другое, то, что не вызывало раздражения. Он всегда улыбался. Может быть, поэтому его образ жизни так мало интересовал окружающих. Скажу вам, улыбка очень дорого стоит. И очень многое может покрыть. Итак, я отвлекся. Перейду к главному. Главное — это тайна его смерти. Умер внезапно. Прямо у себя в мастерской. За рабо-

той. Как знать, возможно, лучшей смерти художнику не пожелаешь. Однако... Я лично делал вскрытие. Отравление грибами. Но...

— При чем тут Марина?

Бережнов кашлянул в кулак. И отвел взгляд.

— Дело в том, что незадолго до своей смерти он привел ее в свой дом...

— В усадьбу? — воскликнул я.

Бережнов отрицательно покачал головой.

— Что вы! Усадьба — это старые развалины. А этот дом он построил сам, собственными руками. Прекрасный дом. Дом, где вы сейчас живете с Мариной, — выдохнул он и перевел дух, словно свалил тяжесть со своих плеч.

Я вскочил с места.

— Как! Что вы сказали! Вы... Вы утверждаете, что я живу в доме Самойлова!

Бережнов молчал.

— О Боже! — Я прошелся взад-вперед по комнате. — Но почему, почему она мне ничего не сказала? — Я резко остановился. — Скажите, как скоро после его смерти появился я?

— Скоро, — вздохнул Бережнов.

Я невольно стиснул кулаки.

— Но почему, почему, Док?

Он вплотную приблизился ко мне и слегка пожал мою руку.

— Успокойтесь, Тим. Я вас прошу. Вы же не знаете... Это всего лишь сплетни... А вот я... Я лично верю Марине. Она всегда отрицала любовную связь между ними.

Я криво усмехнулся.

— Между взрослым мужчиной и взрослой женщиной?

— Вот и вы судите как обыватель. Поверьте, меж-

ду взрослым мужчиной и взрослой женщиной могут быть и другие узы, связывающие их. Вы лучше спросите у Марины. Идите к ней, ради Бога!

— Вы мне все рассказали, Бережнов?

Он молча опустил глаза.

— Вы мне опять лжете! Где она? Зачем она туда ходит? — Я был не на шутку взбешен и готов вот-вот ринуться с кулаками на доктора.

Он сделал несколько шагов назад.

— Я не могу... Если вы будете в таком тоне разговаривать со мной, поверьте, вы от меня ничего больше не добьетесь! Спросите лучше у первой встречной старушки.

Я перевел дух.

— Фу! — И вытер пот, стекающий градом со лба. — Извините, Бережнов. Я сейчас успокоюсь. — И я распахнул окно. И с жадностью вдохнул свежий вечерний воздух. И вздрогнул. Мне показалось, что послышался шорох в кустах сирени. Я прислушался. Но было тихо.

— Черт побери! Скоро я стану вздрагивать от каждого звука. — И я вновь бухнулся в кресло. — У вас есть что-нибудь выпить, Док?

— Как всегда — исключительно коньяк.

Я с удовольствием выпил сразу две рюмки. Мне стало теплее. И мысли постепенно стали приходить в порядок.

— Рассказывайте, Бережнов.

— Самойлов... Он дарил свои работы, свои прекрасные работы... Дарил людям. Просто так, безвозмездно. Так, от души, от сердца. У него прекрасное было сердце. Но он всегда знал, что главная его работа еще впереди. Вы художник, вы понимаете, работа, которая станет смыслом жизни, которой можно посвятить жизнь. Он писал ее. Долго писал. Нико-

му не показывая, никому не рассказывая о ней. Но все-все об этом знали. Понимаете, простые крестьяне, обычные трудяги, никогда ничего не спрашивали. Поверьте, они тоже понимали. Они безгранично верили Самойлову. Если он взялся за дело — обязательно сделает. И они ждали. Ждали все. Ждали, как какого-то чуда...

— Где это чудо?

— Чудо не состоялось. — И он развел руками. И виновато улыбнулся. Словно сам был в этом повинен.

— Но почему? — нетерпеливо выкрикнул я.

— Работа исчезла. Вот так... Когда он умер, картины уже не было на месте.

— Но, возможно, ее не было вообще! Ведь абсолютно никто ее не видел!

— Вы меня не поняли, Тим. Ее действительно никто не видел, но... Мы это знали, Тим. Это было очень заметно по Самойлову. И потом... Все-таки существует один-единственный свидетель...

Я с любопытством смотрел на доктора.

— Это Слон. Но, увы. — Бережнов развел своими маленькими ладошками. — Он бесилен описать эту картину. Самойлов допускал к себе в мастерскую только Слона. Может быть, потому, что Слон не мог ничего рассказать. Он мог только видеть прекрасное и воспринимать его в рамках своего сердца, сердца, не доступного никому. Художник за это и любил немного и мог ему довериться. Когда Самойлов умер, а картина исчезла, Слон... Боже, как он тяжело это переживал! Он рыдал бесшумно, но как он рыдал! После этого он, кажется, еще больше помешался. Ведь только он видел вершину творчества Самойлова, его главную в жизни работу.

— Но Слон... Слон любит Марину! Значит, он понимает, что она невиновна!

Бережнов кивнул.

— Вот именно. Вот именно, Тим. Об этом же подумал и я. Если бы Слон хоть на миг усомнился в ее невинности, он бы никогда этого не простил. Потому что он не меньше, как знает, возможно, и больше любил Самойлова. Поэтому и вы... Вы не должны делать поспешных выводов. Вы должны верить человеку, которого любите.

Мы помолчали. Я встал, собираясь уйти. И вдруг опомнился. Вдруг вспомнил основную цель прихода. Развалины...

Бережнов подробно описал, как мне туда добраться.

Через некоторое время я уже приближался к старой усадьбе. Доктор был прав, я пробивался с трудом сквозь густые заросли. Кустарники царапали мое лицо, крапива вьедалась в мою кожу, ноги утапали в вязкой слизи. Словно сама природа не допускала меня к цели. Но я уже видел старый, обшарпанный дом, еще сохранивший свою красоту, поражающий своими тяжелыми колоннами, своей величественной осянкой и своей тайной. Дом, в котором жили в нем люди радовались, любили, плакали и страдали. Где временами бушевали страсти и временами царствовал покой. Дом, в котором Самойлов писал главную работу своей жизни. Дом, в котором он принял свою трагическую смерть. Это была моя последняя мысль. И я вскрикнул от боли. И небо поплыло перед моими глазами. И я, уже не чувствуя боли, стал падать в густую зелень, прова-

ливаясь все глубже и глубже в какую-то бездонную дыру.

Я не знаю, сколько времени я пролежал без сознания. И, едва очнувшись, увидел огромную, ярко-желтую луну. Она так низко висела надо мной, что мне на миг показалось, что она вот-вот может сорваться. Было очень тихо, только изредка слышался шум волн и где-то кричала ночная птица. Я с трудом поднялся. Усадьба казалась совсем новой. Белые стены в освещении золотистого света луны. Она вовсе не утратила свой былой блеск. Напротив, в ней словно продолжалась та, своя жизнь. И я уже видел эту жизнь. При тусклых свечах наполненной нежной грустной мелодией рояля. Я слышал уже шорох шелка и звон фарфоровой посуды...

Я встряхнул головой. И поморщился от боли. Голова страшно гудела. И я, собрав все свои силы, шатаясь и спотыкаясь, стал вновь пробираться сквозь густые заросли, но уже в обратную сторону. Прочь от этого загадочного места...

— Тим, Тим, Тим. — Она шептала сквозь слезы. Она целовала мое исцарапанное лицо, мои вздувшиеся волдыри на коже. — Тим, Тим, я так за тебя боялась.

Я слабо освободился из ее объятий. Упал на диван и прикрыл глаза.

— Что случилось, Тим? Ну, ответь же мне! Пожалуйста, Тим!

Что случилось? Если бы я это знал...

— Если бы я это знал, Марина. Но... Но в общих словах, я искал тебя, — устало ответил я, так же не открывая глаз.

— Искал? Меня? Где? Где я могу еще быть, как не у моря? Я купалась, как всегда, Тим. А когда пришла — увидела твои вещи. Боже, я не знала, что делать, куда ты пропал, Тим?

— Я искал тебя. — Я наконец открыл глаза и в упор на нее посмотрел. Она на корточках сидела возле меня и гладила мои руки.

— Я искал тебя в старой усадьбе.

— Усадьбе??? — с ужасом воскликнула она. И резко встала. — О Боже!

И тут я заметил немного. Он, как всегда, робко сидел на стуле. И преданно смотрел на Марину.

— Значит, тебе все рассказали, — тихо пробормотала она. — Тим, когда слухи прилипают, их трудно отмыть.

— Я знаю, Марина. Вот поэтому ты и должна была сама мне все рассказать. Ты должна была верить человеку, которого любишь. Ты меня любишь, Марина?

Она повернулась ко мне. И ее лицо было мокрым от слез.

— Почему ты это спрашиваешь? Зачем? Если это и так ясно.

Слон опустил голову. И тяжело вздохнул. Она подскочила к нему. И крепко пожала его толстую руку.

— И тебя я, конечно, люблю, Слон. Мой славный, добрый Слон. Мой верный друг.

— А когда-то ты еще любила Самойлова.

Марина вздрогнула. А Слон закрыл лицо руками. Я вплотную приблизился к нему и оторвал его руки от лица.

— Скажи, Слон, он правда писал эту картину?

Слон поднял на меня полные слез глаза и закивал в ответ.

— И эта картина была прекрасна?

Слон беззвучно заплакал.

— Что там было нарисовано, Слон?

Слон попытался жестами что-то изобразить, но безнадежно махнул рукой. Видимо, не один я его об этом спрашивал.

— Это трудно передать, да, Слон?

Он кивнул.

— Даже словами?

И он вновь кивнул. А я обратился к Марине:

— Марина, но ты... Неужели тебе он так и не показал эту картину?

Марина вздохнула.

— Я его даже об этом и не просила. Я знала. Если он захочет... Он сам должен был этого захотеть.

— Кем он был в твоей жизни, Марина? — Этот вопрос я буквально выдавил из себя.

Она посмотрела на меня и улыбнулась.

— Всем, всем, всем. И отцом, и братом, и защитником, и душепастителем...

— И любовником, — уже твердо сказал я. И схватил ее за руку. Она вырвалась. И ее вызывающий взгляд злобно бегал по моему лицу, фигуре.

— Как ты посмел, Тим! И ты... Ты, оказывается, тоже, как они... Ты обидел меня. Кто угодно. Но Самойлов... Он был для меня всем. Если хочешь — даже Богом! Он дал мне крышу над головой, за короткое время он научил меня любить жизнь и понимать мир. Он научил меня чести и научил ненавидеть бесчестье. Он был лучше всех нас! Он был так талантлив и никогда не кичился этим! Он отличался от этих городских снобов, которые заезжают сюда в поисках экзотики! Он мог возвыситься над всем миром. Но он предпочитал жить здесь и видеть здесь мир возвышенным, таким, который он придумывал сам. И зачем так все опускать, Тим! И зачем самому опускаться до жалких сплетен, до бездарных фантазий. Ведь это самое простое, что может прийти в голову. Любому обывателю! Почему и ты, Тим... Почему и твой уровень мыслей оказался таким ничтожным! Неужели я в тебе ошиблась...

— Марина. — Я не дал ей договорить. И слегка зажал рот ладонью. — Перестань, Марина. Ты слишком все романтизируешь. Ты видишь жизнь в одной краске. А краски бывают разные. И черный цвет чаще всего пускается в ход. И все-таки... Я был не прав. Конечно, не прав. Если хочешь, я никогда тебя ни о чем не спрошу больше.

— Хочу. Это будет самым правильным. И лучше для нас двоих. И если ты мне веришь — слова не обязательны. А если не веришь — лучше уходи. — И она указала на дверь.

Но я не обратил внимания на ее жест. Я погладил ее длинные волосы, еще влажные от морской воды. И уже хотел было спросить, зачем она купается в такую неспокойную погоду, но вовремя спохватился. Помня, что лишние слова могут все погубить. Мне этого никак не хотелось. И тайна этой женщины только разжигала мою любовь к ней.

— Давай мириться, Тим? — улыбнулась Марина.

— Давай. — И я крепко пожал ее теплую ладонь.

Слон улыбнулся своими неровными зубами. И направился к выходу, тяжело ступая огромными косялыми лапами по полу.

Но мы его уже не замечали. Мои губы уже утопали в волосах Марины, скользили по ее лицу, нашли ее губы... А она все крепче и крепче прижималась ко мне, словно хотела уберечься от прошлого и предстоящего зла. Но мы тогда переоценили свои силы, недооценив силы судьбы...

И все продолжалось по-прежнему. Я уезжал. Марина злилась и не отпускала. Я приезжал. И она мгновенно забывала про все обиды. Я по-прежнему рисовал море, рисовал небо, рисовал чаек, крыльями касающихся прохладной воды. Я по-прежнему рисовал Марину. Отлично зная, что моя главная работа еще впереди. Работа, которой я отдам себя без остатка. И к которой я еще не был готов. Для нее еще нужен был опыт, нужны силы, нужно было еще многое пережить.

Марина была словно создана для того, чтобы ее рисовали. Эта тайна в раскосых синих-синих глазах. Эта темная прядь густых волос, небрежно падающая на лоб. Этот одухотворенный взгляд. И упрямство, застывшее на губах. Я заметил, что она понимает живопись. И это было так естественно, словно она родилась с этим пониманием. Ее лицо менялось в угоду погоде, в угоду капризам моря. Она умело дополняла окружающий мир. Умела слиться с ним, угадать его настроение. Она давала правильные советы мне. И я сопротивлялся им в силу своего упрямства, в силу своей профессиональной гордости. Но в итоге их принимал. Но она поворачивала все так, словно эти идеи исходили от меня. Мне удивительно легко было ее рисовать. И все же... Где-то в глубине души я чувствовал, что я словно не сочиняю этот мир, а срисовываю его. Словно до конца не могу излить на полотно все свои мысли.

В деревне я общался только с тремя людьми. Мариной, Слоном и Бережновым. И каждый из них был мне по-своему дорог. И каждый из них по-своему дополнял других. С Мариной мы могли и болтать часами, и молчать часами, и целоваться часами. Слону я мог открыто исповедоваться. И он благодарно все принимал. Бережнова я, как правило, слушал. Мне нравилась его манера общения. Его игра словами и фразами, его удивительная способность подмечать самые незначительные детали и давать точные характеристики людям. Казалось, он знал все на свете. И, казалось, эти знания придавали ему силы в этой глуши. И только ему я рассказал о случившемся в старой усадьбе.

Он удивился. И его очки недовольно блеснули.

— Хм, в это трудно поверить, Тим.

— Но это тем не менее остается фактом.

— Да, — протянул он. — Это все бы следовало выяснять. И все же странно. Хотя... Хотя я по-прежнему не верю в эти фантастические сказки. В конце концов вас мог шарахнуть по голове любой местный пьянчужка.

— Или просто мог кирпич свалиться с неба.

— Вы напрасно иронизируете, Тим. Будьте же здоровы! Вы шли темным вечером густыми зарослями. Удобный момент, чтобы вас просто ограбить, не правда ли! Кстати, деньги ваши целы?

— А откуда вы знаете, что у меня были деньги? — И я пристально на него посмотрел.

— Ну, не смотрите же на меня, Тим, словно это я побежал, как мальчишка, за вами и ударил кирпичом

по голове. Я и бегать-то так не умею. Все гораздо проще, Тим. Вы сами говорили, что перед этим зашли в магазин. В магазин, как правило, заходят с деньгами.

— Да, Док. Но у меня были деньги только на сигареты. Так что, увы, узнать, с какой целью меня бабахнули по башке, нам так и не удастся.

— Да, кстати, — он перевел разговор, — вы поговорили с Мариной о Самойлове?

— Поговорили, Бережнов. Больше мы этой темы не будем касаться.

— Ну и прекрасно. Только доверие может спасти любовь. Хотя... Хотя именно оно иногда и губит.

— Это к нам не относится, Док.

— Жаль, что она мне так и не доверяет. — Он грустно улыбнулся и поправил свои круглые очки. — А я так и не могу ее убедить в обратном.

Я пожал плечами. Мне нечего было сказать.

— Вы часто уезжаете, Тим. И я мог бы ей чем-то помочь в это время. Разве не так? Слон тоже любит ее, но он, увы, нем.

— Защита порой не нуждается в словах. Кулаком можно дать и молча.

Он вновь рассмеялся своей некрасивой улыбкой.

— Я противник кулаков, Тим. Я сторонник только словесной защиты. Поверьте, она гораздо сильнее.

— Всего доброго, Бережнов. — И я пожал ему руку. — До встречи.

Марина злилась, когда я ходил к Бережнову. Надувала свои большие губы. И отворачивалась к окну.

— Терпеть его не могу.

— Но за что, Марина? Я не понимаю! Конечно, я согласен, в нем много неприятного. Но это скорее от болтливости.

— Скорее от его ума, — поправила она меня. — А слишком умные люди... Я это хорошо поняла. Они способны на крайности. Благородство не в его вкусе. Ты только всмотришься в его улыбку.

— Слон тоже не Аполлон, Марина. Но ты его любишь.

— Слон безобразен. Но разве ты не замечаешь его обаяния? И сколько отталкивающего в Бережнове!

Я с ней согласился. Но не во всем. Я не любил судить только по внешности. Как художник, понимал, что внешнее проявление натуры — это зачастую обман. Обман, которым мы, художники, в основном и пользуемся.

Это был последний наш вечер с Мариной. Но мы тогда еще не знали об этом и не могли знать. Ничего не говорило о нашей разлуке. И я, как всегда, привычным жестом набросил куртку, захватил мольберт и крепко обнял Марину.

— Марина, девочка моя. Ну давай, хотя бы сегодня, ты не станешь плакать и злиться на меня. Сделай мне этот подарок. Ведь я вновь приеду. Все, как всегда...

— Но так не бывает, Тим! Мне страшно. Слишком уж часто все повторяется. Вдруг это не повторится. Твой приезд. Я. Твои картины у моря.

— Ты говоришь это каждый раз, Марина. И тем не менее все повторяется. Потому что нас уже ничто не сможет разлучить. Я это знаю точно. И ты это тоже должна знать.

Но Марина не выдержала и расплакалась.

— Ну вот, опять слезы. — Я поцеловал это милое заплаканное лицо. — Ну все, Марина. Не надо. Ты

делаешь мне больно. — И я оторвал силой ее от своей груди. — Еще чуть-чуть, еще совсем капельку, ты потерпи. И мы никогда больше не расстанемся.

Я улыбнулся. Я искренне верил своим словам. Я ни о чем не догадывался.

— Я провожу тебя, Тим.

— Что ты! Посмотри, какой дождь! Я не хочу, чтобы ты заболела. Я не хочу, чтобы тебе когда-нибудь было больно. Я пойду, Марина...

— Слон, проводи ты его.

Слон с готовностью кивнул. И Марина протянула ему свой большой серый зонт.

— Слон, проводи его. И возвращайся сразу же ко мне! Я расскажу тебе, как мне грустно и одиноко. Мы целый вечер будем болтать с тобой о Тиме. Хорошо, Слон? Я снова и снова расскажу тебе, как я его люблю...

Она протянула ему руку. И Слон потерял своей небритой щекой о ее ладонь.

— Пока, моя девочка. — И я, как можно веселее, подмигнул ей. — Не ругай меня сильно. А то в следующий раз не помирюсь с тобой.

— Пока, Тим, — сквозь слезы выдавила она.

Я знал, что она прильнула к окну. Я знал, что она смотрит нам вслед. Но не оборачивался. Я не хотел встречаться с ней взглядом. Я не хотел лишних упреков и слез. Я знал, что в любом случае обязательно вернусь. И никакие силы не смогут нас разлучить. Но силы судьбы я недооценил. И в этом была, возможно, моя главная ошибка.

Слон держал зонт над моей головой. И неуклюже ступал своими лапами по вязкой грязи. И его рваные тапки промокли насквозь. И на его узкий дырявый пиджак с короткими до смешного рукавами попадали грязные брызги.

— Бедный мой Слон. В следующий приезд я обязательно куплю тебе ботинки. Блестящие, лаковые. И куртку тебе подарю, Слон. И выброшу ко всем чертям твои старые вещи!

Слон от неловкости еще больше сторбился. И попытался подтянуть рукава. Но бесполезно. Они были слишком уж коротки.

— Ничего, Слон. Все образуется. Все будет класс! Ты мне веришь?

Он закивал своей стриженной головой.

— Если бы ты знал, Слон, как мне без нее плохо! Я впервые узнал, что значит любить женщину. И я впервые узнал, что такое настоящая женщина. Если бы ты знал, какие глупые куклы окружали меня. А Марина... Она совсем другая. Она ни на кого не похожа. Правда, Слон? Вот так. И я все сделаю, чтобы мы были вместе. А ты знаешь, Слон, это случится совсем скоро! Гораздо скорее, чем ты думаешь. И, возможно, следующий приезд станет последней нашей встречей. Потому что больше мы с ней не расстанемся. Никогда!

Слон радостно улыбнулся своей безобразной улыбкой. И заглянул в глубь моих глаз.

— Я не вру, Слон. Мои дела идут неплохо. А за эту работу, — и я кивнул на картину, — мне могут заплатить немало. — Мы уже можем снимать квартиру. И я заберу Марину с собой. Навсегда, Слон! И она покорит весь сумасшедший многомиллионный город! Потому что она совсем другая!

Слон всхлипнул. И с жалостью посмотрел на меня.

— Не печалься, дружище! Мы обязательно будем наезжать в поселок. Обязательно. Я тоже не могу жить без моря. И Марина не может. И мы всегда будем помнить тебя... Поверь, Слон, всегда!

Слон в порыве благодарности схватил меня за руку. И крепко ее пожал. А я похлопал по его плечу.

— А как мы будем жить, Слон! Только я и Марина. Только она и я. И никого в целом мире! Мы укроемся от ненужных звонков и будем избегать ненужных встреч! Потому что это все бессмыслие, пустота, Слон! Только ложь и страх остаться наедине с собой, потому что наедине с собой можно понять, чего ты стоишь. А мы с Мариной не боимся одиночества. Потому что мы знаем, что одиночество — единственный шанс на правду, единственный шанс узнать мир и узнать себя в мире. Ведь правда, Слон? Ведь ты тоже из нас, одиночек! Я брошу к ее ногам всю свою жизнь! Все свои победы. А они у меня обязательно будут! Поверь, Слон! Да они уже есть, черт побери! Но главная победа еще впереди! Я это знаю. Я открою свой мир. Как когда-то открыл Самойлов. И этот мир тоже будет благородным и прекрасным. И я подарю его Марине. — Мои глаза возбужденно блеснули.

И я остановился. Слон поддался моим эмоциям. И с нескрываемым восхищением смотрел на меня.

— Ты же хочешь, чтобы была счастлива эта женщина, Слон?

Слон очень хотел ответить: да. Крикнуть: да, да. Заорать на весь мир: да, да, да! Но не мог. И на его глазах выступили слезы. И я крепко пожал его огромную ладонь.

— Я тебя понял, Слон. Считаю, что твоя мечта уже сбылась. Я сделаю ее счастливой! Чего бы мне это ни стоило. Прощай, Слон!

И мы крепко обнялись.

— Ты единственный, кому я могу открыть до конца свое сердце.

— Прощай, море! — Я помахал морю рукой. Оно запенилось, забурило, зашумело. Оно тоже мне кричало: прощай!

С тех пор я никогда не видел Марину. И никогда не увижу. Я не знаю, как я мог пережить эту утрату. Эту ни с чем не сравнимую боль. И все же я ее пережил. И порой мне становилось горько оттого, что, оказывается, человек способен пережить все. Я за четыре года не спал ни одной ночи спокойно. Перед моими глазами мелькало ее смуглое лицо. На своих губах я физически ощущал ее горячие поцелуи. На своей коже я чувствовал ее нежные прикосновения. И мне она казалась уже нереальностью, мифом, мечтой. Мне казалось, что я никогда не встречал такой женщины. Потому что таких женщин не бывает. И утром я с нездоровой радостью погружался в бессмысленные разговоры, пустые взгляды, сигаретный дым, запах дорогих духов и отвратительные поцелуи сладкой помады. Мне это казалось гораздо реальнее. Это меня возвращало к жизни. Пусть крикливой, пусть суматошной, пусть пустой и наигранной. Но — жизни. И эта жизнь мне казалась гораздо реальнее морской пены, криков чаек, касающихся волны, и почти неземной женщины, опускающейся на раскаленный песок. Но вновь наступали ночи. И я вновь слышал этот запах. Так пахла ее кожа — запах моря. И я до боли сжимал свои виски! И вновь проваливался в черную бездонную дыру. И утром долго не открывал глаза. Мне хотелось

обмануть судьбу. Мне хотелось кричать: это неправда! Вот сейчас я открою глаза. И увижу смуглое лицо. И комната заполнится запахом моря. А она улыбнется мне белозубой улыбкой и скажет:

— Ну же, Тим! Сколько можно спать! Так можно проспать все утро! И твоя жизнь от этого станет в два раза короче. Ты хочешь короткой жизни, Тим?

И я открывал глаза. И перед глазами — голые стены. И перед глазами — бесконечное одиночество. Которого я уже боялся. Потому что не верил в свои силы. И я плакал от бессилия. И накрывался одеялом. Я не хотел больше утра. Я хотел короткой жизни.

Я никогда больше не ездил к морю. Я не мог видеть тех людей, которые ненавидели Марину и которые любили. Так или иначе, но они были живы. И я не мог простить целому человечеству, что оно по-прежнему дышит, движется, смеется и развлекается. Мне казалось, никто на это не имел права. Если не было в мире Марины.

Женился я от отчаяния. От страха одиночества. И первое, что возненавидел в своей жене, — это ее имя. Я считал, что единственное имя, которое всегда останется на моих губах, — это имя моей возлюбленной. Постепенно я стал ненавидеть в своей жене ее правильные плавные жесты. Ее правильный ум, ее правильную красоту. Она многое мне прощала. Но единственное, с чем она так и не смогла смириться, — это то, что я ни разу так ее и не нарисовал. Этого она мне не простила. И я облегченно вздохнул, услышав о разводе. Я постепенно стал приходить в себя. И мне вновь понадобились полная свобода и полное одиночество.

Море я тоже возненавидел. Море, которое было когда-то самым дорогим в моей жизни, было повинно в смерти Марины. И этого я простить ему не мог. Оно сумело разъединить нас. Оно предало нас. Оно совершило преступление. Я никогда за все четыре страшных бесконечных года так и не нарисовал его. И никогда, никогда не нарисую... Вот так и закончилась моя печальная история.

— Вот так и закончилась моя печальная история. — И я посмотрел в глаза Голове. И глубоко затянулся сигаретой.

— Твоя печальная история еще только начинается, — усмехнулся Голова. — Уж мне-то поверь, Тим.

Мы помолчали. Мы понимали, что главное — с чего-то надо начать. Но с чего начать, мы не понимали.

— Но главное — с чего-то начать, — уже решительно сказал Голова. И резко встал. — Хотя бы с того, что мы сейчас побреемся и примем приличный вид. Чует мое сердце, что мы здорово проведем время. — И Голова радостно потер руки. И его глаза блеснули, как у хищника, чувствующего приближение добычи. Голова все-таки обожал свою работу.

Через полчаса мы, свежие, выбритые, подтянутые, вновь сидели у стола. Голова решил полностью взять инициативу в свои руки. И я ему доверял, как профессионалу. К тому же инициатива была далеко не главной чертой моего характера. Если она вообще была у меня.

— Итак, — начал он. — Начнем с того, что мы ведем дело об убийстве.

Я вопросительно поднял брови.

— А какой смысл тогда вообще вести дело? —

ответил он на мой немой вопрос. — Ну, хорошо, если ты так настаиваешь. Мы ведем дело о случайной смерти человека, который не существует и которого вообще не существовало.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду, Голова.

— А ты наберись терпения, Тим. И слушай своего друга. Еще четыре года назад это дело меня крайне заинтересовало. Ты спросишь, почему? Это не просто интуиция, Тим. Интуиции в нашем деле не существует, если она не основана хотя бы на мизерном факте.

Я невольно сжал кулаки.

— Да, Тим, и не злился. Знаешь, сколько людей тонет за одно лето? Случайно. Но тебе это знать и не обязательно. Не порти себе настроения. Так вот. Поверь, этими утонувшими занимаются, уж мне-то поверь, не лучшие сыщики угро. — И Голова самодовольно выпятил свою крепкую грудь. — Неужели ты не задавал себе вопроса, когда я впервые к тебе зашел четыре года назад, почему я — главный сыщик, большой профессионал — захожу к тебе домой. Неужели ты думаешь, мы расследуем каждый случай с утопленниками? Неужели ты так наивен, Тим?

— Во-первых, по тебе совсем не видно, что ты большой профессионал. Во-вторых, я тогда вообще не мог ни о чем думать.

— Я вижу, что ты и сейчас не способен думать... Просто в тот злополучный день, когда она утонула, в моем милом кабинете раздался анонимный звонок. И мужской голос попросил расследовать это дело. Он утверждал, что смерть не случайна. И что я непременно должен выехать на место происшествия.

— Ты узнал, кто звонил?

Он отрицательно покачал головой.

— Потом, когда я перестал заниматься этим делом, мне это стало ненужно. Но в тот день... Я следовал долгу, а я — человек долга, запомни это хорошо, Тим. Так вот, следуя своему долгу, я выехал. Но, увы. Факты оставались фактами. Немой был свидетелем. Он искренне плакал. И мне искренне стало его жаль. Возможно, спасатели и успели бы, но начался сильный шторм. И тело унесло далеко в море. Конечно, если бы немой умел кричать...

— Несчастный Слон, — пробормотал я, — у него на глазах море пожирало то, что было самым дорогим в его жизни.

— Я уехал ни с чем, — продолжал Голова. — И все же я решил узнать поподробнее об этой девушке. И что ты думаешь, Тим?

— Я ничего не думаю, Голова. Ты же сам только что заметил, что у меня нет способностей думать.

Голова сразу же согласился.

— А я, Тим, думал в отличие от тебя. Эта девушка жила без паспорта. О ее прошлом в деревне никто абсолютно ничего не знал. Самойлов привел ее в дом и через три дня умер, — Голова невесело усмехнулся, — пищевое отравление грибами. Не правда ли — тоже вполне естественная смерть? Розыск у нас, Тим, ты должен знать, на высшем уровне. Мы подключили людей, разослали везде фотографии, перерыли все документы. И ничего! Абсолютно ничего! Безрезультатно! О ней ничего не известно! Мы не напали даже на малейший след ее прошлого! Единственное, что мы знали...

— Что? — воскликнул я.

— То, что и все, — спокойно ответил Голова. — То, что ее зовут Марина. Имя, как имя. Вот и все, Тим.

Так что приготовься. Мы будем вести дело о человеке, которого уже нет. И которого фактически не было, раз ничего о нем не известно. Любопытное дельце, не правда ли? — И его глаза вновь блеснули азартным огнем.

Но мне это дело не казалось просто любопытным.

— Итак. — Голова закурил и прошелся по комнате.

— Итак, — продолжил я. — С чего начать, Голова?

— С начала. — Голова пожал плечами и недоуменно на меня посмотрел, словно я не понимал самых простых вещей.

Он оказался прав. Я не понимал.

— Начнем с письма, Тим. С того, что его у нас просто украли.

Я недоверчиво усмехнулся.

— Может быть, ты способен вспомнить девиц, так усердно нас соблазнявших? И в точности сообщить их приметы? Видимо, их милое похлопыванье по коленкам запало тебе в душу.

Но Голова уже не шутил.

— Это бессмысленно. К ним мы вернемся позднее, если вообще вернемся. А теперь... — Голова с жадностью вцепился в меня взглядом.

— Голова. — Я вдруг задохнулся, не находя нужных слов. — Мне кажется, я что-то вспомнил.

— Ну же! Не тяни резину!

— Ты помнишь, ну, письмо?

— Помню. Но, увы, там не было даже намека ни на одного человека.

— Правильно, не было. Но он был! Был в тот день, который подробно описывала Марина. Там был парусник с каким-то человеком, Голова! И он был в темных очках.

— Та-ак, — протянул Голова. — Уже теплее. И мы это выясним сейчас же! Поехали! К тебе!

Через несколько минут мы были у меня дома. Я бросился к моим картинам. Сердце бешено колотилось, когда я искал нужную работу. Я облегченно вздохнул, когда вытащил огромный холст. И тут же по спине побежал неприятный холодок.

— О Боже! — выдохнул я. — О Боже! Я ничего не понимаю!

На картине все оставалось по-прежнему. И Марина у моря, и ракушка, и стрекоза на ее плече, и чьи-то огромные следы. И даже парусник. Но парусник был абсолютно пуст.

— О Боже! Вот здесь! — Я ткнул пальцем в пустой парусник. — Вот здесь должен быть он!

— Мистика какая-то, — мрачно промышчал Голова. Я с жадностью стал принохиваться к холсту. Он пах еще свежей краской.

— Совсем недавно.

— Что совсем недавно? — еще мрачнее промышчал Голова.

— Совсем недавно закрашили. — Я схватился за голову. И слегка покачнулся. — Это не мистика, Голова. К сожалению. Просто нас в очередной раз одурачили.

Мы вновь сидели на кухне. Только уже на моей. И она, маленькая, пыльная, захлавленная кухня одинокого человека, мало чем отличалась от кухни Головы. Мы вновь пили крепкий кофе. И вновь курили одну за другой сигареты. Нам вновь предстояло решить, что делать дальше. И с чего начинать.

— У нас много вопросов, Тим. И теперь мы долж-

ны попытаться на них ответить. Чтобы знать — с чего начинать. И вновь попробуем начать с письма.

— Начнем, — покорно вздохнул я.

— Итак. Письмо было украдено.

— Было.

— Но зачем?

— Зачем?

— А ты думай, думай, Тим. Хотя ты на это и не способен. Зачем было украдено письмо?

— Зачем? — вновь покорно повторил я. У меня напрочь отсутствовало логическое мышление.

— Затем, что боялись, чтобы оно долго не осталось у нас в руках. А почему боялись?

— Почему?

— А потому, что это письмо писала не она, Тим.

Я с уважением посмотрел на Голову. Мне он определенно нравился.

— А ты умный, Голова. Я действительно знаю хорошо ее почерк. Этот почерк уж очень похож.

— Вот именно! Почерк похож. Но потом ты мог запросто отдать письмо на экспертизу! Ведь подлинные ее записки могли быть?

— Вполне. У доктора, например.

— Вот видишь, Тим. Ты помнишь содержание письма?

— Помню.

— А теперь мы вспомним его вместе. Заметь, как подробно был описан тот день!

— Так подробно, что трудно поверить, что это писала не она. Она любила запоминать мелочи.

— На это и ставилось. И ты сразу же поддался на эту уловку. Ведь у моря были только вы? Не считая того привидения на паруснике.

Я кивнул.

— Следовательно, сомнений у тебя не могло возникнуть, что это писала она. Но преступник все же ошибся. За нами следят. Очень умно, очень профессионально следят. Преступник заглянул к тебе в гости. А теперь, Тим, ты должен сообразить, зачем он шел на такой риск, зачем закрасил свою физиономию? Ведь этим он навлек на себя еще большие подозрения. И мы даже знаем, где его искать, — в поселке. У моря, там, где ты его запечатлел навеки.

— Увы, не навеки.

— Ну, это детали. — Голова махнул рукой. — Пошевели извилинами, Тим. Зачем он шел на такой риск?

— Пойми, Голова, я его тогда даже не писал. А копировал.

— Учитывая, если ему снять очки, отклеить бороду, выбросить шляпу...

Я прикрыл от усталости глаза. Да, Голова оказался абсолютно прав.

— Скажи, ведь ты бы смог попробовать его нарисовать без этого грубого маскарадного костюма?

— Думаю, смог бы.

— Вот! — Он стукнул кулаком по столу. — Мы пришли к главному. Тим. Он боялся этой картины! Он боялся, что мы воссоздадим его образ. И он уничтожил главную улику.

— Но он к тому же еще и не дилетант в живописи, если сумел так быстро и ловко закрасить холст.

Голова развел руками.

— Возможно, Тим. И мы это обязательно выясним. Как уже сейчас смогли выяснить немало.

— Голова, — я поднял на него взгляд, — но я не

могу понять одного. Зачем? Зачем он послал это письмо? Тем более если он преступник. Зачем? Зачем он ворошил прошлое, зачем будоражил мои воспоминания? Это же просто глупо...

Голова вздохнул. И скрестил на груди руки.

— Меня этот вопрос занимает не меньше. И не только этот. И ответы на них, думаю, нам следует искать далеко не здесь.

— В поселке?

Голова утвердительно кивнул.

— И завтра же мы туда отправимся.

Я с тоской стал вглядываться в хмурое небо, открытое сетью мелкого дождя. Голова положил руку на мою ладонь.

— Мы должны докопаться до истины. Тебе ведь она нужна не меньше?

— Все в порядке, Голова. — И я уже улыбнулся.

— До завтра, Тим...

Круглый лунный шар свисал над моим окном. Я вглядывался в его таинственный свет, уткнувшись лбом в оконное стекло. Было очень тихо, очень темно и очень грустно. И уснуть я не мог. Завтра мне предстоял трудный день. Завтра мне предстояло возвращение в прошлое, прошлое, которое было и осталось единственным смыслом этой жизни, прошлое, которое уже никакими силами нельзя было вернуть. Я знал, что так и не усну этой лунной ночью. Я чувствовал, что вот-вот привычным жестом окуну кисть в краски и уйду в свой придуманный мир, мир, заполненный лунной ночью, тишиной и беспросветным одиночеством. Я чувствовал, что уже подошло время. Время начать свою главную работу. Работу, которой Самойлов когда-то посвятил последние дни своей жизни.

Я не ошибся в своем предчувствии. Я работал всю ночь. Мягкие волны касались ступней девушки, и ее раскосые синие глаза были возведены вверх, в ночное небо, словно ждали от него ответа. Ответа на простой вопрос: почему именно так, почему не иначе? Но небо молчало. Небо не умело отвечать на простые вопросы. И тонкие смуглые руки были протянуты вверх, к небу, словно просили о помощи. И половина лица была озарена лунным светом. Она была открыта всем. На вторую половину ее лица легла ночная тень. И даже я не мог знать, что скрывает ночь за этой половиной. Какая тайна души скрывается там. Марина. Я вновь стал тебя писать. Я вновь вернулся к морю. И, наверное, уже простил его...

Я знал, что начинаю писать по-другому. Это не была копия лица Марины, копия ее жестов, тела, копия ее мира, который я раньше воссоздавал. Я уже сам делал этот мир, сам придумывал его. Дополнял. Сам его возносил до небес и сам ронял безжалостно на землю. Я уже имел силы делать все, что хочу. Я освободился от условности, от логики, от запрограммированных штрихов. Я сегодня был богом. Я сегодня имел силы править миром. Судить его и прощать его. И мир сегодня безропотно подчинялся мне. И мои мысли обгоняли движения моих рук. И мои руки подчинялись моим безудержным мыслям.

Сегодня я начал главную работу. И во что бы то ни стало должен завершить ее.

Вскочил я от резкого звонка. Встряхнул тяжелой головой и наконец догадался открыть дверь. На пороге стоял бодрый, свежий, выбритый и отутюженный Голова.

— Ну, как, выпался? — ехидно спросил он.

— Еще бы! А что, по-твоему, еще можно ночью делать одинокому человеку.

— Тогда едем. Нам предстоит трудный день.

Который раз я слышал эту фразу! Я аккуратно собрал вещи, собрал краски и кисти и захватил незаконченную работу.

— Зачем тебе это? — недовольно поморщился Голова. — У тебя не будет лишнего времени.

— На это время всегда найдется, Голова. Потому что это вне времени. — После бессонной ночи почему-то всегда легко каламбурилось.

Но Голова скептически посмотрел на меня. Мои крылатые фразы его не окрыляли.

Мне тяжело было смотреть на море. Я уже простил его. Но горечь меня не покидала. Спустя долгих, бесконечно долгих четыре года я вновь очутился в этом месте. Месте, щедро подарившем мне счастье и безжалостно это счастье отнявшем.

Голова восхищенно причмокивал языком, разглядывая здешнюю приморскую природу.

— Да, Тим. Здесь, наверно, даже я легко бы смог писать картины. Ну, или писать стихи, к примеру.

— У тебя, Голова, еще есть шанс. Так что попробуй!

— Хватит с нас и одного, который будет убивать время на мазню, вместо того чтобы помогать своему лучшему другу ловить преступника. — Голова никак не мог успокоиться и по-прежнему недовольно косился на мой мольберт.

Мы остановились в доме Самойлова. В мертвом, одиноком доме. Где когда-то жили два замечательных человека. Но то, что их связывало, что загнало под

одну крышу, так и осталось тайной. И я в который раз пожалел, что так и не узнал от Марины правду.

Мне было тяжело в этих стенах. И я не выдержал. Взял холст, краски и невзначай бросил Голове:

— Я на море, Голова.

Но он почему-то не отговаривал меня. Не ворчал, что я иду убивать время. Он понял меня. И молча кивнул.

И я вновь принялся за работу, работу на берегу моря. Я вновь писал лунную ночь, мягкие волны, касающиеся ступней Марины, ее смуглые руки, устремленные вверх. И она уже не позировала мне. Не стояла на мокром песке на коленках, не бросала на меня переменчивые взгляды. Ее уже не было рядом. И, как ни странно, по памяти мне писалось гораздо легче. Наверно, потому, что память имела право на все.

Я не сразу услышал позади себя это частое тяжелое дыхание. И, когда наконец услышал его, моя рука дрогнула. И я боялся пошелохнуться. Дыхание позади меня учащалось, и я наконец решился повернуть голову.

Слон стоял позади меня, схватившись двумя лапами за свою уродливую голову. Его глаза светились каким-то бешеным блеском. Его глаза впились в портрет. И пена выступила на его крупных губах. Наконец он что-то промычал, схватил меня за руку. Со всей силы ее сжал и стал указывать куда-то вдаль, в море.

— Слон! — вскрикнул я от боли. — Ты что, Слон!

Он мычал все громче и все отчаяннее. И потащил меня к морю. Я не мог вырваться из его цепких объятий. И ненароком заметил, что никогда не подозревал, что он так силен.

— Слон! — продолжал кричать я. — Ты что, Слон! Отпусти же меня! Куда ты меня тащишь, Слон!

Неожиданно кто-то резко сбил Слона с ног. Так неожиданно, что я не успел опомниться. Слон не

удержался и расцепил свои лапы. И повалился на песок. И тут я заметил Голову.

— Фу-у-у,— облегченно я перевел дух.— Он совсем чокнулся.

Слон сидел на песке, продолжая показывать куда-то вдаль, в бесконечную морскую даль. Но его взгляд был совершенно пуст и совершенно бессмыслен.

— Он что-то хотел тебе сказать, Тим. Но, увы, мы так ничего и не узнаем.

— Боже! Если бы он умел говорить! Если бы у него было хоть чуточку разума! Возможно, мы бы давно уже все разгадали,— вздохнул я.— Ты знаешь, Голова, он, по-моему, стал еще ненормальней после смерти Марины.

Слон сидел неподвижно на песке и бессильно плакал. Он ничего не мог рассказать.

Мы с трудом подняли его грузное тело с земли.

— Идем, Слон.— Я похлопал его по небритой щеке.— Идем, дружище. Ты не волнуйся. Мы все узнаем. Ты только не волнуйся.

Слон еле волочил ноги. Его взгляд совсем обезумел. Он хихикал, потом тут же плакал. Пытался вырваться, спотыкался и падал на песок. Бился головой о наши руки. И мы вновь его тащили. Слон становился все более невменяемым.

— Я заброшу свои вещи,— я кивнул на незавершенную работу,— а ты, Голова, иди прямо по дороге. Я нагоню вас. Нужно его прямиком к доктору. Мы не справимся без доктора. Бедняга,— я кивнул на мечущегося Слона,— его дела совсем плохи...

Доктор всплеснул руками, увидев на пороге нашу компанию.

— Тим, Бог мой, сколько лет прошло, Тим! Бесконечных лет!

— Док, ему совсем плохо,— я указал на обезумевшего Слона.

— Да, да, я в курсе,— доктор спокойно взглянул на часы,— в это время у него чаще всего случаются приступы.

Доктор скрылся в соседней комнате. И через мгновение уже делал укол Слону. Тот еще немного пометался на диване. И вскоре успокоился. Его дыхание замедлилось, стало совсем неслышным, и Слон сомкнул глаза.

Я вытер пот со лба. А Голова приблизился к Бережнову и протянул ему руку.

— Голованов. Друг Тима.

— Бережнов. Сменю сказать, тоже друг Тима.

— У вас прекрасный тембр голоса, доктор.

Я с недоумением посмотрел на Голову. Что-то никогда не замечал за ним раньше, чтобы он профессионально говорил о музыке. А Голова невозмутимо продолжал:

— Вы случайно, Док, не пели в хоре? Хорошо поставленный голос. Вы, должно быть, пели басом.

— А вы проницательны, Голованов.

— Можно просто — Голова. Короче. И вернее.

Доктор рассмеялся.

— Но я не менее проницателен, Голова,— он хитро сощурился,— вы — сыщик.

Голова поднял руки вверх.

— Сдаюсь. Но как вы смогли угадать?

— Это совсем просто. Четыре года назад вы оказали нам честь, посетив наше столь скромное местечко. Я, к сожалению, выезжал тогда на вызов в соседний поселок и не имел возможности лично познакомиться с вами. Но описание вашей внешности со слов односельчан мне врезалось в память. Люди с такой голо-

вой, знаете ли, не часто встречаются. Это, знаете ли, в некотором роде феномен.

— Вы мне льстите, Бережнов.

— Вся деревня гудела после вашего отъезда. Не могли вначале гудеть, зачем вы приехали. А узнав, не поняли, почему вы уехали. Вы всегда не доводите дела до конца?

— Как видите, не всегда. Иногда, спустя четыре года я их начинаю заново.

Я с интересом наблюдал за их поединком. Они не понравились друг другу. И это было ясно, и я попытался перебить их.

— Доктор, скажите, что со Слоном? Я так испугался.

— Тим, — улыбнулся мне Док, словно только что заметил, — я даже не успел выразить радости по поводу вашего появления. Ваш друг сумел перебить эту радость. Но я искренне рад. — Он вплотную приблизился ко мне и пожал мою руку. — У нас есть что вспомнить, Тим. Я счастлив вновь встретить вас, Тим.

А я снова покосился на застывшего на диване Слона. Док перехватил мой взгляд. И вздохнул.

— Он так изменился после смерти Марины. Он окончательно потерял разум. Что ж? Его можно понять. Это не каждому дано выдерживать, Тим. — И он внимательно на меня посмотрел.

— Я сумел выдержать, Бережнов. Хотя любил Марину не меньше.

— Вы — другое, Тим. Вы когда-то любили. Вы еще обязательно полюбите. Такие, как Слон, не понимают, что любить можно не один раз.

— Я тоже так понимаю, Бережнов. И никак иначе, — невесело усмехнулся я.

— В таком случае вы — счастливее. Вы не способны на ошибки. Хотя... Хотя именно через ошибки чаще всего открывается правда.

— И все-таки у вас удивительный голос, Док, — не выдержал Голова.

Доктор задумчиво на него посмотрел и промолчал. Потом вновь улыбнулся своими крупными зубами и добавил:

— А вы, если не ошибаюсь, голодны с дороги?

— Не ошибаетесь, как всегда, Бережнов, — вздохнул Голова. А я только развел руками.

Как только доктор скрылся на кухне, Голова подскочил ко мне, блестя возбужденно глазами, и зашептал:

— Тим! Я узнал его!

— Кого? — удивился я.

— Уж в чем-чем, а в этом я не ошибаюсь. Любой голос я узнаю из тысячи, Тим!

— Ты о чем, Голова? — по-прежнему недоумевал я.

— Это он! Он мне звонил тогда в мой кабинет, когда утонула Марина. Это он! Он сообщил, что это не случайная смерть!

— Не может быть! — выкрикнул я. И вцепился в плечо Головы. — Прошло четыре года! Ты мог запросто ошибиться!

Голова обиделся.

— Тим, вот ты бы смог защитить диссертацию на тему об индивидуальности в голосе?

Я беззащитно развел руками. Такой диссертации я бы в жизни не защитил.

Доктор появился в дверях с миской, полной маринованных грибов.

— Удивительно грибное время! Столько грибов было только четыре года назад. А вкус! Вкус! Вы только попробуйте! Ни с чем не сравнимое блаженство! Вы знаете, самой лучшей выдумкой природы я бы признал грибы. Их так приятно собирать! Рассвет, влажная листва под ногами, шум сосен, шорох дождя...

— Но менее всего приятно ими отравиться, — невзначай буркнул Голова.

Наступило неловкое молчание.

— М-да, — наконец выдавил Бережнов. И снял свои круглые очки. Его глаза выглядели совсем беспомощными без них. — Самойлов был прекрасным грибником, вы правы. Он обожал грибы. Они, как ни парадоксально, его и убили.

— Возможно, и они, а возможно, и с их помощью, — не унимался Голова.

— Как знать. — Бережнов как-то тяжело взглянул в глаза Голове. — Как знать, может, вы и правы. Впрочем, вы правы и в другом. Действительно, это именно я вам позвонил тогда, четыре года назад, когда случилась трагедия с Мариной.

Я чуть не вскочил со стула. И бросил беглый взгляд на Голову. Но он оставался крайне невозмутимым. И спокойно разглядывал Бережнова, ожидая продолжения разговора.

— Я не могу сказать, что толкнуло меня на этот опрометчивый шаг. Мне сейчас трудно объяснить это. Поймите, она была ну слишком уж неординарной, чтобы вот так просто, по нелепой случайности, утонуть. И потом я ни на минуту не забывал про случай с Тимом в старой усадьбе.

— В таком случае, почему вы не представились?

Доктор пожал плечами.

— Почему? Поймите, если бы я назвал себя, вы бы потребовали конкретных фактов. Анонимный звонок, знаете ли, как ни странно, всегда более действенен.

Голова недоверчиво усмехнулся.

— Вы что-то скрываете, доктор. И я не советую этого делать.

Доктор вскочил с места. И взволнованно прошелся по комнате.

— Но это глупо! Поймите, чрезвычайно глупо меня в чем-либо подозревать! Если я в чем-то виноват, зачем мне звонить и навлекать на себя лишние подозрения!

Мне эта фраза что-то напомнила. И я, все сопоставив, уже легко провел параллель между письмом, посланным, чтобы навлечь подозрения, и анонимным звонком. И я сразу же взглянул на Голову. Он мне ответил тем же взглядом. Он тоже об этом подумал. Да. Головоломка была не из легких. Но нам во что бы то ни стало следовало ее решить.

— О, это действительно вкусно, — протянул Голова, с удовольствием хрустнув маринованным грибом. — И гриб какой-то странный. Скажите, это не опасно, Док?

Бережнов раздраженно махнул рукой.

— Неужели я настолько глуп, чтобы отравить вас в собственном доме. Вы что, считаете, что главная мечта моей жизни — это оказаться за решеткой? Лучше бы занимались непосредственным делом и искали убийцу! — выпалил на одном дыхании Док и тут же оскесся.

Голова злорадно потер руки.

— Значит, убийца все-таки существует! И вы, Док,

в этом уверены, как никто, — торжественно заключил Голова.

— О Боже! — простонал Бережнов. И вытер носовым платком пот со лба. — Так вы будете бесконечно крутиться на одном месте. Неужели я поверю, что главный сыщик просто заглянул на грибы?

Голова явно в чем-то подозревал доктора. Мне тот особого доверия тоже не внушал. Но он оставался моим прошлым, в котором было столько счастливых дней. И я вновь попытался разрядить обстановку. И набросился на грибы, с вызовом поглядывая на осторожного Голову. Грибы действительно оказались невероятно вкусными. Хотя я тоже их ел впервые.

— Да, Бережнов, вы мне доставили массу удовольствия, — сказал я и облизнулся.

— Ну хоть вы угощайтесь, Тим, — вздохнул Бережнов. — И уж поверьте мне, они вовсе не ядовиты. Немой ни разу еще за четыре года не ошибся.

— Немой? — удивился я, задержав вилку с нацеленным грибом у самого рта. — Вы сказали — немой?

— Ах да, Тим. Вы знаете, после смерти Марины с ним произошло что-то удивительное. Он до конца обезумел — это одно. Но в нем проснулся и интереснейший талант! Это часто случается. Человеческий организм непредсказуем, поверьте. И серьезные потрясения эти изменения открывают почти всегда. Организм терпит в одном, но, как правило, приобретает другое. Это тоже одна из гениальных выдумок природы. Или Бога — как хотите. Иначе бы ни один человек не смог пережить трагедию. Но люди, как правило, переживают любое испытание, выпавшее на их долю. Потому что запасы их сил неиссякаемы и невероятны. Немой окончательно потерял рассудок. Но его молодой организм умирать еще не собирался. И у него открылся необычайный, довольно редкий талант. Он безошибочно может определить пригодность и непригодность грибов к еде. Знаете ли, сейчас все грибы, даже съедобные, вызывают подозрение и требуют осторожности. И Слон теперь второй после меня, если хотите, спаситель человеческой жизни. А места у нас необычайно грибные! И грибник в селе не один я. — Доктор повернулся уже к Голове и добавил, обращаясь лично к нему: — Здесь каждый, поймите, каждый, на все сто процентов грибник.

— А как вы узнали про этот талант немого? — спросил торопливо я, перебив благие намерения Головы вступить в разговор.

— В нашем поселке однажды чуть не умер ребенок. Его еле удалось спасти. Когда немой заметил на полу корзинку белых, заметьте, белых грибов, он заметался, высыпал их на пол и стал топтать ногами. Вскоре мы убедились, что боровики действительно отравлены. Я послал их в центр, на проверку в лабораторию. И что вы думаете? Они оказались ядовитыми! По какой причине — неизвестно. Пока приходят к одному выводу — виновата экология. После этого случая я заинтересовался этой способностью немого. И что вы думаете? Он всегда, всегда был прав! Сколько жизней он спас! — Доктор помолчал. И печально вздохнул. И вновь нацепил очки на нос. К нему вновь вернулась уверенность. — Как знать, если бы этот талант открылся в нем раньше, возможно, Самойлов остался бы жить.

— А возможно, смерть Самойлова явилась началом его странной способности, — добавил я.

— Все может быть, Тим. В этом мире может быть все.

Мы встали.

— До встречи, Бережнов, — тепло улыбнулся я на прощание.

— До скорой встречи, — ехидно поддержал Голова. И тут же спохватился: — Ах, да! Я забыл спросить о самом главном! Вы случайно не встречали бородатого человека в широкополой шляпе и темных очках?

Вопрос застал доктора врасплох. Он вздрогнул, побледнел, откашлялся. Протер носовым платком очки. И его руки слегка задрожали.

— Я жду ответа, — как можно шире улыбнулся Голова.

— Слишком уж обобщенное описание. — Доктор вновь нацепил очки. К нему вернулось его природное самообладание. — Людей с такими приметами миллион. Но, увы, — он развел своими маленькими ладошками, — в нашем поселке не носят широкополые шляпы и темные очки. До встречи, друзья. — И Бережнов поспешно закрыл за нами дверь. И мы услышали легкий щелчок замка.

— Ага! Видел! — возбужденно орал Голова. — Как он смутился! Нет, Тим, тут что-то не так.

— Может быть, и не так. Может быть, Док и не все нам выложил. Он никогда сразу не раскрывает карты. Это его принцип. Но что он невиновен, я в этом полностью уверен.

— Нельзя быть уверенным ни в чем, Тим. Особенно в людях. Запомни это. И теперь вспомни главное — Марина его терпеть не могла. А она явно что-то знала. Значит, не случайно не любила Дока.

Я пожал плечами. Я уже ничего не понимал. И чем ближе мы подступали к цели, тем дальше цель уходила от нас. И, казалось, это будет длиться бесконечно.

Мы шли по пыльной дороге, окруженной высокими соснами. И, не сговариваясь, смотрели под ноги. Под ногами действительноросло много грибов.

— А Бережнов не соврал, — нарушил молчание Голова, — здесь и впрямь уйма грибов... Тим... — он приостановился. И задумчиво взглянул в мои глаза, — послушай, Тим. Здесь что-то не так.

— Здесь все не так, Голова!

— Ну не верю я в этот внезапный талант немого!

— Если медицина этого не исключает, почему бы не поверить?

— И медицине местной не верю! К тому же медицина ничего вообще не исключает. Но запомни. Криминалистика ничего не исключает тоже!

— Ну, валяй дальше.

— Вполне вероятно, что этот талант был у немого гораздо раньше, еще до смерти Самойлова. Если смерть художника не случайна, то только опытный, я бы сказал, талантливый человек мог его так чисто укокошить. Так, что не подкопаешься. Ведь от грибов действительно в последнее время умирают многие. Но это не значит, что все они специально отравлены. Но пойми, Тим, нужно хорошо знать те грибы, которые попадают прямо в цель. Да по поводу отравления грибами можно написать диссертацию.

— Не сомневаюсь, что ты ее напишешь, Голова. — Я усмехнулся и на секунду задумался. — Но... Но, Голова, немой никак не мог отравить Самойлова. Никак! Пойми же! Он очень больно человек! И он

обожал художника, и это могут подтвердить все! Он... — Я загнулся, чувствуя, что мои утверждения звучат вовсе не утвердительно. Но я упрямо покачал головой: — Нет! Что ты! Нет, конечно! Зачем? Милый, бедный Слон.

— Милый, славный Слон, милый, славный доктор, — передразнил меня Голова. — Все у тебя милые и славные. И тем не менее кто-то из этих милых и славных людей замешан в убийстве, Тим.

— Ты о чем, Голова! Откуда такая уверенность! Вполне вероятно, что кто-то посторонний нацепил очки и шляпу. Всякое может быть, — строил я версии в меру своих детективных способностей.

— Вероятно. Но не вполне. Согласись, Тим. Чтобы написать такое письмо, нужно хорошо знать Марину, хорошо знать о ваших отношениях, просто близко вас знать.

Мне нечего было ответить. Я шел нахмурившись, изредка подбивая ногой встречающиеся поганки. Они безропотно падали на дорогу, и мне нисколько их не было жаль.

— Хотя... Хотя возможны и другие версии, — процедил Голова.

— Что? — И надежда мелькнула в моих глазах. Мне так не хотелось, чтобы подозрения падали на моих друзей.

— Хочется тебе этого или не хочется, Тим, но я не могу исключать возможности, что Марина кому-то подробно рассказывала о ваших отношениях. Тогда-то на сцену и мог выйти совершенно посторонний человек.

Я попытался возразить, но задохнулся от возмущения, не находя слов.

— Не кипятись, Тим. Мы ничего не должны исключать. Даже то, что вообще всю кашу заварил сама Марина. Мертвой ее никто не видел. Девушка довольно странная, никто не знает ее фамилии, ее бывшего адреса, ее прошлого...

Но Голова так и не успел договорить. Я схватил его за плечи и стал лихорадочно трясти. Я шипел:

— Не смей! Слышишь, не смей!

Но Голова никак не отреагировал на мои отчаянные жесты. Он невозмутимо выждал, пока я успокоюсь. И предложил закурить. Я с жадностью затянулся горьким дымом.

— Тим, если ты желаешь знать истину, ни один из путей, ведущих к ней, исключить не имеешь права. Так что успокойся. И возьми себя в руки. В конце концов я ничего не утверждаю. Но согласись. Сама мысль, что Марина вполне может оказаться живой, тебя должна ободрить.

Я не согласился.

— Я давным-давно расстался с этой надеждой. И у меня нет желания дважды переживать боль.

Голова ничего мне не посмел возразить. Он приостановился. И неожиданно указал в сторону поселка, от которого мы порядком уже отошли.

— А теперь, пожалуй, мне придется повернуть назад.

— Ты о чем, Голова?

— Мы не сделали самой простой вещи. Не узнали, отлучался ли в эти дни доктор. И если да, то куда. Ты со мной, Тим?

— Ты все-таки подозреваешь Бережнова?

— Просто с кого-то же надо начинать, — усмехнулся Голова. — А начинать лучше всего с самого простого. Чтобы побыстрее сузить этот чертов круг. А круг

не так уж велик. Немой, доктор, Марина и Незвестный. Марину пока найти фактически невозможно, если она, конечно, жива. Незвестного тоже сложно вычислить. Кроме того, что он четыре года назад приплывал сюда на паруснике. Значит, остаются немой и доктор. Но немой действительно чокнутый, и приступы его не поддельны. За время работы я наловчился разбираться в этом. И пока остается один на сегодняшний день — это Бережнов. С него-то мы и начнем. Ты со мной, Тим?

Моя голова раскалывалась на части. И я подумал, что такой гениальный сыщик, как Голова, и без меня справится с таким простым делом. Мой друг со мной согласился. И уже вскоре, перебросившись парой незначительных фраз, мы шагали в разные стороны.

А я все писал и писал Марину. По памяти воссоздавая черты ее смуглого лица, что-то добавляя к ним и что-то убавляя раз и навсегда. Как было угодно моей разгулявшейся фантазии. Немой стоял за спиной.

Голова внезапно появился перед нами. И я сразу же отложил кисть.

Немой даже не заметил появления Головы. Он, съезжившись, сквозь слезы пожирал взглядом картину.

— Так вот, слушай меня, Тим, — наконец обратился ко мне Голова, когда мы зашли в дом. — Доктор никуда не отлучался в эти дни. А вот немой...

Я вопросительно поднял брови и невольно выглянул в окно. Немой по-прежнему, не шелохнувшись, сидел на песке. И его странный взгляд был устремлен куда-то в бесконечную морскую даль.

— Что немой? — машинально переспросил я.

— А немного почему-то в эти дни никто не видел. Хотя он всегда шатается по деревне. Он как бы составная часть местной природы.

Я пожал плечами.

— Это еще ничего не доказывает, Голова. Мало ли что взбредет в голову больному человеку. Мало ли почему он может исчезнуть на пару дней.

— Возможно. Но все-таки... — Тут Голова бросился к окну. — Тим, он уходит! И мы должны немедленно за ним последовать.

Я махнул рукой.

— Он идет в деревню. Куда ему еще идти?

— Мы обязаны, Тим, идти за ним. Я не утверждаю, что он в чем-то виновен. Но он что-то знает.

Я это и не отрицал. И выскочил из дому вслед за Головой.

Мы, соблюдая осторожность, на которую был способен опытный Голова, шли за немой. Но особенной осторожности и не требовалось. Слон так ни разу и не оглянулся. В его бедной голове не могло и мысли возникнуть, что за ним могут следить.

— Бедный Слон, — прошептал я. — Он бы, наверно, чокнулся, если бы узнал, что его разуму оказывают такую честь.

— Такой возможности, как чокнуться, ему уже не представится, — прошептал мне в ответ Голова. — Запомни это на будущее. Чокаются один раз.

— Запомню, Голова. И спасибо, что ты не сомневаешься в моем будущем.

Так мы, перебрасываясь незначительными репликами и особо не веря в свою затею, добрались до дорожной развилки. Две дороги разбегались в разные стороны. Одна вела прямоком в деревню. Другая — в глубь чащи. И Слон неожиданно остановился.

«Разделка туши». Холст, масло.

Павел НИКОНОВ г. Москва

«Незабываемый» для творческой интеллигенции 1963 год. Появление Н. С. Хрущева, науськанного художественно-партийной номенклатурой, в Манеже на выставке «30 лет МОСХ». Требование показать ему «Голую Вальку» художника Роберта Фалька: Никита Сергеевич перепутал название картины — «Обнаженная» — с фамилией художника. Затем лидер страны задержался у работы художника Павла Никонова «Геологи». Изрек, как сам про себя говорил, «с точки зрения пастуха»: «Где же этот художник увидел у нас таких изможденных, безрадостных геологов?.. Очернительство это!» Досталось многим, и немало. Номенклатура «взяла в голову». Наступила реакция. Проработки в особняках на Ленинских горах. Кончилась оттепель — время, точно обозначенное Э. И. Эренбургом. Подвергся остракизму и П. Никонов.

«Экскурсия». Холст, масло.

Чтобы понять, познать жизнь геологов, подать их не из вторых рук, не один месяц бродил художник в Саянах с геологической экспедицией. Был чернорабочим. Черпнул горестей и бед поисковой партии, понял смысл выживания маленького народца-тафоларов, незаменимых таежных проводников-первопроходцев.

Первопроходцем в те же 60-е годы, основателем Сурового стиля и явился Павел Никонов. Нельзя не упомянуть и других, тогда еще молодых, художников: В. Попкова, Н. Андропова, братьев Смолиных и др. Правда жизни — вот что такое суровый стиль, а за правду жизни, или, как тогда говорил Александр Твардовский, правду фактов, в то время наказывали, и жестоко. Отсюда и гонения. Этого многим нынешним художникам и не понять. Нынче все дозволено: свобода и творцу, и коммерсанту, и вору.

Вот этой правде жизни остался верен в своем творчестве художник Павел Никонов. Русская деревня. Многострадальное российское нечерноземье с отупевшими от многолетнего беспредела земледельцами.

Последние годы Павел живет подолгу в деревне Алексино на Волге близ Калязина. Избы, сараи, столбы, облака, поваленные обветшалые заборы. Похороны и пожары. Это все не придумано. Это — Россия, это все, как у Федора Тютчева: «Эти бедные селенья, эта скудная природа, край родной долготерпенья, край ты русского народа!»

Пожар в деревне страшен. Это крайняя беда. Огонь пожирает все вмиг на глазах, на глазах оторопелого старичка и старушки, ведь это в основе жители заброшенных российских деревень.

А ведь художник спас однажды деревню от пожа-

«Пожар». Холст, масло.

ра. Незадолго до страшного события Павел уговорил односельчан вырыть посреди деревни пруд. Уговорить-то уговорил, а вот бульдозер пришлось нанять на свои деньги. А как пожар — все бросились к пруду: — Пал Федорыч!!.

Пруд с тех пор имеет название Никоновский.

Скоро пройдет 20 лет, как нет с нами Виктора Попкова, российского художника-самородка, но и отныне вижу их рядом, вровень и вместе. Попков и Никонов. Когда-то я писал о них. Сколь разные были эти два человека, не раз сходились они в единоборстве, не осиливая друг друга. Они спорили, дрались даже, но и дружили. В сложных обстоятельствах 60—70-х годов они надежно поддерживали друг друга.

Ранее, в одном из каталогов к выставке, в своем небольшом слове Павел Никонов пишет, что не

знает себя таким, каким написал его портрет я. Он и не может этого знать. Даже человек, смотрящий в зеркало, воспринимает себя не таким, каким его видят окружающие, а уж нутро человеческое тем более виднее со стороны поступков его.

Внешне П. Никонов всегда жизнерадостен, даже несколько возбужден, а смех его, смех крепкого, здорового мужчины, временами потрясает громоздкостью. Откуда же эти глубокая трагичность и драматизм сопереживания в большинстве его картин? Почему Павла Никонова называют московской совестью художников? Почему его выступления, размышления об искусстве всегда глубоки и принципиальны, почему так высок его творческий авторитет в среде художников? Мне думается, что за долгие годы дружбы, видя Павла Никонова в разных состояниях и действиях, я понял: суть этого

«Зимнее солнце». Холст, масло.

человека-творца — в огромной требовательности, в первую очередь к себе, и справедливости, в добром отношении к людям. Оставаясь наедине с самим собой в мастерской, он превращается в аскета, в трагика, в человека сомневающегося. И это перевоплощение отчетливо обозначается в его работах.

Это все мною писалось о Никонове много раньше. Но и теперь Павел все тот же. Лишь прибавилось серебра в его власах, когда-то иссиня-черных.

Род Никоновский идет с вологодчины. С тех земель, лесов, оврагов и горушек, где в древние времена томился в изгнании патриарх Никон, своевольный, неподчиненный власти.

Ныне Павел Никонов уважаем и известен. Народный художник России, лауреат премии им. П. Кончаловского, лауреат Гран-при международного триенналя живописи в Болгарии, награжден золотой меда-

лью Академии художеств СССР. Только что с успехом прошла персональная выставка в Италии. Ныне весь в работе, в напряге, в вере, что лучшие времена впереди, несмотря на круговорот политических и бытовых интриг в нашем многострадальном Отечестве, именуемом Русью.

Игорь ОБРОСОВ,
народный художник России

— О Тим, оказывается, он еще умеет раздумывать. Оказывается, он еще понимает, что на свете существует выбор. Значит, его дела не так уж плохи.

Только я собрался ответить, как Голова схватил меня за локоть.

— Быстрее, Тим. Он может улизнуть.

Слон резко ускорил шаг. Он почти бежал. Бежал по дороге, ведущей в обратную сторону от деревни. Бежал в глубь чащи.

Солнце уже зашло. И темнота мешала нам. Но по звуку неуклюжих шагов, по шуму ломающихся веток, по хрусту опавшей листвы мы быстро ориентировались, куда он держит путь. Я мельком взглянул на небо. Луна нависла над нами. Огромная, яркая, полная луна, режущая своим неземным светом глаза.

— Какая красота, — выдохнул я.

— Не среди ли этой красоты тебя когда-то шарашули по голове? — перебил мой восторженный возглас Голова, недовольно отряхиваясь от пыли, травы, колочек. — Да, путь к прекрасному не так уж легок. Хотя немой, в отличие от нас, полных идиотов, легко сумел его преодолеть и ловко от нас улизнуть. Кто теперь посмеет утверждать, что придурок он, а не мы?

Да, след немого мы потеряли. Но мы отлично поняли, несмотря на свою оплошность, что искать его надо не иначе, как в усадьбе.

— Смотри! — Голова дернул меня за рукав. — Тим, смотри же! Свет!

Голова не ошибся. Слабый свет свечи пробивался из одинокого окна усадьбы.

— Ты слышишь, Тим? — Голова даже присел, словно от этого у него улучшался слух.

Я все прекрасно слышал. Печальная мелодия рояля. Оказывается, не такая уж фантазия, не такой уж мираж, не такой уж миф. Хотя и не слышался звон фарфоровой посуды и шорох шелковых платьев, но печальная мелодия рояля и свет в окне оставались тем не менее фактом.

— Вперед, Тим!

И вновь по моей спине пробежал неприятный холодок. За четыре года я не смог забыть боль внезапного удара.

— Ничего, Тим, — успокоил меня Голова, словно прочитав мои мысли, — большее уже не будет. К тому же опыт у тебя есть.

Но не было не до шуток. Я чувствовал, что в этой заброшенной усадьбе, где когда-то творил Самойлов, где пропала его талантливая картина, где он принял свою внезапную смерть, нас ждут далеко не с распростертыми объятиями.

Мы сняли обувь и на цыпочках, очень тихо стали подниматься по разрушенной лестнице на второй этаж, к комнате, где горела свеча и откуда доносились звуки рояля.

— Голова, — зашептал взволнованно я, — я вспомнил, Голова! Доктор когда-то рассказывал мне, что в мастерской Самойлова был старый рояль, еще оставшийся от его предков. Это в его мастерской горит свет, Голова...

Голова слегка зажал ладонью мой рот.

— Тихо, Тим. Мы сейчас все узнаем.

Лестница выдавала нас. Она скрипела под нами. Но нас спасали звуки рояля, заглушавшие наши шаги. И внезапно... Внезапно я услышал за своей спиной отчетливый скрип старой лестницы.

— Боже! Голова, ты слышал!

Он молча кивнул и приостановился. Скрип больше не повторялся. Но меня не покидало ощущение, что за нами идут по пятам. Времени на раздумье у нас не было. Мы вплотную приблизились к мастерской Самойлова. Дверь была приоткрыта, и слабый свет пробивался из узкой щели. И мелодия была слышна достаточно громко.

Голова первый заглянул в мастерскую. И его бледное лицо, освещенное слабым светом, стало совсем белым.

— Тим! Ты только взгляни, Тим! — как можно спокойнее попытался сказать он. Но его дрогнувшие губы выдавали волнение.

Несмотря на страх, сковывающий меня, любопытство взяло верх. И я последовал примеру Головы и заглянул в щель. Голова не ошибся. Это было невероятно. И я чувствовал, как мое лицо покрывается смертельной бледностью.

В полусвеченной комнате сидел за роялем немой. Его руки ловко бегали по клавишам, рождая прекрасные гармоничные звуки. И он в своих грязных, рваных тряпках, лопоухий и большеногий, так напоминающий слона, казался чудовищем.

— Ай да немой, — шепнул Голова. — Кажется, Тим, мы приближаемся к цели. Несчастный, бедный Слон, Слон, который больше всех знал...

Я усмехнулся. Голова, как всегда, прав. Слон больше всех знал. Потому что ему, юродивому немому, до конца не принадлежащему земле, а принадлежащему какому-то другому, неведомому миру, можно было доверить все тайны на свете. И я их ему доверял тоже. И свою любовь к Марине я ему так слепо доверил.

И вновь скрипнула где-то позади нас лестница. Мы напряженно прислушались к этим звукам. И одновременно затихла музыка. И наступила оглушительная тишина. Ни музыки, ни скрипа лестницы. Мы боялись шелохнуться. Но сквозь щелку нам хорошо была видна мастерская Самойлова. И мы выжидали.

Слон медленно встал. Его сутулость, его униженный скрюченный вид исчезли мгновенно. Он был удивительно высок. Широкие плечи, осмысленный взгляд, несмотря на уродливое лицо. Он закурил, приблизился к полке с книгами, взял какую-то книжку и стал ее листать, внимательно вчитываясь в строчки, наморщив свой большой лоб. С первого взгляда было видно, что это далеко не сумасшедший, а вполне умный, интеллигентный человек. О его недоразвитости не могло быть и речи.

Мы с Головой, не сговариваясь, посмотрели друг на друга. И Голова мне молча кивнул. Нам нужно было сейчас же, немедленно взять Слона, пока он не успел улизнуть, пока он не успел вновь перевоплотиться.

— А ты замечательный артист, Слон! — громко выкрикнул Голова. И его голос отозвался раскатыстым эхом по всей усадьбе. Его звонкий голос зазвучал внезапно среди мертвой тишины. Слон выронил книгу. И резко обернулся. И встретился с нами взглядом. Остальное произошло настолько стремительно, что я не успел даже опомниться. Мгновенно потухла свеча, и раздался приглушенный выстрел. Голова вскрикнул. А кто-то неожиданно повалил меня на пол. И вторая пуля просвистела мимо меня. И послышался топот убегающих ног. Я резко вскочил на ноги и уже собирался бежать вдогонку, но услышал стон.

— Голова! Это ты? Он тебя ранил, Голова?

Кромешная темень мешала мне что-либо увидеть.

Но я на ощупь нашел свечу. Мои руки дрожали, и я долго не мог ее зажечь. Наконец свет вспыхнул. И я увидел лежащего на полу Голову. Его ранили в плечо, и кровь уже просочилась через рубашку.

— Тим,— прошептал он, пытаясь ладонью задержать кровь.

— Голова, милый мой, славный дружище,— бормотал в ответ.— Я все сейчас сделаю, Голова.

Времени на раздумье у меня не было. Я одним движением содрал занавеску с окна и разорвал ее на части. И стал быстро перевязывать рану. Но кровь остановить было невозможно. Голова на глазах терял силы. И тащить его в поселок становилось невозможным.

— Мы упустим его, Тим,— прошептал Голова.

— Не волнуйся, Голова,— успокаивал я его.— Мы его обязательно найдем, не волнуйся. Ты, главное, потерпи. А я побегу за Доком. Я мигом, Голова. Ты только, пожалуйста, потерпи.

Выхода другого не было. И я, уже не чувствуя ожогов крапивы, укусов колючек, спотыкаясь и падая, мчался за Бережновым. Я и не подозревал, что так быстро умею бегать. У меня открылось второе дыхание. И мои ноги, легкие, удивительно быстрые, мигом принесли меня к доктору.

Вскоре мы уже неслись на машине с Доком и раненым Головой в поселок...

— Голове вашему повезло,— блеснул очками Док,— и все же его необходимо госпитализировать.

— Так уж необходимо, Бережнов?

— Могут быть осложнения,— ответил Бережнов.— Он может остаться инвалидом. Неужели вы понятия не имеете, кто стрелял? — И он пристально на меня посмотрел.

— Увы, Бережнов. В усадьбе было совсем темно.

Бережнов усмехнулся. Он не поверил.

— Я не буду спрашивать, что загнало вас на эти развалины в столь поздний час. Вы все равно не ответите.

Мы промолчали. Мы не ответили.

Уже светало, когда подъехала к дому машина из города. Мы помогли Голове добраться до нее.

— Погоди, Тим.— Голова взял меня за руку. И прошептал: — Тим, мы должны его разыскать. Возможно, он уже далеко. Тебе одному не справиться. Я пришлю людей на помощь. А ты постарайся все-таки выяснить, кто был еще в усадьбе, кто тебя спас от выстрела. Мы должны разыскать немого. До скорого, Тим.— И он слабо пожал мою руку.

Но мы так и не простились. Потому что услышали громкие крики.

— Доктор, доктор! — К нам навстречу бежали люди.

— Что там еще произошло? — взволнованно пробормотал Док.

— Доктор! Беда! Немой! Он утонул! Его тело выбросило море, Док!

— Бедный немой! Неужели уже ничего нельзя сделать, доктор!

Доктор дрожащей рукой вытер со лба капли пота.

— Ничего не понимаю,— прошептал он.

Мы тоже ничего абсолютно не понимали. Мы тупо уставились на взволнованных, размахивающих руками крестьян. И некоторое время пребывали в полном оцепенении. Но Док не позволил нам долго раздумывать.

— Поехали! — махнул он рукой водителю.

Машина сорвалась с места. И мы уже мчались в сторону моря.

...Немой лежал на песке, раскинув свои огромные руки. Он был в той же потрепанной, дырявой одежде. И его лицо исказили ужас, отчаяние, боль. Мне стало его искренне жаль.

— Ничего не понимаю,— пробурчал Голова. И нахмурился.— А ты что-нибудь соображаешь, Тим?

Я ничего не соображал. Это было выше моих сил.

— Теперь уже не докажешь, что он был вполне нормален,— продолжал Голова.— Не только нормален, но и умен. Никто этому не поверит.

— Но ведь он стрелял в тебя, Голова!

— Он.— Сыщик наморщил свой большой лоб.— Но... Тим, ведь кто-то был еще! — размышлял он.

— Был,— с готовностью согласился я.— Мой бескорыстный спаситель.

— Может быть, это он и прибил немого? Ведь дураку ясно — а мы с тобой далеко не дураки, Тим,— что немой не мог просто так смяться в иной мир.

Я в это тоже не верил.

— Может быть, этот третий его и уколошил? — повторил я.

— А ты стал сообразителен, Тим,— иронично заметил Голова.— Но, безусловно, больше некому это сделать. И все же странно... Его прибил, тебя спас. У него что, к тебе тайная симпатия? Сомневаюсь... Хотя все может быть. У них могли быть свои счеты... Но...

— Что «но», Голова?

— Этот загадочный твой спаситель мог быть не кто иной, как наш бородач в темных очках. И уж что-то не верится, что он питал к тебе большую симпатию. Но в любом случае, со смертью немого мы загнаны в окончательный тупик, Тим. К тому же мне придется на время выйти из дела. А нам дорога каждая минута.— Голова машинально схватился за свое плечо.— Поэтому, Тим, ты без меня должен попытаться найти ответы на ряд безответных вопросов.

Я сомнительно хмыкнул.

— Я знаю, Тим. Это нелегко. Это почти невозможно, особенно когда параллельно занимаешься мазией на холсте...

— Перестань, Голова. В любом случае я закончу свою картину.

— Твое дело. И все-таки... Я тебя очень попрошу. Приглядишься ко всем в деревне, поговори с крестьянами, поразнохай, кто чем живет. Попробуй прощупать доктора. Да, пожалуй, с него и начни. Он к тебе питает необъяснимую симпатию.

— Ну, значит, я того стою,— попытался пошутить я. Но вышло несмешно.

— Стоишь, Тим,— серьезно сказал Голова. И дружески хлопнул меня по плечу.— А я скоро вернусь. Совсем скоро. Я уверен, ничего серьезного нет в моем ранении. Но доктор просто решил перестраховаться. Он слишком уж осторожен,— многозначительно заметил Голова.— Мы обязательно завершим дело, Тим. Обязательно докопаемся до истины. Не в моих правилах останавливаться на полпути, даже если этот путь не сулит ничего хорошего. До скорого, Тим!

И он уже гораздо крепче пожал мою руку. К Голове возвращались природные силы. И машина уже уносила моего друга прочь от поселка. А я остался стоять на дороге. Я остался наедине с неразрешенными

ми вопросами. Но просьбу Головы решил все же исполнить. И хотя бы на шаг до его приезда продвигаться по этой тернистой дороге, ведущей к истине.

...Немого несли на руках. И вся деревня собралась с ним прощаться. Дети громко плакали, женщины старались сдерживаться и лишь украдкой вытирали слезы. А мужчины все до единого сняли кепки. Я и не подозревал, что его так сильно любили. Пожалуй, люди сами этого не подозревали. Он был частью их повседневной жизни. И я уже не мог представить этого несчастного юродивого в лохмотьях за роялем, с сигаретой, читающего какую-то умную книжку с осмысленным выражением на лице. Мне уже все казалось фантазией. Нет, этого просто не могло быть. Я в этот миг смотрел только в лицо факту. Факту смерти больного человека, который, как оказалось, так был горячо любим людьми. Я немного прошел вместе с этой грустной процессией, но потом приостановился. У меня не было сил дальше идти. Моя голова раскалывалась от прыгающих сумасшедших мыслей. И в моих ушах все звучала печальная мелодия в старой усадьбе.

И я вновь принялся за свою работу. Уже как-то отчаянно, глотая слезы и морщась от путаных мыслей. И немой уже не стоял за моей спиной. Но его слезы вновь и вновь проступали на моей картине. И мне казалось, я слышу бесшумные рыдания этого человека. И мне казалось, я слышу рыдания моря, вновь принявшего грех. Мне казалось, я слышу плач своей любимой женщины. И мне казалось, я слышу свой собственный плач. И моя картина казалась сотканной из самих слез. Слез, проливающих в лунной ночи, где дьявол и ангел слились воедино. И разъединить их было выше человеческих сил...

Я вернулся в дом, выпил крепкий кофе, затянулся сигаретой. И немного успокоился. Мысли постепенно приходили в порядок. И я понял, что нужно немедленно выполнить указания Головы. И, безусловно, начать с Бережнова. Больше зацепок у меня не было. И я, долго не раздумывая, выскочил из дому и напрямик зашагал к деревне. Но в доме доктора, несмотря на мои ожидания, света не было. Дом потонул во мраке, тишине и запахе пышных кустов сирени. И меня это несколько озадачило, так как я отлично помнил, что доктор выключает свет в деревне последним. Но я все-таки решил не откладывать разговор до утра. И позвонил в дверь. За дверью по-прежнему царила тишина. Я позвонил еще более настойчиво. Но мне никто не ответил.

— Бережнов! — крикнул я и постучал в окно. Но дом молчал. Я пожал плечами и уже было собрался уйти, но вдруг раздумал. Голова не зря посоветовал прощунать Дока. Я решил проникнуть в дом. Дверь была заперта, но я обнаружил одно из окон слегка приоткрытым. И через него тут же проник в дом. Я спотыкался о мебель, но свет зажечь не рискнул. И воспользовался спичками. Свет вспыхнул и осветил гостиную, где нас всегда принимал Бережнов. Здесь все было по-прежнему. И мне стало неловко и поскрее захотелось смыться отсюда. Но я внезапно вздрогнул. Потому что мрачную тишину нарушил какой-то слабый звук издалека, напоминающий стон. Я вновь зажег спичку. И стал ходить по всем комнатам. И тут в крайней угловой комнате я заметил узкую лестницу, ведущую, по всей видимости, на чердак. Что ж, опыт хождения по узким лестницам на ощупь я уже приобрел.

И я уверенно сделал шаг. Лестница привела меня не на чердак, а вывела еще к одной комнате. И тут уверенность меня покинула. И мое лицо покрылось крупными каплями пота. И ноги отяжелели. Мне все-таки не хотелось больше испытывать судьбу. Но я, поборов страх, приоткрыл дверь. И застыл на месте. На кровати кто-то лежал. И, несмотря на мрак, я это сразу заметил.

— Док, это вы? — Мой голос дрогнул.

Мне не ответили. И мое воображение мгновенно нарисовало образ окровавленного Бережнова. И я, уже не раздумывая, надавил на выключатель. Свет вспыхнул. И я закричал. И в моих глазах потемнело. И я закрыл лицо руками. И тут же опустил руки и прошептал побелевшими губами:

— Этого не может быть...

И тело окровавленного Бережнова казалось пустяком по сравнению с тем, что я увидел. На кровати лежала Марина.

— Марина! — громко позвал я, еще не зная, радоваться ее появлению или наоборот.

Но она не шелохнулась. И я бросился к ней. Сердце размеренно стучало. Я облегченно вздохнул. Она совсем не изменилась за эти годы. Та же упругая смуглая кожа. Те же густые длинные волосы. Те же загадочные черты лица. словно время для нее остановилось. словно время бессильно было хоть на капельку изменить ее таинственную красоту.

— Марина. — Я взял ее за руку и слегка пожал. Но Марина не отвечала. Я все еще не мог прийти в себя. И единственное, на что был способен, — это вглядываться и вглядываться в это дорогое лицо. И не верить своим глазам.

— Марина!

Она по-прежнему не шевелилась. словно была погружена в глубокий сон. И тут я опомнился. Мне не нравилось это мертвое молчание.

— Марина! Ну, проснись же, девочка моя. — Я тряс ее за плечи. Она, как тряпичная кукла, болталась в моих руках. И я не выдержал и со всей силы прижал ее к себе. И стал сквозь выступившие слезы целовать ее лицо, шею, руки.

— Марина... Марина...

— Успокойтесь, Тим, — услышал я за своей спиной голос, — она скоро очнется.

Я отпустил Марину и резко оглянулся. И увидел Бережнова. Он стоял, прислонившись к двери, и взволнованно поправлял очки на переносице. Затем его правая рука полезла в карман. Но я мигом очутился возле него и успел перехватить его руку. В руке он держал свой неизменный носовой платок. И стал им вытирать выступивший пот на лице. Но я все еще с опаской косился на его карманы.

— Да нет у меня оружия, Тим, — в жизни его в руках не держал. — И он вывернул свои карманы.

Но я ему не верил. Я бросил взгляд на Марину. И мои глаза бешено засверкали. И дыхание участилось. И я попытался найти слова, но слов уже не было. Единственное, что у меня оставалось, — это сила. И я успешно ее применил. Я стал трясти доктора.

— Что вы с ней сделали, Бережнов! — задыхался я от злости. — Что! Ну же! Отвечайте немедленно! Она без сознания! Где вы прятали ее эти годы! Зачем! Ну же! Отвечайте! Это вы... Это вы убили немого! Вы... Ну, отвечайте, зачем?!

Но ответить доктор был не в состоянии, потому

что я сам не дал ему этот шанс. Я изо всей силы ударил его. Круглые очки Дока упали на пол. А он машинально закрыл лицо руками. Я уже не отвечал за себя и понятия не имел, каким бы это все кровавым побоищем завершилось, если бы не услышал голос Марины.

— Тим! — тихо позвала она меня. Но я услышал. — Не смей, Тим! Опомнись!

И только тогда я отпустил из своих цепких объятий Дока. И резко обернулся к ней. Она протягивала ко мне руки. И я мгновенно забыл про Бережнова, про свой неудержимый гнев. Я бросился к Марине. И мы крепко обнялись. И неподвижно сидели, прильнув друг к другу, казалось, целую вечность. Пожалуй, в тот момент не существовало на свете силы, сумевшей бы нас разъединить. Мы вновь были одним целым. Мы вновь любили друг друга. И весь мир мог вновь и вновь завидовать нашей любви. И уже эти четыре года разлуки казались мне каким-то далеким кошмарным сном, который я как-то нашел силы пережить. И проснуться...

А потом, сидя в гостиной Бережнова, я извинялся перед ним.

— Ну же! Ну перестаньте, Тим! Ваш поступок вполне объясним. На вашем месте, я думаю, так поступил бы каждый. Хотя... Хотя я по-прежнему за словесную силу, но только не за физическую.

— Я словесной силой слабо владею, — попытался вяло отшутиться я. — Значит, все в порядке, Док?

Он дружески похлопал меня по плечу. Вопросов у меня накопилась уйма. Но в данный момент меня волновало одно.

— И все-таки что с ней, Бережнов?

Он вздохнул и развел руками.

— Если бы я смог вам на это ответить. Она появилась в моем доме совершенно здоровой, я бы сказал, полной сил. Да и сейчас... Это все странно, Тим. Она и сейчас фактически здорова. Я ничего не понимаю. Это случилось с ней буквально в последние дни. Вначале она жаловалась на слабость. Вчера вечером и вовсе слегла. А сегодня ночью вы ее застали без сознания. Если бы я знал, что вам ответить. И поверьте, меня ее состояние волнует не меньше.

Я Бережнову уже безоговорочно верил. К сожалению, Марина успела рассказать не так уж и много.

Это случилось четыре года тому назад. Через пару дней после нашего очередного расставания. Он появился внезапно. Густая борода, широкополая шляпа и темные очки. Типичный яхтсмен — белая рубашка, белые штаны и черный галстук. Он был интеллигентен, умен, обаятелен и внушал доверие. Незнакомец представился моим лучшим другом. Он много рассказывал обо мне, подчеркивал детали, которые мог знать только близкий мне человек.

— Тим обязательно скоро подъедет. Ему еще надо чуточку утрясти дела. А дела его идут прекрасно, Марина. — И он широко улыбнулся.

И Марина поверила его улыбке. Поверила его словам. И тотчас уплыла с ним, уплыла вдаль, в море. И она исчезла на четыре года. И оказалась пленницей этого странного человека. Они жили на огромной яхте, окруженной со всех сторон высокими скалами. Она ни в чем не нуждалась. И все время проводила в одиночестве. Он мало с ней разговаривал, не трогал ее, даже не прикасался. И только издали иногда как-то странно разглядывал ее, то ли восхищаясь ею, то ли

пугаясь ее. Позднее она стала позировать ему. Она уже смирилась с судьбой, так как попытки к бегству были совершенно напрасны. Втайне она радовалась, когда он в бессилии бросал кисть на пол и топтал свои неудавшиеся картины ногами. У него ничего не получалось. Вскоре он смирился со своим поражением. А она даже начала к нему привыкать. Он не причинял ей зла, он окружил ее книгами, музыкой, одиночеством, всем тем, что она всегда любила. Но меня она любила гораздо больше. И никогда не оставляла мысли о бегстве. И ей однажды повезло. И спас ее не кто иной, как немой. Он неожиданно появился на лодке. Что он делал в этом пустынном месте, она не имела понятия. А он, конечно, молчал. Она приказала ему плыть к поселку. Они чудом добрались до берега. Но Марина понимала, что этот человек крайне опасен. И, если один раз он ее похитил, он не откажется от этой мысли никогда. Бежать ей было не к кому. До города было далеко — ее могли легко перехватить. А в деревне могли выдать первому встречному. Оставался Бережнов. Бережнов, которому она никогда не доверяла, оставался единственным, кто мог ее спасти. К тому же никому в голову не могло прийти ее разыскивать у него, у Дока, с которым у нее всегда были напряженные отношения. Марина рассказала мне эту историю быстро, сбивчиво, что-то пропуская, что-то не договаривая, словно боялась не успеть. Ее силы таяли на глазах.

— Тим. — Она взяла мою руку и приложила к своей бледной щеке. — Тим, все это так странно, меня не покидает ощущение, что я где-то уже видела этого человека. Даже я знаю его, но это совершенно невозможно... Мои мысли путаются, мне нужно тебе еще многое сказать, но я не могу... Пока не могу... И все-таки этот человек... — Она бессильно закрыла глаза. Ей уже совсем тяжело было говорить.

— Не надо, Марина. Я уверен, совсем скоро ты поправишься. Наберешься сил. Впереди у нас еще целая жизнь. Мы еще успеем наговориться... А теперь тебе надо спать. Вот увидишь, завтра ты проснешься с новыми силами и все расскажешь...

Пока ответы на остальные вопросы мне мог дать только доктор.

— Итак, Бережнов, я, безусловно, вам благодарен. Но главную ошибку вы все-таки совершили. Почему вы сразу нам ничего не рассказали? Почему?

— Почему? — его очки блеснули. — А вы не догадываетесь, почему? Вы так внезапно появились в нашем поселке спустя четыре года после своего исчезновения! И именно в дни, когда сбежала Марина. Это выглядело странным совпадением. Разве не так? А вы так и не объяснили мне цель своего приезда.

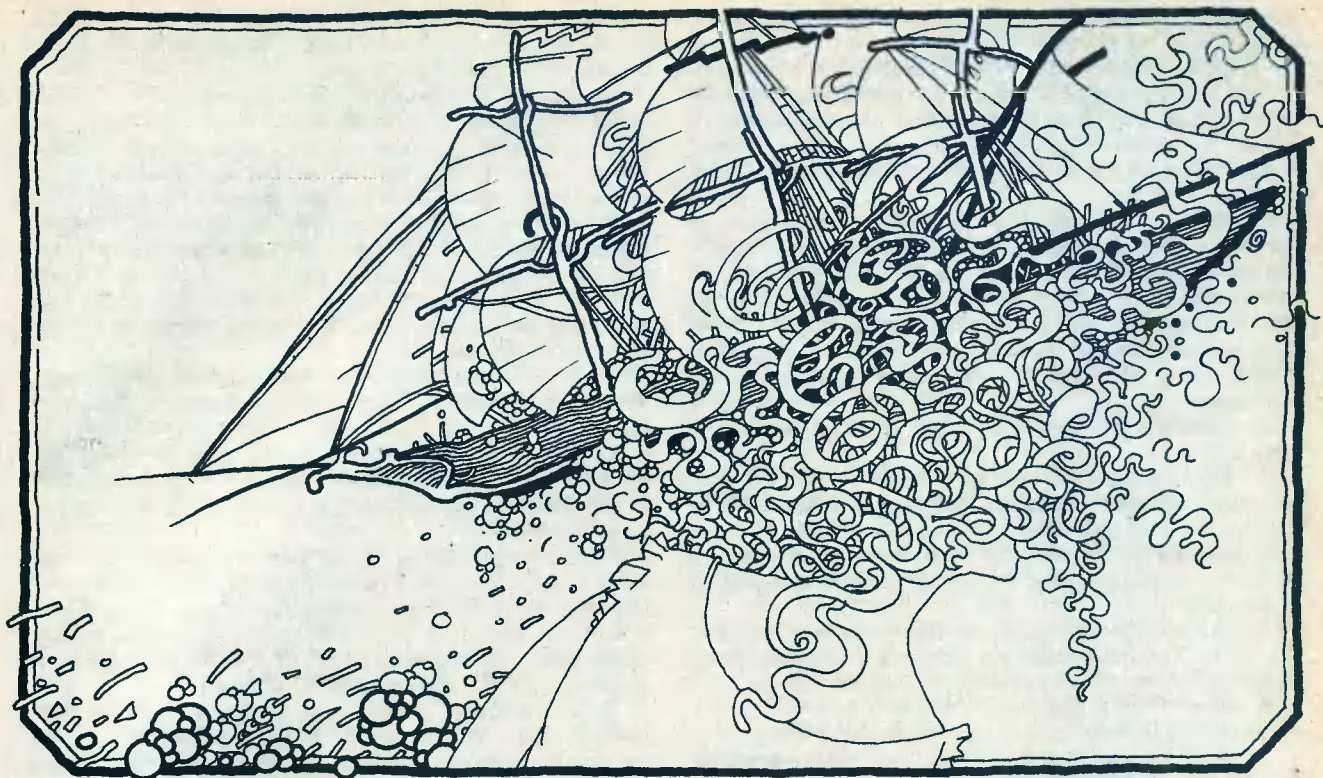
— Вы меня в чем-то подозревали, Бережнов?

— В той же степени, в какой и вы меня. Верил, но не доверял. Кстати, вы так же внезапно появились и тогда, много лет назад, в нашем поселке через несколько дней после загадочной смерти Самойлова. Почему я должен был вам доверять? И потом... — он запнулся, — я не имел на это права. Марина сама попросила меня пока ни о чем не рассказывать, чтобы вы не успели наделать глупостей и спугнуть человека, которого она подозревала.

— Кого она подозревала?

Доктор пожал плечами.

— Она никогда не говорила об этом. Она даже как бы и не подозревала. Все было построено на каких-то

бездоказательных ощущений. Впечатлениях. Кстати, ее впечатлительности я тоже не доверяю. В вас она, безусловно, не сомневалась, не пугайтесь так, Тим. Но отлично понимала, что одно неосторожное движение — и вы можете, даже и не подозревая, навести на след.

Я задумался. Накопилась уйма вопросов. И так не хватало Головы, чтобы их решить.

— Давайте начнем по порядку, Бережнов. Вы... Вы лично что-нибудь знаете о Марине? О ее прошлом?

Бережнов усмехнулся.

— Об этом не знает даже она, Тим.

Я вопросительно поднял брови.

— Впервые она себя осознала уже будучи в доме Самойлова. А до этого, — Бережнов развел руками, — а что случилось с ней до этого, она, увы, не помнит. Это похоже на амнезию, молодой человек.

— Но Самойлов! Самойлов же должен был ей что-нибудь объяснить.

— Он и объяснил. Но его объяснения мне кажутся не совсем убедительными. Он, пожалуй, знал гораздо больше. Но у него, видимо, были причины это скрывать. За что он, возможно, и поплатился.

— Но что, что же он ей объяснил, Док?

— Объяснение было очень простым. Что нашел ее без сознания на дороге. Пытался узнать о ее прошлом, но безуспешно. Советовал никому не рассказывать о том, что произошло. Ведь прошлое может оказаться самым неожиданным и далеко не в ее пользу. Советовал отделяться молчанием. Звучит правдиво, но не настолько, чтобы это было правдой.

— Но Марина? Неужели она сама... Сама не была заинтересована узнать о себе правду.

— Наверное, была. Но, возможно, боялась этой правды. К тому же она целиком доверяла Самойлову. Он ее спас. Он стал для нее самым родным человеком. А его внезапная загадочная смерть совсем напугала ее. И она решила молчать, как когда-то советовал он. Решила, что если и узнает что-нибудь, то так, чтобы никого не впутывать в это дело. Вот поэтому она и бегала в старую усадьбу после смерти художника. Она пыталась сама докопаться до истины, но, увы, безуспешно.

— А что вы знаете о немом, Бережнов? — И я внимательно заглянул ему в глаза.

— О немом? — удивился он внезапности моего вопроса. — То же, что и вы, пожалуй. Несчастный, больной человек, которого любила вся деревня. В деревнях, знаете ли, искренне любят юродивых. Наверное, потому, что они самые безобидные из всех существ на земле. А в больших городах, знаете ли, наоборот, презируют тех, кто не умеет давать сдачи. Да и вообще презируют неполноценных. Скорее всего из трусости. Для них это — напоминание о другом мире. — Доктор неожиданно замолчал, и его глаза стали грустными. Он, видимо, вспомнил немого. Он тяжело вздохнул, поднялся и закурил. — Что я еще знаю о немом? То, что он спас Марину. Но как он оказался там, в пустынном месте среди скал, нам об этом уже не узнать.

— Как знать, — усмехнулся я и тоже встал. — Доктор, а ведь именно немой стрелял в моего друга. Именно немой его чуть не убил.

— Вы сошли с ума! — крикнул доктор. — Тим, вы думаете, что говорите?

Я кивнул головой. И тут же, второпях, но стараясь не пропустить ни одной детали, рассказал Бережнову о нашем неудачном походе в старую усадьбу. Доктор

некоторое время пребывал в оцепенении. Он не верил своим ушам. И не хотел верить.

— Тим, но этого просто не может быть, — пробормотал он, с надеждой вглядываясь в мое лицо, словно искал поддержку своим сомнениям. Но напрасно.

— Док, у меня прекрасное зрение, и я доверяю своим глазам. Впрочем, Голова тоже никогда не жаловался на зрение.

— Как все это странно, — по-прежнему сомневался доктор. — Игра на рояле, осмысленный взгляд, чтение книги. — Он поднял на меня тяжелый взгляд. — Тим, но его приступы... Его приступы действительно были неподдельны! И это я утверждаю как врач! Да вы и сами были свидетелем. Безумный взгляд, дергающаяся щека, пена у рта — это сыграть практически невозможно!

Я вздохнул. И развел руками. Я тоже ничего не понимал.

— Но, доктор, — предположил я, — ведь и у нормального человека тоже не исключены такие приступы. Возможно, они единственная его правда. К тому же, вспомните, только он был свидетелем смерти Марины. Он лгал, Док. И он не случайно оказался возле яхты.

— Возможно, возможно, — протянул Бережнов. — Но зачем тогда ему, если он замешан в ее похищении, было ее спасать. И, заметьте, он не выдал ее местонахождение.

— Он знал, что она у вас? — воскликнул я.

— Естественно. Уж кому-кому, а Слону я доверял. Ему все доверяли. Впрочем, как когда-то и вы.

Я опустил глаза. Мне не в чем было упрекнуть Бережнова.

— К тому же мне трудно было одному справиться, — продолжал доктор. — Особенно, когда она заболела. Он так за ней ухаживал! Поверьте, со стороны это выглядело очень искренне. Марина до сих пор ему благодарна. И, пожалуйста, ничего ей пока не рассказывайте. Ничего, пока она не встанет на ноги.

С этим я легко согласился. Любое неосторожное слово могло только усугубить состояние Марины.

— Немой точно был замешан в исчезновении Марины, — наконец заключил я. — Во-первых, — я загнул указательный палец, — грибы. Теперь становится довольно ясной картина смерти Самойлова. Второе — только немой знал о том, что в следующий приезд я заберу Марину с собой. Сразу после моих слов она и была похищена. Третье — это лжепоказания немой о смерти Марины, четвертое — выстрел в моего друга. Пятое — сам факт его игры в немого-юродивого. Ведь ему доверяли все. В том числе и Самойлов. Кстати, неизвестный шедевр Самойлова исчез не без его помощи.

— И все же, — доктор снял очки и смотрел на меня близорукими, беспомощными глазами, — я могу продолжить. Зачем ему было признаваться в своем таланте различать грибы. Чтобы навлечь на себя подозрения? Зачем ему было спасать Марину из заточения, если он сам помог похитить ее? И кто был тот неизвестный, кто вас спас от выстрела? Уж наверняка это не тот милый бородатый яхтсмен...

— Да, да, да, — протянул я. — Если бы немой был жив. — И я вспомнил, что уже не раз слышал эту фразу.

— Если бы... — развел руками доктор. — А пока нам не за что зацепиться, кроме как за этого лихого

бородатого похитителя. Кем он может быть? И откуда он так все может знать? Даже о ваших близких отношениях с Мариной.

— Только от него, — усмехнулся я.

Доктор стукнул себя по лбу.

— Ах да! Все никак не могу привыкнуть к этой чудовищной правде. Ну что ж. На сегодняшний день мы в силах зацепиться только за это. И завтра же, вернее, уже сегодня, — он посмотрел на часы, — отправимся на поиски этого наглеца в маскарадном костюме. Вы со мной согласны, Тим?

— Безусловно, Док. Мы обязаны узнать правду. Но поверьте — это риск, Бережнов. Я лично знаю, ради чего рискую.

— Я лично тоже. — И доктор хитро сощурил свои близорукие глазки. — Разве мне истина менее дорога, чем вам?

Я без лишних слов пожал ему руку в ответ. На секунду устыдившись, что в первую очередь рискую ради любви, а не истины. Впрочем, это, возможно, одно и то же.

Солнце уже всходило, сверкая утренними лучами на цветах, деревьях, пышных кустах, крышах домов. Деревня потихоньку просыпалась. Кричали петухи и звенели ведра. И я, как никогда, радовался этому будничному спокойному утру. И я отлично знал, что сегодня, сейчас завершу свою работу.

Я по-прежнему рисовал лунную ночь. Хотя солнечные лучи играли с волнами, отражались в море своими яркими красками. И море сверкало, море бурлило, море торжествовало. Оно праздновало победу над злом. Оно праздновало победу нашей любви. И уже на моей картине не только проливались слезы, слезы тоски, печали и несовершенства мира. Сквозь слезы моя картина ликовала, торжествовала и смеялась. Мне удалось соединить в ней самые несоединимые вещи. Слезы и радость, любовь и разлуку, красоту и безобразие. Мне удалось невозможное. Примирить жизнь со смертью, безгрешие и грех, черта с ангелом. И в центре этого сумасшедшего, перепутанного мироздания была Марина. Как само воплощение этого мироздания. Сегодня я победил. Сегодня я был богом. Я сумел разгадать тайну мира. И я отбросил кисть в сторону. И еще долго смотрел на картину. И благодарил Бога, что начался новый день.

Я бежал к дому доктора, прижимая к себе свое творение. Я широко распахнул дверь. Но было тихо. Доктор и Марина еще спали.

— Как можно спать в такое утро! — заорал на весь дом я.

— Тим, ты, что ли? — услышал я недовольное бурчание Бережнова. — Ты что, вообще никогда не спишь?

— С сегодняшнего дня — никогда! Я хочу продлить жизнь в два раза! — орал я.

— Ну-ну, флаг тебе в руки. Если ты с тем же успехом не сократишь жизнь в два раза.

Но я уже не слышал Бережнова. Я стремительно бросился по лестнице вверх. И с грохотом распахнул дверь комнаты... Комната была пуста. Постель еще хранила следы ее тела. Постель еще помнила тепло ее тела.

— Марина! Марина! Марина! — отчаянно кричал я, почти уже теряя рассудок. — Марина! Марина! — все слабее твердил я, бессильно опустившись на пол

и прижавшись к холодной стене. — Марина... — Я закрыл лицо руками. — Марина.

Если бы не доктор, трудно сказать, какое будущее бы меня ждало. Он как-то сумел, нашел нужные фразы и нужное лекарство, чтобы меня успокоить.

— Она там. — Я выпил залпом уже третью рюмку коньяка. — Она там, Док. Он ее вновь похитил. Она на яхте, Бережнов. И мы туда немедленно, сию же минуту отправимся! — Я стукнул кулаком по столу так, что посуда зазвенела.

Погода благоприятствовала нам в поисках. Марина успела подробно описать место, где ее держали в заточении.

— Если сердце меня не обманывает, а глаза не подводят, это где-то здесь. — И я указал рукой на высокие скалы, молчаливые и неприступные, тесно прижавшиеся друг к другу. Мы выключили мотор и вплотную подплыли к ним. Сердце мое действительно не подвело. И глаза тоже. Что ж, лучшего места для укрытия и не подыщешь. Мы осторожно проплыли между острых осколков и вошли в небольшой, окруженный базальтовыми «стенами» залив. В этот затерянный мир, казалось, не проникал ни единый звук. Скалы бдительно охраняли его.

В центре залива возвышалась белоснежная яхта. Мы подплыли к ней и, соблюдая осторожность, забрались на нее.

— А теперь, Бережнов, нам нужно быть крайне внимательными.

Мы огляделись. Да, Марина была права. И все же ее описания не шли ни в какое сравнение с тем, что мы увидели. Яхта была прекрасна. Она была отделана красным деревом и бронзой. И сразу было заметно, что только богатый человек мог быть хозяином этого чуда. Мы крадучись пробирались по длинному коридору, устланному турецким ковром. Было кругом удивительно тихо. И казалось, что здесь нет ни души. И все же мы не поддались обману этой гнетущей тишины. Мы по очереди открывали каюты и мельком вглядывались внутрь, чтобы убедиться, что там никого нет. И все-таки мы успевали заметить царившие в каждой каюте роскошь и уют. У нас не было времени наслаждаться красотой их убранства. И все-таки, заглянув в одну из кают, я не мог не задержаться. Даже присвистнул от удивления. Строгим порядком здесь и не пахло. Она была загромождена многочисленными картинами, холстами, наборами красок и кистей. Это была явно мастерская художника. И у меня не было сил преодолеть искушение зайти в эту каюту.

— Зайдем, Бережнов. Возможно, именно здесь мы увидим много любопытных вещей.

— Не стоит, Тим, — попытался удержать меня доктор, — нас в любую минуту могут застать врасплох.

Но удержать меня было уже невозможно. Я уже рылся в картинах, рассматривал внимательно пейзажи, натюрморты, портреты.

— А он неплохой художник, — наконец заключил я. — Однако ему не хватает свободы. Такое ощущение — что-то удерживает его высказаться до конца.

— Он это и сам прекрасно понимал, Тим. А теперь нам нужно срочно уходить. Мы должны как можно скорее отыскать Марину. И увести ее.

Слова доктора заставили меня очнуться. И я уже решительно направился к выходу, но споткнулся о ка-

кой-то холст. И едва взглянул. И мои руки ослабли. И холст упал на пол. А мое лицо исказил ужас.

— Этого не может быть, Док, — прошептал я поблекшими губами. — О Боже! Что это, Док? — И я схватился за голову. И слегка покачнулся.

Бережнов, испугавшись за меня, поднял картину. И, взглянув на нее, часто заморгал и наморщил свой лоб.

— Я тоже ничего не понимаю... Я тоже, Тим, ничего... — бормотал растерянно он.

Перед нами стояла моя картина. Моя драгоценная работа. И луна повисла над морем, отражаясь в нем золотистым шаром. И море, утопающее в слезах. И примирение жизни и смерти... И... Нет. Что было самым потрясающим — на этой картине не было Марины. Только контуры ее тела.

Я закрыл лицо руками, не в силах поверить, не в силах понять.

— Этого не может быть, Док, — как заученный текст, твердил я. — Этого не может быть...

И он не в силах был ответить.

— Тим, это просто фантастика! Еще час назад ты оставил картину в моем доме! Как ее могли украсть!

— Ее не могли украсть, Док! В том-то и дело! Даже если предположить самое невероятное! Что ее успели вынести из дому и раньше нас доставить на яхту, ее никаким образом не могли успеть изменить!

И я стал лихорадочно осматривать прозрачное пятно на холсте. Я провел пальцем по нему — никаких следов на руке:

— Бережнов! Я даже понятия не имею, что это за краска! Такой краски просто не существует! Приглядитесь, Док, эти контуры словно наполнены воздухом!

Доктор пожал плечами.

— М-да, — протянул неуверенно он, — даже абсолютно ничего не понимая в живописи, я тоже думаю, что это не краска. Но, Тим, существует масса самых различных специальных растворов, о которых вы даже можете и не подозревать. И все-таки я настаиваю, чтобы мы немедленно отсюда удалились. Ответ на этот вопрос мы обязательно найдем, Тим. Но только не сейчас. Сейчас мы обязаны отыскать Марину.

Но его слова уже не убеждали меня. Смутное предчувствие подкрадывалось к моему сердцу. И мое сердце сжималось от непонятного страха.

— Нет, доктор, — решительно отрезал я. — Здесь что-то не так. И мне кажется, что мы должны начать именно с разгадки этой тайны.

— Ну, в этом случае я вам не помощник. Так вы не идете со мной, Тим?

Я отрицательно покачал головой.

— Пока я останусь здесь, Док. Вы продолжайте осмотр яхты. И сразу же возвращайтесь сюда.

Он молча приблизился к двери. И обернулся.

— Будьте осторожны, Бережнов. — И я отвел взгляд.

— Вы тоже, Тим. — И он плотно прикрыл за собой дверь.

А я остался стоять напротив картины. И самые невероятные мысли приходили в мою голову. И меня не покидало ощущение, что я больше не увижу Марину. И мне становилось горько от этих мыслей. И я их гнал прочь от себя. Но они осаждали меня со всех сторон.

Я до боли сжал виски.

— Это неправда, Марина. Я обязательно тебя скоро увижу.

И я решил взять себя наконец в руки. И больше не распускаться. И со злостью схватил холст и стал рассматривать его со всех сторон, словно таким образом надеялся разгадать тайну. И вдруг я заметил на оборотной стороне слабую подпись карандашом. Она была почти стерта. Но я не терял надежды и бросился к окну. И стал рассматривать ее на свету.

Са...й...ов. Всего пять букв. Буквы в середине стерты. Но я не был настолько глуп, чтобы не догадаться.

— Самойлов,— прошептал я,— Господи, при чем тут Самойлов? Доктор!— громко закричал я.— Бережнов! Док! — Мой звонкий голос разбивался о стены каюты и, казалось, уносился куда-то вдаль, в море. И я бросился к выходу.— Док!!!

Когда же я открыл дверь, меня кто-то ударил кулаком. Я покачулся, но устоял на ногах. И лицом к лицу столкнулся с бородатым человеком в широкополой шляпе и темных очках. И скорее машинально, чем осознанно, я вмазал ему в челюсть. Мы повалились на пол. Его очки отскочили в сторону. И мне показался знакомым его взгляд. Но времени на воспоминания у меня не оставалось. Я дрался отчаянно, используя все приемы, хотя ни один из них не знал. Пожалуй, мое отчаяние позволило на время взять верх, и я прижал незнакомца к полу. Его шляпа давно слетела, и я увидел форму его головы. И мне она показалась тоже знакомой. И эти мысли ослабили мою хватку. И он воспользовался этим и перехватил мою руку. Но я другой рукой вцепился ему в бороду. И закричал от ужаса. Я тут же вскочил на ноги, отпустив своего соперника, и стал медленно, пятясь, продвигаться к выходу, судорожно сжимая в руках его бороду. Передо мной стоял немой. Передо мной стоял Слон. И его губы скривились в презрительной усмешке.

— Слон! Это неправда! — шептал я.— Тебя вчера похоронили, Слон. Я сам тебя видел мертвым, Слон! Боже, это неправда.— И я медленно стал опускаться на пол. И уткнул голову в колени. Я долго оставался неподвижным. И мне казалось, что я медленно схожу с ума. Но мое помешательство для меня было более реальным, чем сама действительность. И мне оно показалось даже самым лучшим выходом в этой ситуации. Нет, я просто схожу с ума. В конце концов это не самая худшая участь для художника,— попытался даже я пошутить. Но вышло совсем несмешно. Мои руки дрожали. И я по-прежнему не мог посмотреть в лицо правде.

— Перестаньте же, Тим,— услышал я звонкий, довольно приятный голос.— Вы чувствительны, как девушка. Что ж, возможно, для художника это даже и необходимо. Возможно, по этой причине я так и не стал художником. Я не умею и не хочу распускаться в отличие от вас.

Его мягкий, спокойный голос подействовал на меня отрезвляюще. И я поднял голову, наконец решившись оторвать руки от лица.

Нет, к сожалению, я не сошел с ума. Передо мной стоял Слон. Дорогой белый костюм скрывал его полную неуклюжую фигуру. Его глаза были жестки и холодны и так непохожи на беспомощный взгляд несчастного человека, которого я когда-то знал.

Я поспешно приходил в себя. И укладкой перевел

взгляд на выход. Но он успел перехватить мой мимолетный взгляд. И спокойно, без лишних слов, вытаскивал револьвер. И, не выпуская его из рук, закрыл дверь на ключ.

— Вот и все, Тим. Это так просто.— Его глаза насмешливо блеснули.

— Доктор!!! — закричал я, насколько позволяли мои голосовые связки.

Он пожал плечами.

— Вы напрасно тратите силы, Тим. Мы на корабле вдвоем. И ваш драгоценный доктор нам не помеха.

— Что вы с ним сделали? — вскочил я и сделал рывок в сторону Слона.

Но дуло пистолета заставило меня остановиться на полпути.

— Еще один шаг — и вы будете разговаривать с самим Господом Богом. Наверняка он обрадуется вам, Тим. И прямиком отправит в рай. Вас ждет прекрасное будущее.— И он улыбнулся.

И я содрогнулся от его улыбки.

— Сядьте,— и он указал мне на кресло,— и не делайте глупостей. Вы и так их уже наделали порядком.

Мне ничего не оставалось, как повиноваться. Не выпуская из руки пистолет, он ловко разлил коньяк в рюмки.

— Выпьем, Тим.— И, не дожидаясь моего согласия, он залпом осушил рюмку.

— Что вам надо от меня... Слон?

— Слон!!! Ха-ха-ха! Слон! — хохотал он, и его пистолет покачивался в руке. И его глаза оставались безжизненны и холодны.— Бедняга Слон! Это не вы ли когда-то собирались мне купить лаковые ботинки и приличный костюм? Вы так милосердны, Тим.— Он откровенно издевался надо мной. Но я не реагировал на его слова.

— Так что вам надо от меня? — мрачно переспросил я.

— Самую малость! — с готовностью ответил он.— Мне нужна ваша последняя работа.

— Если не ошибаюсь, она у вас.— И я кивнул на полотно.

— Ошибаетесь, мой дорогой. Очень даже ошибаетесь. Это вовсе не ваша картина. Разве вы не заметили на обратной стороне холста подпись? Вы так ненаблюдательны, Тим. Это работа Самойлова. Он был не менее вас талантлив, поверьте.

— Этого не может быть! Я никогда не видел картины Самойлова! У меня не было даже возможности ее срисовать! Это моя работа!

— В этой жизни все может быть, Тим. Вы, я думаю, за последнее время смогли в этом убедиться. Стоит только чуть-чуть пошевелить мозгами.

— Мои мозги уже не в состоянии шевелиться,— огрызнулся я.— Может быть, вы им поможете? И объясните, наконец, что все это значит.

— А почему бы и нет? В вашем лице, думаю, я найду достойного почитателя своего таланта. Поймите, сделать потрясающее открытие века и все время скрывать его — это выше человеческих сил. И я вам открою эту тайну. С условием, что вы мне без лишних слов отдадите картину. Мне опасно появляться в поселке, поймите. Слишком дело зашло далеко. К тому же я узнал, что ваш милый друг уже выписался из больницы. На нем раны заживают как на собаке.

Ищейка проклятая. Не хотелось мне бы вновь с ним встретиться.

— Вы отпускаете меня в поселок? — удивился я.

— Ну, не считайте меня таким идиотом.

— А я и не считаю, — искренне ответил я.

— Ну и прекрасно! Значит, мы с вами легко сговоримся. Я вас отпущу на время, чтобы вы успели доставить работу на яхту. А, в свою очередь, я позабочусь, чтобы с вашим доктором ничего не случилось. Он пожилой человек...

— Где он? — вновь не выдержал я и вскочил с места.

— В безопасном местечке, Тим. Он мне пока просто необходим. Для залога своей безопасности. Но учтите — одно неосторожное слово, одно неосторожное движение, и с Доком покончено. Мне, поверьте, терять нечего. Но, я думаю, у вас не останется времени ни на лишнее слово, ни на лишнее движение. Я все рассчитал до секунды. Вы вернетесь тогда, когда я вам укажу. И ни минутой позже. И вернетесь совершенно один. Тогда у вас будет шанс спасти Бережного.

— И что потом?

— Вы так за меня беспокоитесь? Напрасно. Я возьму вашу картину. И сохраню вашу жизнь. Мне она не интересна. Я не профессиональный убийца. Вы вернетесь к себе, а я уже через час буду в другой стране, если хотите, в другом мире, если хотите, на другой планете. Поверьте, с моими деньгами это вполне осуществимо.

— И все же... Все же зачем вам моя картина?

— Так вы привезете мне ее или нет? — Его глаза сузились. И стали еще холоднее. — Отвечайте, Тим. — И пистолет качнулся в его твердой руке.

Но я его уже не боялся. Не знаю, почему, но ему позарез нужна была эта работа. И без нее он не мог сдвинуться с места. И я решил во что бы то ни стало затянуть время. И инстинктивно понял, что пока могу диктовать условия я.

— Я привезу ее, Слон. — Я нарочно подчеркнул его прозвище. Он вздрогнул, услышав его, но уже не сопротивлялся. — Я обязательно ее привезу. Мне жизнь доктора не менее дорога, чем своя.

Он непонимающе пожал плечами.

— Но с одним условием, — продолжал я твердо.

Он недовольно поморщился.

— Ты еще смеешь диктовать мне условия?

— Не смею, — тут же согласился я. — Но это условие слишком простое. Ты мне должен немедленно все объяснить. Здесь происходят невероятные вещи. И я не могу даже сдвинуться с места, видя здесь, в этой комнате, свою работу, но подписанную Самойловым, за которой к тому же ты меня отправляешь в деревню. Это же абсурд!

— Я понимаю твоё нетерпение. — Он улыбнулся своей чудовищной улыбкой. — Я хотел сделать это позднее. Ну что ж. Я попытаюсь вкратце тебе объяснить. К тому же я ничем не рискую. Мало кто поверит в эту фантастику.

Немой уселся в кресле напротив меня. Выпил еще и закурил. Но пистолет так же уверенно был направлен в мою сторону. Я последовал его примеру и выпил тоже. Он тряхнул головой, глубоко затянулся и пустил дым в потолок, самодовольно улыбаясь. Он себя бесконечно любил. И, конечно, недооценил свои возможности, утверждая, что сможет вкратце все изложить. На это я и рассчитывал.

— Единственное, что мне удалось без труда, — это большие деньги. И ты скажешь, это немало. Это действительно немало, Тим! Я получил блестящее образование и не менее блестящее наследство. Мать умерла еще при родах. Красавица и умница, но истеричная и эксцентричная женщина, она родила двух уродливых сыновей...

Я вскочил с места, уже начиная догадываться, о чем пойдет речь.

— Сидите спокойно, Тим. Впереди еще масса сюрпризов. Так вот. Вы правильно мыслите. Она родила близнецов. Один из которых был хотя и уродом, но способным и здравомыслящим юношей, считающим долгом сделать свою жизнь исключительной. Он перед вами. — И Слон галантно поклонился. — Второй — это мой несчастный брат — был просто больным уродцем, не способным даже к элементарному мышлению. Что ж, так было Богу угодно распределить между нами роли. И я свою роль сыграл до конца. Мне с детства легко давались любые науки и любые искусства. Но... Но мне крайне мешала моя внешность. Да! И я этого не скрываю! Люди, разговаривая со мной, никогда не смотрели в глаза. И я возненавидел людей. Конечно, у меня было достаточно средств для пластической операции. Но гордость не позволяла мне на это пойти. Я ненавидел свою внешность, но я не хотел ее изменять в угоду людям. И я понял, что деньги — это далеко не все. И я посчитал своим долгом совершить нечто такое, что смогло бы перевернуть мир. Вот тогда бы я имел полное право пожалеть этих жалких людишек и возвыситься над их жалким миром. Я мог сочинять прекрасную музыку, прекрасные стихи, мог хорошо играть в театре. Но более всего меня увлекала живопись. И я писал не менее прекрасные картины. Но я чувствовал, что это далеко не все, на что я способен. Что этим занимаются тысячи людей. И это не дает возможности поразить мир и подчинить его себе. В моем мозгу стал зарождаться невероятный и почти неосуществимый план. Этот план созрел после посещения выставки Самойлова. Меня увлекла его манера письма. Чистейшая достоверность. Казалось, он не пишет, а в мельчайших подробностях копирует мир. И в то же время сколько своего, личного. Я купил шикарную яхту и устроился недалеко от поселка, где жил Самойлов. Я захватил с собой своего ненормального брата. Мне он тоже был необходим для осуществления замысла. Я уже, кажется, упоминал, что мог бы сделать блестящую актерскую карьеру? Я стал копировать жесты, мимику, походку своего брата. Поверьте, это нелегкое дело. Мне необходимо было даже копировать его взгляд! И мне это удалось! В деревне сразу поверили в этого убогого нищего — и не только поверили, но и полюбили настолько, что каждый мог доверить мне самые сокровенные тайны. Поверьте, это было крайне забавно. Изображать неполноценность и ясным умом анализировать факты. Самойлов, как и все, мгновенно доверился мне. Он часами болтал о себе. Показывал свои картины. Я имел возможность наблюдать за его работой. И часто признавался себе, что это действительно прекрасные картины. Но все-таки я ждал другого. И сам по ночам работал до изнеможения в лаборатории, на яхте, вычисляя нужную мне формулу, испытывая новые и новые вещества, которые должны были меня привести к цели. Мое терпение и мои труды были вознаграждены. И однажды художник

признался, что принял за самую важную работу в его жизни. Он полностью сочиняет ее, сочиняет натуру, но формы и линии натуры он хочет воспроизвести крайне достоверно, довести до того максимума, когда человек на портрете выглядел бы живым. — Немой перевел дух и перевел взгляд на окно, за которым шумело, волновалось море.

А я вцепился в ручки кресла, стараясь не выдать своего волнения. Но скрыть его было выше моих сил.

— Не волнуйтесь так, Тим, — усмехнулся Слон, — я же вас предупреждал, что вы должны быть готовы ко всему. Да, Самойлов писал Марину, лунную ночь и море. Да, он целиком и полностью выдумал эту женщину как воплощение несовершенства и совершенства мира, как воплощение жизни и смерти, как примирение самых непримиримых вещей на земле. Даже я, законченный циник, и то чуть не вскрикнул, увидев эту работу. Но я сжал кулаки и промолчал. Я всегда помнил, что я несчастный немой. Я каждый день навещал художника и подолгу следил за движением его рук. И завидовал ему. Я бы так никогда не сумел. Моя внешность... Она лишала меня свободы. И я, урод, никогда бы не посмел изобразить такую красоту. А картина получалась с каждым днем совершенней. И все живее. И по мере ее совершенства усиливалась моя ненависть к художнику. Мы закончили одновременно свои труды. У Самойлова был готов портрет Марины. Я вычислил нужную мне формулу. Следует отметить, что я основывался не на пустом месте. Еще в древности алхимики практически вычислили это вещество. Я перерыл старинные книги. И нашел нити, ведущие к этой формуле. Но воплотить ее в жизнь удалось, поверьте, только мне на этой земле. Мы были победителями. И я тут же решил, не откладывая, отпраздновать свою победу.

Я проник в мастерскую художника ночью, когда старая усадьба была совершенно пуста. И я долго любовался картиной, изображенной на ней женщиной почти неземной красоты. Женщиной, которую я успел полюбить. И которая вскоре могла стать реальностью. И наконец я решился. Я вытащил бутылочку с жидкостью цвета морской волны. Я честно доложу вам, Тим, что до конца не был уверен в своем успехе. Теоретически это было возможно. Теоретически я сделал открытие, основанное на опыте древних. Но как знать... Некоторое время все на картине оставалось по-прежнему. И я уже стал привыкать к мысли, что ничего не выйдет из моей затеи. Но фигура на холсте постепенно начала испаряться. И вместо нее появилось пространство, словно заполненное воздухом. И я вздрогнул, вдруг почувствовав, что не один в мастерской. И почему-то запахло морем. Я резко обернулся.

Она лежала на полу. И ее глаза, ее прекрасные раскосые глаза были сомкнуты. Уже светало. И я вдоволь налюбовался ее лицом, от которого исходил какой-то неземной свет. И волнение переполняло меня. Стало совсем светло. И времени на сантименты практически не оставалось. Я понес ее на руках. Теперь она принадлежала мне одному. И никто даже не подозревал о ее существовании. Она целиком находилась в моих руках. И мне поскорее нужно было исчезнуть с ней, подальше от людей. В мире были только я и Марина.

Но Самойлов разбил мои мечты. Я с ним столкнулся на выходе из усадьбы. Он с ужасом посмотрел на

тело, мирно лежащее на моих руках. И не мог вымолвить ни слова. Этой внезапной встречи я не ожидал тоже. И стал лихорадочно подыскивать нужные объяснения. Но было уже поздно. Он прекрасно все понял.

— Что это значит! — закричал он. — Что все это значит!

У меня не оставалось выбора, и я все ему рассказал. Он долго пребывал в оцепенении. Потом поднял тяжелый взгляд.

— Вы совершили преступление.

— Я совершил величайшее открытие.

Но он не желал меня слушать. Я сказал ему, если мир узнает о моем открытии, искусство потерпит крах.

— О чем вы думали раньше! — Он с ненавистью вглядывался в мое лицо.

— Многие ученые не думают о последствиях. Они одержимы лишь своей идеей. А потом человечество пусть само разбирается.

На это ему нечего было мне возразить. И он согласился пока молчать.

— Я подумаю и сообщу вам о своем решении. — И он забрал у меня без лишнего слов Марину. И уже сам понес ее на руках. Он не сомневался, что она должна принадлежать только ему.

Я с ненавистью смотрел ему вслед. Ему, уносящему на своих руках самое драгоценное в моей жизни. И он почувствовал мой злобный взгляд. И обернулся.

— А вы, Слон, должны подумать о том, как расставить все по своим местам. Чего бы вам это ни стоило. А пока я буду молчать. Пока...

Я пообещал ему, что все устрою. Но я лгал. События обернулись против меня. Но я по-прежнему верил в свою удачу. А остальное, — Слон пожал плечами, — вам, думаю, известно и без меня.

Я сидел не шелохнувшись. И мое лицо оставалось каменным.

— Вы убили Самойлова, — по слогам отчеканил я. Он не отрицал.

— У меня не было выбора. Смерть его была безболезненной. И мгновенной. Только мой брат мог навести меня на эту мысль. И не подозревая об этом. Знаете, несмотря на свое безумие, он имел прекрасный дар...

— Я это знаю, — перебил я его.

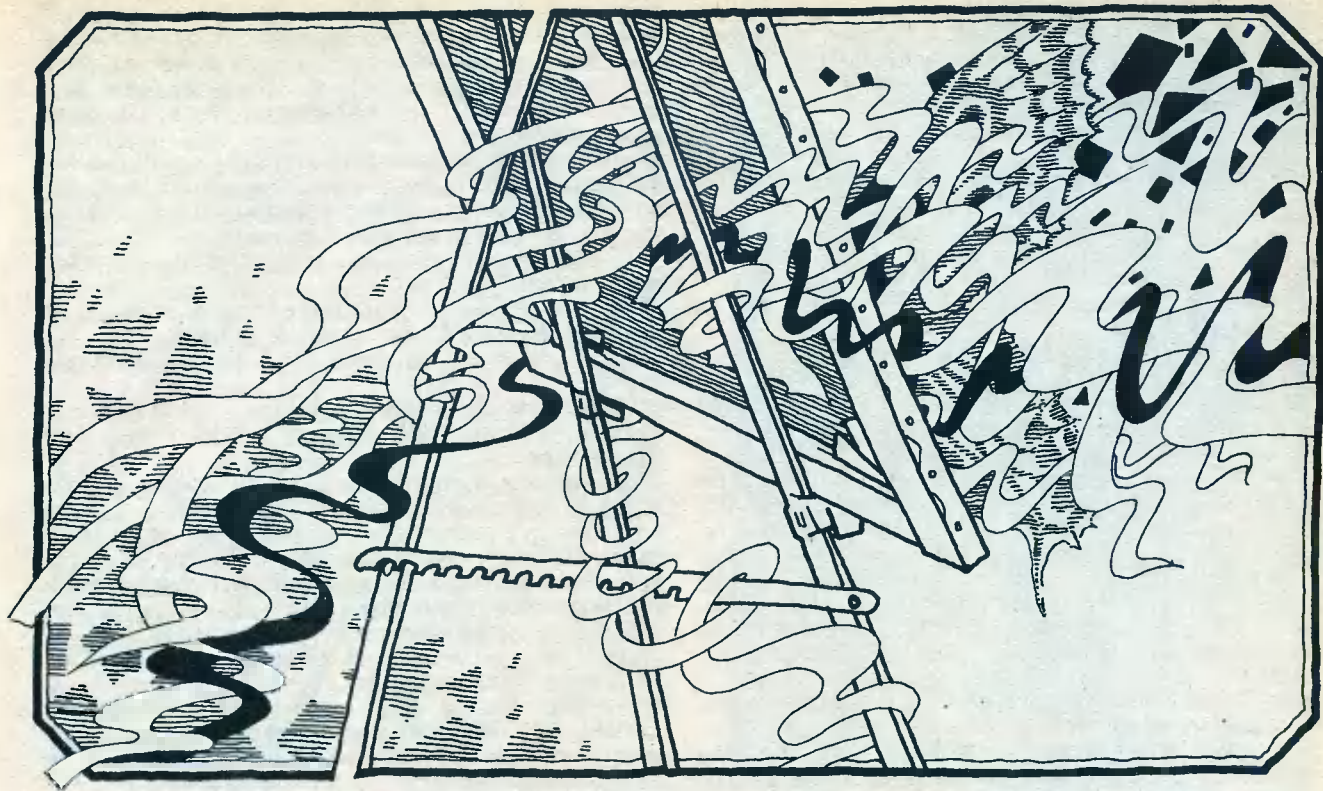
Я смотрел на его белый костюм, аккуратно повязанный черный галстук, блестящие лаковые ботинки. И поражался. Откуда у человека, влюбленного в искусство и науку, постигающего с помощью красоты мир, столько ненависти к этому миру. И он словно угадал мои мысли.

— Вы очень красивы, Тим. И вы можете свободно любить красоту. Но вы не можете знать, как тяжело видеть прекрасное, понимая, что оно недостижимо.

— Вы слишком любите себя, Слон. Вам почти все дала жизнь. Деньги, ум, талант. И вы до сих пор не можете смириться, что она вам дала почти все, но не все. Но прекрасное — это совсем другое, Слон.

— И что же? — Он горько усмехнулся. — Догадываюсь, что вы сейчас скажете. Красивое сердце? Красивые мысли? Красивая душа? Все это — пустые слова, Тим.

— Нет, Слон. Красота — это умение видеть мир красивым. И поверьте мне на слово, ваше лицо и без пластической операции могло стать прекрасным, если

бы вы видели мир по-другому. Ведь существуют еще и обаяние, взгляд, улыбка. Но для этого нужно быть совершенно другим...

— Ах, бросьте, Тим. — Он раздраженно махнул рукой. — И вот вам простая истина. Марина никогда бы не полюбила меня. И она сразу же полюбила вас, даже не зная. Потому что вы красивы.

— И вы ненавидите меня так же, как и Самойлова, — продолжил я за него.

— А за что прикажете мне вас любить? Вы стали на моем пути. Вы появились вскоре после смерти Самойлова. И она, как дурочка, мгновенно влюбилась в вас. Женщины все одинаковы, даже если они всего лишь миф. И, подумайте, каково было мне продолжать играть роль убогого немого.

— На что вы рассчитывали, Слон? — усмехнулся я.

— На любовь. — Он не менее ласково усмехнулся мне в ответ. — Или вы не верите? В очках, шляпе и с бородой я не так уж безобразен. К тому же умен, к тому же художник. И я решил, что нужно уединиться с ней. Чтобы она могла постепенно привыкнуть ко мне. И я решил не покидать ее ни на минуту. Но я понимал, что мое внезапное исчезновение из деревни выглядело бы довольно подозрительным.

А я стал писать портрет Марины. Как когда-то делали вы. Что ж, признаюсь, что потерпел фиаско. Наверно, потому, что слишком ее любил. Я даже не смел к ней прикоснуться. — И его холодные глаза впервые наполнились грустью. И я подумал, что он искренне это говорит. А возможно, он был просто прекрасным актером. — Да, Тим. Я потерпел поражение в живописи. И тогда решил, что нужно действовать по-другому.

Мои кулаки непроизвольно сжались.

— Да, Тим. У меня в отличие от вас было главное преимущество — деньги. И я имел право на них рассчитывать. И, возможно, мне удался бы этот план...

— План купить ее?

— Вы слишком все упрощаете. Не купить, а окружить элементарной заботой и пониманием, вещами и книгами, сознанием того, что я единственный, кому она по-настоящему нужна в этой жизни. И я к ней даже не прикасался. Хотя мог сделать это в любую минуту. Меня никогда не покидало сознание, что она всего лишь мираж. И это останавливало меня. Я просто выжидал. Я знал: один неверный жест, и она может раз и навсегда от меня отвернуться. И мое терпение было бы вознаграждено, поверьте. Если бы на горизонте не появился мой брат. Он становился все более опасен. Его инстинкт был развит наперекор его неразумности. Он помог бежать Марине. Это был страшный удар для меня. И я боялся, что никогда теперь не отыщу ее. Открытые розыски были опасны.

— Вот тогда вы и решили воспользоваться мною?

— И воспользовался. Я написал письмо, достаточно достоверное по фактам и манере изложения, чтобы вы поверили. И недостаточно достоверное по почерку. Почему вскоре я выкрал его у вас. И я знал, что рано или поздно вы приведете меня к ней. Хотя я не мог знать, что вы воспользуетесь услугами этого сыщика. — Он недовольно скривился. — И это осложнило задачу. Вы не столько стали искать Марину, сколько меня. И вы почти приблизились к разгадке, когда врасплох застали меня в старой усадьбе. И я вынужден был стрелять.

— А затем вы так же вынуждены были убить своего брата?

Он опустил взгляд. И его пистолет дрогнул.

— Это было нелегко, поверьте. И я сам никогда не

предполагал, что смогу пойти на это. Но у меня не было другого выхода. Мой брат спас вас от выстрела. Мой брат, чокнутый, сумасшедший брат был уже готов выдать меня, указать вам путь ко мне... Поверьте, у меня не было выхода... Но я очень... очень любил своего брата... Мы близнецы.

Мне на миг показалось, что я увидел слезы в холодных глазах Слона. Но я не поверил этим слезам.

— И потому вы в белом костюме?

— Я всегда в белом, Тим. Черный цвет в меня вселяет неуверенность. Я никогда не ношу черный, ничего черного.

Я пожал плечами. Каждый человек имел право на свои слабости.

— Я шел к цели, уже решив, что обратного пути нет. И я почти был у цели. И вновь помешали вы. Когда я сегодня утром увидел вашу картину... Вы увлеченно работали и даже не заметили меня. Так вот, когда я увидел... Боже! Даже я не был готов к этому! Это становилось невероятным! Это была копия картины Самойлова! Копия! Ни одной лишней линии! Все точь-в-точь. И я почувствовал беду! Вот она, возможность, чтобы все стало на свои места, как хотел Самойлов. Вот он — конец моим мечтам. Я навсегда потерял Марину. Она вновь стала всего лишь контуром на холсте. Ее больше нет. Мое открытие оказалось напрасным. Я совершил два бессмысленных убийства...

— Могло быть и три. И третье — самое для вас опасное. Убийство сыщика.

— Да... И все же... Все же я не отчаиваюсь! Вы вернете все, что отняли у меня. Я вновь сделаю Марину реальностью! Я вновь буду работать ночами, вычисляя нужное мне вещество! Я вновь буду победителем!

Но я не слушал его жалкие выкрики. Все, что рассказал Слон, казалось просто невероятным. И чудовищным. Но самой страшной загадкой оставалась загадка творчества. Как мы, два совершенно разных человека, сумели слиться воедино и придумать одинаковый мир? Как? Возможно, это одна божественная мечта, мечта о вечной любви, о вечном счастье, о вечном добре. Возможно, другая дьявольская сила соединила наш мозг в одно целое. Я этого уже никогда не узнаю. Я уже никогда не увижу Марину. Я потерял ее во второй раз. И, пожалуй, уже навсегда. Это я отнял у нее жизнь. Впрочем, возможно, я вернул ей ее жизнь, к которой она всегда стремилась. Все может быть в этом мире, как говорит Слон.

Слон молча держал пистолет. Он ждал.

— А теперь вы поедете, Тим,— наконец выдавил он. И его глаза сузились.

Я медленно встал. Я все еще стремился выиграть время. Еле передвигая ноги, я направился к выходу. И обернулся. Дуло пистолета смотрело мне прямо в лицо. И я отлично осознавал, что этот человек теперь ни перед чем не остановится. Я все больше и больше приближался к мысли, что он просто сумасшедший. Что генетические отклонения передались и ему. Но в гораздо более опасной форме.

— А вдруг вы убили доктора, Слон? — наконец выдавил я.— После вашей исповеди это выглядит вполне вероятным.

— Вам придется верить мне на слово.— Он посмотрел на часы.

Мы шли по длинному коридору. Я чувствовал за своей спиной дуло пистолета. Но старался оставаться спокойным. Было темно, но я успел заметить тень,

метнувшуюся за угол. Я обернулся. Слон ничего не заметил. И я мгновенно сообразил, что эта мелькнувшая тень — мой союзник. И, едва дойдя до угла, я сделал резкий рывок вправо. И одновременно раздался выстрел. И Слон вскрикнул от боли. Пистолет выпал из его рук.

— Черт! — выкрикнул он. И рванул в глубь темного коридора. Но Голова, а это был не кто иной, как он, одним ловким прыжком догнал его. И прижал к стене. И присвистнул от удивления.

— Ай да сюрприз! А мне сообщили, что вчера вас успешно похоронили.

— Как видите, и покойники иногда оживают,— кисло усмехнулся Слон, морщась от боли.

— А теперь, Слон, веди нас к Доку,— приказал я ему.

Бережнова мы нашли связанным в одной из кают. Слон не обманул меня. Ему он действительно был нужен живой.

Вскоре мы мчались к поселку. По дороге я успел вкратце пересказать историю Слона. Док и Голова слушали ее с жадностью, не пропуская ни единого слова. Для них это все казалось невероятным. Впрочем, как и для меня. Когда я поставил точку в своем повествовании, Слон повернулся ко мне, и на его безобразном лице выступило подобие улыбки.

— А ведь вы мне должны быть благодарны, Тим.

Я вопросительно поднял брови.

— Ведь именно я, и никто иной, подарил вам любовь. Без меня, без моих стараний, без моих бессонных ночей в лаборатории вы бы никогда не испытывали это чувство.

Я промолчал в ответ. В чем-то он был, несомненно, прав.

— Я породил вашу любовь, Тим,— не унимался Слон.— А вы ее убили. И чего вы добились своей правдой? Вы сами у себя отняли возлюбленную. А вы так и останетесь неизвестным, потратившим столько сил на воскресение чужого имени. Неизвестным художником, у которого даже любовь — в прошлом.

— Почему вы обо мне говорите в прошедшем времени, Слон? — криво усмехнулся я в ответ.— В отличие от вас я обладаю главным — свободой. И у меня еще будет возможность ею воспользоваться сполна.

— Но как? — не сдавался Слон.— Вы не сможете так резко перечеркнуть прошлое. А ваше прошлое всего лишь мираж. Вы любили мираж, Тим. И мираж писали. А мою причастность ко всему этому будет крайне сложно доказать. Ни один здравомыслящий человек не поверит, что возможно оживить натуру на холсте. Это бред, Тим! Марина утонула. И свидетель случившемуся — мой несчастный немой брат, который тоже утонул. А смерть Самойлова вы, кажется, доктор, лично зафиксировали.— И он вежливо поклонился Бережнову.— Бедняга отравился грибами. Сейчас так много случаев отравления!

И тут Голова, принципиально решивший молчать до официального следствия, не выдержал.

— Ну, Слон,— оскалился он,— не волнуйтесь. Ваши проблемы я легко разрешу. У меня, кстати, до сих пор болит плечо. Я не умею прощать боли, Слон. И одного выстрела в сыщика достаточно, чтобы вас пожизненно упрятать за решетку. А в остальном вы даже правы. Не стоит ворошить прошлое. Не стоит открывать ваше имя миру, чтобы не навредить ему. И смерть брата пусть останется на вашей совести, Слон. Ведь вы близнецы, если не ошибаюсь. И смерть одного из двойняшек рано или поздно приведет к тра-

гедии другого. А Марина... И в этом вы правы. Пусть она останется погибшей. Мы сумеем подарить ей прошлое, вернуть ее доброе имя людям. Впрочем, оно уже запечатлено на картине навеки. А смерть прекрасного художника, которого убили все-таки вы, я докажу, чего бы мне это ни стоило...

Слон сидел, низко опустив голову. Кровь просачивалась через марлю. И он морщился то ли от боли, то ли от монолога Головы. Сегодня он проиграл. Этот несостоявшийся артист, несостоявшийся музыкант, несостоявшийся художник, несостоявшийся ученый и несостоявшийся влюбленный. Человек, одаренный от природы, но так и не сумевший этими щедрыми дарами разумно воспользоваться. Что ж, и природа совершает ошибки. А впрочем, возможно, это очередные проделки дьявола. Как будет угодно...

Весь поселок собрался посмотреть на картину Самойлова. Люди ждали этого чуда долгие годы. И они увидели. По их возбужденным лицам, по их озаренным улыбкам, по их громким восклицаниям можно было легко понять, что они не ошиблись в выборе своего кумира.

Солнце играло золотистыми лучами на застывшем лице Марины. Да. Я любил мираж. Я творил мираж. И я подумал, если бы я раньше узнал о возможности воскресить неживую натуру и о невероятной возможности уже живую натуру облечь в мертвые рамки. Если бы я знал это раньше, стал бы дописывать эту картину? Стал бы своими же руками уничтожать самое дорогое в моей жизни?

— Ай да Самойлов!

— Ай да умища!

— А как прекрасна Марина! Никто, кроме него, не смог бы написать ее так!

— Пожалуй, мы в ней ошибались.

Я слушал эти восторженные возгласы. И грустно улыбался. Нет, выбора у меня не было. Выбор был один. Я правильно, мудро и честно поступил.

На меня не обращали никакого внимания. На известного художника, который никогда бы не смог сотворить подобное. Я здесь был лишним. Я широко улыбался. Запрокинул голову вверх и поймал лукавый взгляд южного солнца. Оно одобряюще подмигивало мне на прощание. И я помахал морю рукой. И оно благодарно зашумело в ответ. Оно тоже мне кричало: прощай!

Я забросил на плечо куртку. И широким шагом зашагал прочь. И все-таки Слон был не прав. Мне удалось восстановить доброе имя Марины. Мне удалось вернуть миру прекрасную картину. Мне удалось отыскать правду. И кто посмеет утверждать, что это напрасно. Что это всего лишь мираж...

Мы сидели с моим другом Головой на кухне. Тянули холодное пиво и беспрерывно курили.

— Что ты имеешь на сегодняшний день, Голова?

— Однокомнатную квартиру, полное одиночество и без пяти минут заявление об уходе с любимой работы.

— Тебе нечего терять, Голова...

— А что ты имеешь на сегодняшний день, Тим?

— Разменную квартиру, полное одиночество и ни одной картины, которую бы признал мир.

— И тебе нечего терять, Тим. А это значит...

А это означало, что перед нами была распахнута жизнь. И в ней никогда не поздно было все начать сначала...

АО "ДРУЗЬЯ ЮНОСТИ"

Уважаемый подписчик!

Мы создаем игровое акционерное общество "Друзья Юности". Что нужно для того, чтобы стать акционером? Самое малое: вырезать купон, заполнить требуемые данные и отправить его нам. В чем смысл? Мы хотим, чтобы дружеские связи между журналом и Вами крепили, чтобы создавалась постоянная родственная семья - чтобы мы знали Ваши беды и радости и по возможности помогали Вам, а Вы не забывали о журнале и высказывали свои пожелания.

Игровое акционерное общество и создается с этой целью. В каждом полугодии будет публиковаться один купон. Если Вы - наш постоянный подписчик - пришлете три купона, то в конце будущего года получите приз-сюрприз.

(см. на обороте)

АВТОМОБИЛИСТЫ - БЕРЕГИТЕ РЕЗИНУ

Предлагается устройство
для контроля
и регулировки
схода-развала колес
автомобилей
ВАЗ, Волга, Москвич, ЗАЗ

Доступно любителям

Оптовым покупателям
существенные скидки

Контактный телефон:
251-46-84

купон купон купон купон купон купон

АО "ДРУЗЬЯ "ЮНОСТИ"

Фамилия _____

Имя, отчество _____

Индекс,
адрес _____

купон купон купон купон купон купон

Слуховые аппараты
заушного типа
фирмы

"ОТИКОН"
(Дания)

Высокая эффективность
коррекция слуха
надежность

гарантийное
обслуживание

Оптом и в розницу

Звоните:
251-46-84

Уникальные светящиеся в темноте

изделия,
краски, композиции,
материалы,
изготовленные с помощью
экологически безопасных
люминофоров
длительного свечения
предлагает

фирма

"ЛЮМИН"

*Возможно использование
в быту*

Худейте на здоровье!

Предлагается
американский продукт
диетического питания,
способствующий
выведению шлаков,
снижению холестерина,
омоложению кожи

Контактный телефон
по всем рекламам:
(095) 251-46-84

ДВЕ РОКОВЫХ СУДЬБЫ

Георгий Владимирович Маслов родился в 1895 году в Симбирске в семье столбовых дворян. Окончив 1-ю Симбирскую гимназию, он в 1910 году поступил на историко-филологическое отделение Петербургского университета и поселился у Е. В. Гиппиус, сестры своей бабушки. Е. В. Гиппиус была матерью поэтов Владимира и Василия Гиппиусов.

В это же время Маслов начал писать стихи и стал одним из основателей кружка молодых поэтов, примыкавших к студенческому Пушкинскому обществу.

Среди участников студенческого поэтического кружка была невеста, а затем жена Маслова Елена Михайловна Тагер (1895—1964). Их свадьба состоялась 6 ноября 1916 года. На лето 1917 года молодые уехали в Симбирск к родителям Маслова. Осенью Г. Маслов должен был вернуться в Петроград сдавать государственные экзамены, но после Февральской революции он сблизился с партией конституционных демократов, увлекся общественной деятельностью и остался в Симбирске. Это решение стало поворотным пунктом в его жизни.

Весной 1918 года во время мятежа чехословацких военнопленных на Волге Маслов примкнул к антибольшевистскому движению, поступил в армию и во время отступления ушел с ней до Омска, оставив беременную жену в Симбирске. Жена родила дочь, которую назвали Авророй в честь героини поэмы Маслова «Аврора», его главного поэтического труда. В Омске Маслов одно время служил рядовым в охране «Верховного правителя России» — адмирала Колчака.

14 декабря 1919 года войска Колчака оставили Омск. Г. Маслову, он к этому времени уже нигде не служил и был простым беженцем, удалось занять место в теплушке. Во время отступления среди войск и беженцев возникла и быстро распространилась эпидемия сыпного тифа.

Известно, что тяжелобольной Маслов был снят с поезда в Краснопреске и помещен в городскую больницу, где скончался 14 марта 1920 года. До последнего дня он вытравлял поэму «Аврора».

В заключение — о поэме. История ее создания такова. Аврора Карловна Шернваль родилась в 1808 году в Финляндии; с ранней юности она и ее старшая сестра Эмилия отличались редкой красотой и были окружены восторженным поклонением. Сестре посвящены строки Лермонтова. А Баратынский, служивший одно время в Финляндии, посвятил стихи Авроре.

Но судьба ее складывалась драматично, и вот в чем дело. Первый ее жених, молодой гвардейский офицер, умер до свадьбы. Убитая горем Аврора уехала к сестре Эмилие в Москву. Через несколько лет была объявлена ее помолвка с полковником А. А. Мухановым, камергером и литератором. Но злой рок тяготел над Авророй: перед свадьбой А. А. Муханов тяжело заболел и скончался.

Прошло еще несколько лет. В 1836 году Аврора вышла замуж за известного богача и благотворителя графа П. Н. Демидова. От этого брака у нее был сын Павел, впоследствии унаследовавший в Италии титул князя Демидова-Сен-Донато. Существует портрет Авроры кисти Карла Брюллова, написанный в этот период. Однако брак Авроры продолжался всего 4 года: в 1840 году граф Демидов умер.

И вновь Аврора пытается найти свое счастье в браке с Андреем Карамзиным, сыном Н. М. Карамзина, блестящим гвардейским офицером, который был на 6 лет моложе ее. Родные с обеих сторон долго сопротивлялись этому браку, но «любовь восторжествовала над сопротивлением силою», как писал князь Вяземский. Свадьба состоялась в 1846 году. Однако Аврора и Андрей недолго наслаждались счастьем: в 1854 году Карамзин был убит в Дунайской армии. Аврора же дожила до глубокой старости и умерла в Финляндии в 1902 году.

Аврора

Поэма

ПОСВЯЩЕНИЕ

Разыщут ли Вас эти строки
В краю изгнания и разлук,
В Чите или Владивостоке,
Мой грустный, мой прекрасный друг?
Пронесся вихрь, мечтанья руша,
Расстаться было суждено,
И не сольются наши души
В неизъяснимое одно.
Но и вдали Ваш голос слышу
В печальный сумеречный час,
Из кованных четверостиший,
Рожденных блеском Ваших глаз.
Души певучего простора
Храню для Вас полярный лед.
Не Ваши ли взгляд меня, Аврора,
В беззвездье ледяном ведет?

10 сентября 1919 года.

1.
Под крутизной скалы суровой
С поэтом ты легла на мхи,
И эхо в просеке сосновой
Твердит чудесные стихи.
Их выучит Россия скоро,
Журнальный осмеет Зоил,
И лишь тебе одной, Аврора,
Их сдержанный и строгий пыл.
Награда — розовая кашка,
Девичьей кисее под цвет.
И мнет солдатскую фуражку
В смущении молодой поэт.

2.
Тебе певцы слагают оды,
Тебя рисует карандаш,
Но подпоручик безбородый —
Твой верный и любимый паж.
Закат укутал стаю тучек
В малиновую ешвицу:
О счастье молит подпоручик,
Склоняясь к твоему плечу,
И слаще бред его бессвязный
Стихов Авроре и Заре.
О, девушка, свой май отпразднуй,
Не думая о декабре.

3.
Снежинки — звездочки на крепе.
Ты мечешься в лесу одна.
Ты в мире, будто в смрадном склепе,
Судьбой живьем схоронена.
Толпа у рыхлого сугроба,
На нем следов воровных сеть.
Ты помнишь — бледный лик из гроба,
И невозможность умереть.

4.
Тогда в родительском совете,
Чтоб на душу не брать греха,
Решили, что в блестящем свете
Она забудет жениха.
Сестра Эмилия сняла —
Казалась раем ей Москва,

Но все равно душе усталой,
Где смерть предъявит ей права.

5.
Великолепием гостиных
И вихрем лиц не смущена,
Ты для законов света чинных
Была, казалось, рождена.
Ты шла, не опуская взора,
В толпу кидая сноп зарниц.
С твоим явлением, Аврора,
Бежала тень угрюмых лиц.
Тебя князь Вяземский заметил,
Языков был пленен тобой,
И Александр Тургенев встретил
Веселым смехом лепет твой.

6.
Еще любовь — еще удар.
До свадьбы не дожидь невесте.
Ты поняла — твой юный жар
Сулит и рай, и гибель вместе.
Кто видел раз небесный сон,
Тому земные грезы грубы, —
И на смерть роком обречен
Поцеловавший эти губы.

7.
Но и печаль тебе к лицу,
Моя финляндская Венера, —
Ты третий раз пошла к венцу,
Чтоб стать подругой миллионера.
Отца прельщало слово «граф»,
Твердила мать о южных вилах,
И нежным ласкам рук немых
Ты отдалась, мечтать устала.

8.
Как он любил твой мрамор строгий,
Печаль в сиянии синих глаз,
И непонятные тревоги,
И о былой любви рассказ!
Изведав жуткий лед объятий,
Тоской и страстью истомлен,
Он шел в малиновом халате
Мечтать о счастье на балкон.

Голгофа свадебной поездке
Не так казалась тяжела —
Лицо ласкает ветер резкий,
Горит церковная нгла,
Лениво моет скалы море,
Туманно голубеет даль.
И мысль — молитва об Авроре,
Как расцветающий миндаль.

9.
Прошло в нути четыре года.
Тоска его вперед гнала.
Зачем богатство и свобода,
Когда а душе седая мгла?
Он не нашел забавенья в спорте,
В вине, в голландских мастерах
И где-то в северном курорте
Скончался на ее руках.

10.
Ты оценила нежность друга.
Любовь, быть может, шла вдали.
И было грустно гроб супруга
Почтить крупинками земли.
Отныне ты ходила в черном,
Знакомых аидеть перестав,
Себя орудием покорным
Судьбы таинственной сознав.
Ты ждешь покоя от свободы.
Тебя несчастье сожгло!
Твои ствворяющие годы
Украсит Царское Село.

11.
От страсти аерная опора,
Приходит старость. Дни летят.
Но не укрыть тебе, Аврора,
Свой ослепительный закат.
Поэт ирославил это лето.
В год Севастопольской войны
Все были жгучим морем света
И блеском зорь опьянены.
Прогулкою себя измучив,
Ты кормишь лебедей семью.
Твой старый обожатель Тютчев
Садится рядом на скамью.
«А в вас, прекрасная Цирцея,
Несчастный юноша влюблен».
И, от предчувствий холодея,
Ты спрашиваешь: «Кто же он?»
«Отец — историк знаменитый,
А сам он — статный офицер.
Но ваше сердце из гранита,
И страсть излечит револьвер».
Ты голоу склонила ниже:
Так не пришел покоя час.
А лебедь подплывает ближе,
Прельщенный блеском синих глаз.

12.
Украли сердце у тебя,
И стала ты рабыней вора.
Ты ищешь, мучаешь и любя,
Спасенья от любви, Аврора.
Но у притихшего пруда,
Зажженного зарей прекрасной,
Ты, охмелев от речи страстной,
Смущенно прошептала: «Да».
Он, став коленом на гранит,

Целует ледяные руки,
Пусть ты опять идешь на муки,
Но сердце, как заря, горит.

13.

Он был лет на десять моложе.
Иной жены хотела мать.
Но страстью, на болезнь нохожей,
Сумела ты его сковать.
Ты, свой осенний пир справляя,
С пути препятствие смела,
И мать, тревожась и страдая,
Не согласиться не могла.
А сердце рвется от укора,
И на ступенях алтаря,
Несчастья вестница, Аврора,
Передзакатная заря.

14.

В торжественном молчанье бора
Медовые часы летят.
Ты снова счастлива, Аврора,
Как восемнадцать лет назад.
У этой ели исполинской,
Раскрыв заветную тетрадь,
Любил покойный Баратынский
Свои стихи тебе читать.
Кружит широкая дорога
В темно-зеленой раме мха.
Здесь в первый раз, стыдясь немного,
Ты целовала жениха.
С концом сливается начало,
Не умирал он никогда.
Воспоминанье замолчало.
Ты влюблена и молода.

15.

Аврора, ты в венке из мака,
Пылает роза у плеча,
И говорят о тайнах брака
Глаза — два огненных меча.
Найдя предел земному счастью,
Муж бредит целый день женой,
Ее неутолимой страстью,
Ее таинственной тоской.
Он спит. Шипит, потухли свечи,
Рассветный холод. Тишина.
А ты, Заря, заре навстречу,
Стоишь, пылая, у окна.

16.

Одна любовь его отрада.
Но офицеру выше долг.
Окончен отпуск. Ехать надо.
Границу переходит нолк.
Какую огненную муку
Ему губами ты вожгла,
Когда на страшную разлуку
Судьба сунруга обрекла.
Утихло наконец волнение,
Настал отчаянья покой.
И ты прочла без удивленья:
«Андрей скончался как герой».

17.

Как хорошо расстаться с горем,
Когда горячим днем идешь
И буйным желтоводным морем

Тебя кругом ласкает рожь.
Заснул ленивый оборванец
У солнцем залитой межн,
Разлился по небу румянец,
Шныряют легкие стрижи.
Вдали веселой речки блески,
Сторожки выходящий дымок.
И треплет серебро прически
Сухой восточный ветерок.

18.

Но не с седыми волосами
Ты появилась предо мной,
В обыкновенной черной раме,
В соседстве с милой старинной.
Я не забуду наших встречи,
Кудрей крутые завитки,
И беломраморные плечи,
И взгляд, исполненный тоски.
И под глазами роковыми,
Нежданной песнею горя,
Твержу пленительное нмя,
Сияющее, как заря.

Публикация и предисловие
Аллы ГЕЛИХ

Рубрику ведет Юрий БЕЛИКОВ

...Видел ли ты лисички? Это такие грибы, которые собирает известный тебе Коля Бурашников на родине Петра Ильича Чайковского под Воткинском. Ты сразу же переделаешь Воткинск в Водкинск и будешь отчасти прав. Если говорить о сумме, то чуть ли не за магарыч собирает их и сдает Коля каким-то заезжим оборотистым людям. А те — тут же — уже за валюту переправляют лисички в Европу, где из грибов делают некую вытяжку — от самой тяжелой болезни. «Вот, — взовьешься ты, — наивные аборигены! В этом — вся провинция!» Конечно, вся. Знаю, что ты не продешевил бы. А мы не дешевить не можем. Иначе устроены... Написал тебе про лисички и опасливо покосился на письмо: вдруг ты сейчас схватишь ножик и полиэтиленовый кулек и устремись в лес?..

(Из писем московскому другу)

* * *

Ни за что не поеду в Москву.
Ни за что я в Москву не поеду.
Вас и так разгонять в ней тоску
Со всего понаехало свету.

Ну и как, разогнали тоску?
Славы солнышко ярко ли светит?
Разбазарили только Москву,
Обезглавили, сукины дети.

И надежных людей — поискать.
Ведь какого ни взять вертопраха,
Всяк, чтоб кузькину мать показать,
Шапку меряет Мономаха...

Николай БУРАШНИКОВ

Фото Виктора Чувьязалова

ИСПРАВИТЕЛЬ ИМЕН

ИВАН КИВАЕТ НА ИВАНА

Его можно встретить в самом неожиданном месте. На этот раз он предстал передо мной в коридоре здания Красноярской красной администрации, когда там еще не был введен пропускной режим и шла подготовка к выборам главы.

— Пришел выдвигать свою кандидатуру на пост губернатора, — заявил он вполне серьезно. Впрочем, в его интонации, как и во всем образе жизни, грустное и смешное, серьезное и нелепое давно переплелись в единую крону.

— Ты посмотри, — продолжал он наставительно, — кто выдвигается. Три Валерия — это ведь беспашабинные авантюристы. Сергей — посредственный и обидчивый. Петр — тиходум. Юрий — изменчивый. Только Иван в состоянии спасти Россию!

— Погоди, какой же ты Иван? Ты, насколько я помню, Алексей...

— Нет, все, обратно переименовался: Алексей свою функцию выполнил.

— Ясно, ради спасения России и не на такое пойдешь. А что зубы не вставишь, как-то несолидно губернатору...

— К сентябрю они сами вырастут. В этом месяце много значительных событий происходит. Недаром царь Салтан говорил:

**«И рода богатыря
Мне к исходу сентября...»**

— Ты, поди, тоже в конце сентября родился?

— Догадливый.

Однажды он ввалил в редакцию газеты «Красноярский железнодорожник». Причем заметно на взводе, в состоянии веселой агрессии. Невысокого роста, худощавый, он занял всю довольно большую корреспондентскую комнату:

— Толик, Саня, Ванюха, Галка, так вашу раззтак... — Он лез обниматься к журналистам, недавно получившим «соответствующие разъяснения» за теплый прием посетителей. Имена, а равно и отчества он никогда не путал: в его памяти внешний облик человека, характер и имя всегда слиты воедино.

В редакции Ивана (Алексея) Карнаухова хорошо знали. Помнили его эволюцию от скромного художника-графика, робко предлагающего свои рисунки, до Славянского Бога, готового спасти Землю Русскую и все человечество.

— Иван, линия отсюда — шеф сегодня активный, и тебя с лестницы спустит, и нам влияние.

— Что? Он! Меня!

Я повел его по улицам, где он упорно пытался объяснять

встречным, как надо жить, а как не следует.

При подходе к остановке вроде успокоился, но в трамвае наступил новый приступ оживления.

— Гляди, сразу трое мою книжку читают! Я давно говорил, что народ потихоньку начинает уметь. Господин, вас как зовут? Я вам дам полную характеристику: я автор книги, хотите, автограф бесплатно оставлю?

От него отмахивались. Кто мог предположить, что неряшливо одетый, пьяный замухрышка, растерявший зубы и пуговицы, написал, оформил и, найдя спонсоров, издал тиражом 70 тысяч (!) экземпляров популярную брошюру «Русский гороскоп»?!

У меня давно лежало это творение с дарственной надписью, но близкое знакомство с автором мешало приступить к чтению. Однажды на вопрос, изучил ли я его «монографию», я полушутя ответил, что некогда: Достоевский нечитанный стоит. В ответ услышал изречение, поразившее меня своей скромностью: «Зачем тебе Достоевский? Прочитай мою книгу и будешь жить долго и счастливо!»

Серьезных исследований астрологов, древних китайцев и отца Павла Флоренского Карнаухова не читал. Арсения Тарковского («Но имя к нам так крепко припечатано...») — тоже. Он вообще больше пишет, чем читает, хотя и пишет немного. В недавно изданных «Именах» о. П. Флоренского, достойного предшественника нашего Ивана, сказано: «По имени и житие, а не имя по житию...»

Как видите, Иван Иванович возник не в стороне от столбовой дороги науки, а принял эстафету великого философа, ни сном, ни духом не ведавшего, в чьи руки она попадет. А, кстати, если «посравнить да посмотреть», то вот что мы находим. У Флоренского: «Для Николая наиболее характерно действие, направленное вовне. Он слишком рассудителен, чтобы прислушаться к подземному прибою в себе...» У Карнаухова: «Николай — разговорчивый, странно говорящий, советующийся, себялюбивый». А ведь какая-то переключка имеется!

Каждый, как бы скептически ни относился он к подобным изысканиям, все-таки поищет в этом трактате свое имя на предмет ознакомления с собственной характеристикой. Я, например, своей остался доволен. Думаю, приятно будет Андрею узнать, что он «духовно-нравственный», или Анастасии получить определение «надежной в делах, речах, поступках, сострадающей, открытой». А вот горемычный Кузьма выяснит, что он — «говорящий в ущерб себе». Близкие Вадима станут с ним осторожнее, познав, что он «бесстрастный, напористый, доходя-

Славянский бог Иван Карнаухов. Автопортрет.

щий до потери совести». Себя Карнаухов не обидел. С его точки зрения, Иван Иванович — «раскрывающий тайный смысл слов, речей, дел».

Еще имена надо время от времени уметь менять. Побыв несколько месяцев Алексеем, что он упорно внушал себе и окружающим, Карнаухов избавился от некоторых болезней, окреп материально. Теперь на повестке дня у него спасение России, а для этого, по убеждению Ивана Ивановича, его исконное имя-отчество наиболее подходящее.

Пока политики разных рангов и воззрений бьются за наше счастье, Иван приготовил гениальный проект достижения всеобщего благоденствия. Надо на каждый более-менее значительный пост посадить человека с оптимальным для данного рода занятий именем и отчеством. Или в крайнем случае уже имеющегося лидера перекрестить на нужный лад.

С точки зрения Карнаухова, вера, необходимая нам для спасения, — дохристианская, языческая, славянская. В поисках литературы на эту тему он забрел даже в православный храм и обратился к священнику с вопросом: не отыщется ли у них соответствующих книжек? Отнесли к его вопросу по-христиански смиренно.

Не так давно Иван понял, что он не кто иной, как... Славянский Бог, который при помощи вещественных знаков (пояс, кольцо и рог) может творить любые чудеса, но пока воздерживается...

А порой так хочется, чтобы он в очередной раз неожиданно нагрянул. Со своими сумасбродными идеями, доброй, чуть ироничной улыбкой, полной незащищенностью. Никто точно не знает, где и на какие пиши он живет, куда исчезает на месяцы, откуда возникает. Мистика какая-то.

Последнее его казенное место — художник в кинотеатре. Поскольку это отвлекало от глобальных проблем, пришлось расстаться с твердым заработком и статусом российского служащего. К чему сие существо высшего порядка?

Иван пропал. Уже давно никто его не видел, шатающегося по улицам и редакциям, стоящего среди толпы с высоко поднятым указательным пальцем и проповедующего свои непреложные истины (одни криво усмеваются, другие внимательно конспектируют). Может, вознесся туда, где положено быть Божеству, а может, растворился в этом сумрачном мире, стремясь спасти его своей чудаконатой сутью...

РУССКИЙ ГОРОСКОП, ИЛИ ТО, ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ ИВАНА КАРНАУХОВА *

I

...Буква «А» в имени человека указывает на внезапность в жизненном пути. «П» и «Б» — напористость, упорство в преодолении препятствий. «В» — душевность. «Г» — дар красноречия. «Д» — согласие, сердечность. «Е» — расчетливость, хитрость. «Ж» — мягкость в жизни, любовь к человеку, природе. «З» — жизнестойкость, жизнелюбие. «И» — ум, склонный к размышлению, расчетливость. «К» — твердость. «Л» — любовь, «М» — мнительность, беспокойство (маета в душе). «Н» — движение, подвижность. «О» — открытость. «Р» — рассерженность, раздражение, обидчивость. «С» — стабильность, совестливость, степенность. «Т» — чувственность. «У» — углубленность в себя, упрямство. «Ф» — фатальность, неизбежность. «Х» — бескомпромиссность. «Ц» — целеустремленность, целомудрие. «Ч» — отважность. «Ш» — глухота, тишина, порядок. «Э» — зазнайство. «Ю» — изменчивость. «Я» — себялюбие. «Й» — краткость, «Ь» — мягкость. Таким образом, имя человека — это код судьбы.

Каждая буква в имени — это и предрасположенность к болезни. Например, «А» — внезапная болезнь, смерть. «В» — болезнь сердца, внутренних органов. «Н» — болезнь ног, суставов. Если в имени есть буква «Ю», человека тянет к теплу, на юг, к уюту, он изменчив в жизни, в отношениях с людьми. Буква «Ч» в конце отчества придает мужчинам отважность, а буква «А» женщинам — внезапность, загадочность. Большинство мужских имен начинается и заканчивается согласной буквой, а у женщин — наоборот. Поэтому

* Печатается в сокращении.

мужской пол — более вдумчивый, логичный, готовый к жизненным трудностям, а женщины более выносливы.

Имя человека, как и все в жизни, имеетлицевую и обратную сторону, может приносить пользу, а может и вред.

Чем больше букв в имени, тем человек поверхностнее мыслит. По этому поводу у одного китайского мудреца спросили: «С чего бы он начал, если бы был правителем страны?» Он ответил: «С исправления имен».

Обратимся к глубокой древности — Руси дохристианской, языческой. В исторической литературе о языке говорится до обидного мало: Перун, Ярило, молились дубу, совершали жертвоприношения... А между тем языческая религия — это первоначальная славянская вера. Люди высокого роста, русоволосые, добрые — такими предстают наши предки. Доброта, доброжелательность... По утверждению психотерапевтов, люди со светлыми волосами чаще обладают этими качествами. И тем не менее люди с противоположным цветом волос питают друг к другу наибольшие симпатии. В народе про такое свойство говорят: «Добро и зло рядом идут».

Язычники знали секрет долголетия. Вспомним сказку о Кощее Бессмертном. Попробуем найти в ней послание из древних времен о законе бессмертия каждого человека. Обратимся к последней строке: «Сказка — ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Добрый молодец — значит, урок адресован именно ему, а не девушкам, не детям, не пожилым людям. Какому по имени доброму молодцу — урок? По сказке — Ивану. Значит, урок доброму молодцу (примета — волосы) по имени Иван. Но Ивану понять намек может помешать его отчество. Иван Николаевич — «простой, пространно говорящий». Иван Васильевич — «простой, цепкий». И только Иван Иванович — «раскрывающий тайный смысл слов, речей, дел».

Далее. Дуб — это намек на языческую веру: молились дубу, который обладает целебными свойствами. Хрустальный ларец — это что? Хрусталь даст людям острый ум, ведет к богатству. Цепь связывает здоровье, острый ум, богатство — необходимые признаки долголетия. Заяц — намек на людей с разными именами-отчествами, которые «петляют», но не могут найти близкий путь к знанию о долголетии, бессмертии. Утка — намек на звук имени, когда человек произносит свое имя или имя близкого ему человека. Яйцо — намек на более часто произносимое имя или имя-отчество. Игла — намек на согласный звук в имени-отчестве. Таким образом можно понять намек сказки: болезни человека возникают от звуков, а именно — от более часто произносимых и слышимых имен-отчеств. Поэтому в народе говорят: «Слово лечит, слово и калечит».

В этом я убедился при исследовании имен. Произносятся имя «Алексей» про себя в течение трех-четырёх месяцев, можно избавиться от болезни ног, «Мамка», «Томка» — ведут к болезни желудка.

Загадочно, но имеются многочисленные факты, что при браке с людьми, в именах которых есть буква «Ш», противоположный пол умирает раньше.

Зависимость между долгожительством и именем человека несомненна. Раньше долго жили в основном отшельники, люди, ведущие уединенный образ жизни. Отсюда закономерность: чем меньше человек слышит свое имя или имя близкого человека (не сотвори себе кумира!), тем продолжительнее он живет. Травмы, несчастные случаи, внезапная смерть — от красивых, «звучных» имен-отчеств, зачастую имеющих ударение не через одинаковое число слогов. Влюбившись и произнося другое имя, мы вначале как бы «лечимся» и через продолжительное время (от 1 года до 10 лет) «калечимся» — заболеваем. Труднопроизносимые имя и отчество — залог того, что человек лучше перенесет труд, тяжёлые условия, но при этом он быстро стареет и умирает.

II

По представлениям древних, тот, кто дает имя новорожденному, берет на себя большую ответственность перед ним; имянареченный, за редким исключением, обычно не любит имянаречителя. В течение жизни имя приносит человеку волнения, неприятности, иногда нелегкую судьбу и в какой-то мере груз ответственности за это ложится на имянари-

цателя. Поэтому имянаречение (крещение) с древнейших времен происходило в церкви. Имянаречитель (священнослужитель) для того, чтобы его имя не отразилось неблагоприятно на взрослой жизни человека, заменял свое имя при поступлении на церковную службу.

Если имя ребенку дали непосредственно отец и мать, то ребенок может недолюбливать и своих родителей. В народе про такого говорили — некрещеный. С таким не заводили дружбу, не заключали брак, ему не везло в жизни, по его вине могли возникнуть даже войны... Не отсюда ли возросли в нашей стране черствость, бездуховность, преступность? Вам делать выводы.

Почти все, хотя и отдаленно, знают трактовку своего имени из легенд, из словаря имен. Но конкретно — почти никто. А между тем, какое бы воспитание-образование ни получил человек, личная характеристика, множество привычек, «благодаря» имени, остаются у него лишь немногие измененными. Говорят: «С кем поведешься, от того и наберешься». Например, супруги Ирина и Николай. В браке Ирина становится поверхностно мыслящей, мстительной. Коля — раздражительным, расчетливым. Это итог взаимовлияния букв «О» и «Р» в их именах.

У всех народов мира есть свой ритуал знакомства. Называя свое имя, люди как бы предупреждают друг друга: «Я верю, что, зная мое имя, ты не причинишь мне зла».

Человек совершил проступок. Причины ищут, где только можно, но не в имени. Не обращают внимания на то, что значит его отчество. А, зная это, люди во многом бы разобрались, либо предотвратили бы данный проступок. Директором одного оперного театра лет десять назад был Иосиф Виссарионович Григоропенко. Когда его при всеобщем недовольстве все же сняли, люди задумались: случайно ли совпадение его имени с именем общеизвестного диктатора?

Имя-отчество можно сравнить с обувью: изнасилась обувь — идет в утиль, «изнасилось» имя-отчество — человек умер. Степень изношенности обуви зависит от среды, в которую она попадает, степень «изношенности» имени также зависит от среды обитания и проживания. Так же, как и у обуви, в имени-отчестве заключены качество, дань моде, надежность.

III

Некоторым покажется такое утверждение необоснованным. Ведь мы не обладаем картотекой «историй болезней» людей со дня рождения и до их смерти. Но есть убедительные наблюдения того, что люди, до заключения брака имевшие одинаковые имена-отчества, имели одинаковые заболевания. Или так: чтобы узнать пол будущего ребенка (первенца), нужно подсчитать число букв, отдельно взятых в имени матери, потом отца. Если в имени отца больше звучных согласных букв, значит, родители должны ожидать мальчика. Если у матери — девочку. Чем ближе ударение к началу слова, тем буква звучнее.

Первым умирает, если нет травм, тот из супругов, в имени которого больше согласных. Если первенец мальчик — первым умирает отец, и наоборот. Отсюда вывод: чтобы был продолжительный брак, у супругов должны быть имена как можно более созвучны и с равным числом букв, либо при заключении брака, наряду с фамилией, надо брать созвучные имена.

Как можно отремонтировать обувь, так человек может сменить и характер работы — выйти на путь выздоровления. Но, как всякий ремонт, этот путь недолговечен. Советы медицины люди часто игнорируют. Поскольку имя властвует над человеком, то оно — лучший лекарь. Сменив имя, вы через 1—2 года почувствуете улучшение своего здоровья. Я уже обращался к примеру: взяв имя Алексей, повторяя его при ходьбе, через два-три месяца можно избавиться от болезни ног. В данном имени отсутствует буква «Н», что, согласно коду, предрасполагает к этой болезни. К тому же у вас появится новое качество: будете более экономны в деньгах, пище. Но в то же время, чрезмерно часто повторяя это имя, можно нажить сонливость, головные боли.

Для снятия головной боли произносите «легкие» звуки,

исключающие буквы «З», «Ш», «С». Избегая произнесения отчества, вы продлеваете молодость того, кого зовете, «задерживаете» наступление к нему старости, наследственных болезней.

Давая или беря новое имя, нужно его «примерить» так же, как обувь. Для здоровья — одно, для долголетия — другое...

Есть интересный способ узнавания о себе или другом человеке. Например, вас зовут Леонид Сергеевич. Согласно характеристике имен, определяем: веселый, хитроватый в делах, умный, красиво говорящий и много помнящий.

Расставив ударения в имени и отчестве (на «И» и «Е»), узнаем: через одинаковое число букв — долгожитель, характер спокойный, уравновешенный. От отчества предрасположенность к наследственной болезни (как у обуви начинает изнашиваться каблук). В отчестве этот «каблук» — ударная гласная и следующая за ней буква. В данном случае — «ев». Отсюда заключаем: болезнь будет продолжительной, возникнет к старости, врачи не сразу ее определят.

Буква «Н» в отчестве наиболее часто встречается у женщин. Следовательно, у них чаще заболевания ног в пожилом возрасте.

Есть группа имен, где предрасположенность к болезням прослеживается более четко. У имен с буквой «Н» — болезнь ног (Анна, Иван, Степан, Антонина), с буквой «В» и «Р» — сердце, неврология (Валя, Сережа), «Ш» — область головы (Саша, Алеша). Человек с редким, необычным для местности обитания именем обычно долго не живет.

«Цепкие», или «кошачьи», имена — Катя, Вася, Галя, Оксана. Люди с именами, оканчивающимися согласной буквой, более замкнуты к себе. Буква «Ш» указывает на тихих, расчетливых, тугоухих, точных. Чистые имена — Вера, Надежда, Анастасия, Любовь. Софья — имя, вобравшее в себя все «чистые» имена. Посредственные имена — Сергей, Светлана. Схожие по характеру мужские и женские имена: Елена, Иван — дарят, принимают подарки. Люди со схожими именами, как правило, не питают особых симпатий друг к другу. Василий — Алексей, Любовь — Валентина.

Есть имена (мужские и женские), наиболее симпатизирующие друг другу: Сережа — Наташа, Олег — Нина, Владимир — Ирина, Иван — Мария, то есть противоположного звучания. Так, можно утверждать, что при дружбе, браке люди тем больше симпатизируют друг другу, чем меньше в их именах общих согласных звуков. Но такие симпатии обратно пропорциональны продолжительности брака, жизни одного из супругов. Исключение — Иван — Мария, когда один из супругов намного старше.

Чем больше звучных гласных букв в корне имени, тем больше вероятности, что человек с таким именем прославится.

Маета в душе, в делах часто связана с женщиной, в имени которой буква «М» — Марина, Мария, Тамара. И, напротив, с мужчинами, имена которых Дмитрий, Владимир, Артем. Люди с такими именами часто и сами испытывают в жизни беспокойство и маету.

Есть семьи, в которых какое-то имя становится родовым. Такова причина возникновения «зеркальных» имен-отчеств. Например, Иван Иванович, Алексей Алексеевич... Тогда характер человека приобретает углубленный вид, новое свойство. Пусть каждый подойдет к нижесказанному с разумной долей осторожности и непредвзятости, но... Алексея Александровича по праву можно назвать лучшим бизнесменом России, Анатолий Данилович — мастер речи, Андрей Андреевич — мягкосердечный, почти по-женски обаятельный. У Валентина Валентиновича авантюристические склонности во всем. У Максима Максимовича философский склад ума. Сергей Викторович — ни себе, ни людям. Анна Михайловна — полноправная хозяйка. Валентина Михайловна — хозяйка своих чувств. Алла Александровна — остролосная, безмятежная. Вера Ивановна — всепрощающая, узнаваемая. Елена Сергеевна — умница...

Все, о чем я бегло поведал, вы вольны пропустить мимо ушей, только помните об одном: имя человека властвует над ним...

Красноярск

Александр РОДИН

ВОПЛЬ

Раздумья

Рембрандт. Три креста. Офорт.

Александр Родин встретил Победу в Германии сержантом артиллерийской батареи и кавалером ордена Славы. Инженер по образованию, по призванию он сочинитель. Из небольших лирических рассказов постепенно составились две книги: «Летний зной» (1980) и «В общем вагоне» (1986). В 1991 году увидела свет повесть «Каинова печать» — литературная мистификация, в которой история лермонтовской дуэли рассказывается от лица Николая Мартынова. В прошлом году издательство «Фольк унд вельт» выпустило эту повесть на немецком. Автор на деньги, выплаченные издательством, поехал не в Берлин на презентацию, а в... Иерусалим, чтобы внести последние штрихи в уже почти завершенное повествование «Вопль», которое мы предлагаем вашему вниманию.

Затем, сделав последнее усилие, Он издал последний вопль.

Ф. Фаррар. Жизнь Иисуса.

Вдруг Он испустил ужасный крик (Ев. Матфея XXVII, 50; Марка XV, 37; Луки XXIII, 46; Иоанна XIX, 30), в котором присутствующие услышали слова: «Отче, в руки твои передаю Дух Мой», — другие же, более занятые мыслью об осуществлении пророчеств, передали этот вопль в виде одного слова: «Свершилось!» Голова Его склонилась на грудь, и Он умер.

Э. Реиан. Жизнь Иисуса.

Внезапно раздался неожиданный, душераздирающий вопль, который все еще леденит наши сердца.

Ф. Мориак. Жизнь Иисуса.

ПО ПОВОДУ СКАЗАННОГО В ЭПИГРАФАХ

Первое по времени Евангелие писалось Марком во второй половине 60-х гг. н. э., то есть примерно 30 лет спустя после распятия Христа, Евангелия от Матфея, Луки, Иоанна были написаны позже. Тридцать лет — срок немалый, и вполне вероятно, что слова, произнесенные Иисусом перед смертью, были переданы евангелистами не совсем точно, тем более ни Марк, ни Матфей, ни Лука, авторы синоптических Евангелий, при распятии не присутствовали. И вообще: можно ли было в тех условиях услышать, разобрать слова? Бесчисленные живописные полотна, в том числе и принадлежащие кисти великих художников, изображают картину казни таким образом, будто Иисус висел на кресте высоко над толпой. Но это неверно: крест не был высоким, ноги располагались, опираясь на подставку-перекладину, почти на уровне земли, то есть Он находился не над толпой, а практически в толпе.

Могут возразить, что, не раз выступая перед большим скоплением людей, Иисус, как опытный оратор, умел доносить свои слова до аудитории. Но, заметим, местом проведения таких Его выступлений нередко были или замкнутое пространство синагоги, или, скажем, водная поверхность тихого Геннисаретского озера, где-нибудь под вечер, когда Иисус проповедовал с лодки, а слушатели толпились на берегу. Известно, что по воде в безветренную погоду даже негромкие слова говорящего слышны особенно отчетливо...

Совсем не то было на Голгофе: полдень, жара, скопление возбужденного народа, ропот, пересуды толпы, — произнесено ли было «Свершилось!» или «Отче, в руки твои передаю Дух Мой» и было ли вообще что-нибудь произнесено, этого с достоверностью установить нельзя.

Но вот крик, вопль, вырвавшийся в последний момент земной жизни из груди Сына Человеческого, действительно был, его услышали все...

На протяжении веков Евангелие изучено как никакое другое произведение, подверглось толкованию каждое его слово, каждая запятая. Но толкований предсмертного крика Иисуса нет; сказано лишь, что раздался вопль...

Иисус Христос был сильной личностью, напрасно Его изображают на картинах всего лишь страдальцем, с глазами, полными печали, безропотным агнцем, покорно отдающим себя на заклание. Автор учения, которое хоть и проповедовалось Им на территории маленькой южной страны всего-то неполных три года, но вот уже два тысячелетия владеет сердцами значительной части человечества, Иисус Христос был волевым, целеустремленным человеком.

Да, Человеком, ибо в пору своего земного существования, сам называя себя Сыном Человеческим*, Он действительно являлся им. Человеком — со всеми присущими нашему роду особенностями: бывал, как и все, голоден, ел, наравне с другими, запеченную, скажем, в золе рыбу и овсяный хлеб, с хрустом отламывал пластины пасхальных опресноков, с наслаждением пил студеной воду из редких в этой знойной каменистой стране родников, не отказывался и от плодов виноградной лозы — от вина, в чем Его со злорадством уличали недруги; Он умел петь и пел порой. Иисус, следует признать и это, был подчас подвержен минутному раздражению, гневу, иногда в чрезмерно резкой форме выговаривал окружающим, даже самым близким к Нему людям. Иисус часто нуждался в уединении: людская суета Его утомляла. Идеи Иисуса не были чем-то застывшим, они развива-

* Сын Человеческий — на арамейском наречии это все равно, что просто человек.

Гюстав Доре. Иуда лобзанием предает Христа. Фрагмент эстампа.

лись, и нередко новые высказывания противоречили прежним. Он сомневался, случалось, и даже, быть может, заблуждался порой.

Человек большого мужества, Он стойко перенес душевные и физические потрясения той последней ночи и наступившего за ней утра: предательство Иуды, малодушие учеников, отречение всегда искреннего, но слабого волей Симона (Петра). Далее, издевательские допросы, на которых Он не проронил ни слова, бичевание кожаными ремнями, глумление жалких в своем ничтожестве и в своем невежестве слуг Кайафы и римских наемников... А когда наступило утро, истерзанный и обессиленный, Он, пусть не всю дорогу, но по крайней мере от претории до Эфраимских городских ворот, нес на себе тяжелое бревно — перекладину от креста. Потом забивание толстых гвоздей в живые ткани распластанных ладоней... И нигде в Евангелиях даже намеком не упоминается о том, что был услышан не то чтобы крик, но даже слабый стон Иисуса...

И вот в самый последний момент земной жизни — этот неожиданный вопль!

Что это было? Проявление слабости («Отче, почему ты меня оставил?»)? Или, как пишут некоторые, причина крика была чисто медицинской: разрыв сердца, инфаркт, который сопровождается резкой болью?

И Он, Богочеловек, не выдержал боли — закричал?

Не похоже!

С того рокового и по-своему единственного для человечества дня прошло без малого два тысячелетия. И, конечно же, никто не в силах хоть с малой долей достоверности судить о том, чем был вызван этот услышанный всеми крик.

Остается только догадываться...

I

Шел третий час казни. О времени можно было судить по солнцу: тень от столба являла собой подобие солнечных часов; передвигаясь вправо и изменяясь по длине, она показывала, что перевалило за полдень, приближался первый вечер*. И еще отсчитывалось время бием пульса: тело, прижатое к жесткому, как железо, кипарисовому столбу, ощущало это биение, и, казалось, источником мерных ударов были не собственные, наполненные горячей живой кровью жилы, но само дерево столба, пульсирующее с тупым, будто слышимым ухом стуком.

Казнь посредством распятия предполагала не только медленное умерщвление приговоренного, его физические мучения, вызванные долгим пребыванием в противоестественной позе, кровотечением, воспалением гноящихся ран от гвоздей, тошнотой, головной болью, жгучей, непреодолимой жаждой, невозможностью, наконец, отогнать назойливых мух, — изуверская эта казнь имела в виду, кроме того, предание человека публичному позору. Недаром этот вид казни применялся римлянами только по отношению к рабам, но никогда к своим собственным согражданам — последние удостоивались чести быть умерщвленными при помощи меча.

Но в случае с Иисусом и распятыми рядом с Ним разбойниками жестокость палачей подчеркивалась

еще одной дополнительной, сугубо нравственной карой. Дело в том, что кресты, надо думать — умышленно, были установлены так, что лица приговоренных смотрели не в сторону Иерусалимского храма, куда верующие иудеи обращали свой взор во время молитвы, а как раз в противоположную. И это лишало людей последнего утешения: предсмертного, в согласии с ритуалом, общения с Богом. Но как раз это ухищрение — издевательское, по замыслу палачей, расположение крестов — несколько облегчало физические страдания приговоренных, ибо столб в какой-то степени загораживал солнце, и головы оказывались в относительной тени. Иисус, вопреки многочисленным рисункам, ходил по Палестине не простоволосым, но в белой в полосу кефье, которая прикрывала от солнца голову. Кефья была сорвана с Него еще в претории, когда, глумясь над Его якобы царским титулом, напялили на Него шутовскую багряницу и венец из колючего терновника, а потом, когда сняли багряницу и возвратили собственные Его одежды, про кефью забыли. Полный во всем достоинства, Он не мог унижить себя просьбой о возвращении кефьи.

II

Шел третий час казни... Он знал, что смерть, о которой, как об избавлении, мечтают распятые, приходит к ним не сразу, иные висят на кресте по нескольким дням, и коршуны выклевывают им, еще живым, глаза. Но Он понимал, что на этот раз казнь продлится не долго: Его и распятых рядом с Ним страдальцев римские воины, едва стемнеет, приколуют широкими наконечниками своих пик или перебьют камнями голени, чтобы ускорить смерть. Вызвано это будет не милосердием, а тем, что еще до прихода первой стражи* распятых постараются снять с крестов: после захода солнца начинается суббота, и иерусалимские правители не захотят, чтобы своим зловецим видом кресты с телами казнимых омрачали праздничный настрой жителей, тем более что в тот день была не просто суббота, а начало праздника Пасхи. Соблюдение субботы — это, пожалуй, единственная из десяти заповедей Моисея, которая неукоснительно выполнялась всеми; соблюдение субботы считалось тогда, а для многих правоверных евреев и сегодня, чуть не главным признаком истинной религиозности. Конечно, сама процедура казни осуществлялась не иудеями, не синедрионом, а римлянами, ибо в иудейских законах казни распятием не существовало — приговоренных к смерти побивали камнями. Римляне, как и любые завоеватели, презирали покоренный ими народ, обращались с ним жестоко, с большой кровью подавляли любое проявление неповиновения, но к религиозным установлениям иудеев относились с пониманием: римским солдатам запрещалось, например, заходить в Храм, и даже Понтий Пилат в ту ночь, зная, что члены синедриона не смеют вступить в здание претории, оскверненное, по их представлению, язычниками, сам вышел к ним навстречу, легко одетый, на холод, почти на мороз, и вел переговоры с первосвященниками на каменном помосте...

Иисус знал: умереть предстояло сегодня, до наступления темноты.

Времени оставалось совсем немного...

* Первый вечер — по еврейскому времяисчислению — около трех часов пополудни.

* Так отмечалось в Иудее вечернее и ночное время — «первая стража» — примерно шесть часов вечера.

III

Времени оставалось мало. И по мере приближения неизбежного конца оно, это время, не просто убывало, но скорость его убывания как бы постоянно нарастала. За оставшиеся часы (минуты? мгновения?) Ему предстояло охватить взором прошлое и настоящее, воскресить в памяти бесчисленное множество больших и малых впечатлений, впитанных Им, словно губкой, за годы земного существования, выделить главное из целой вселенной воспоминаний, сопоставить, оценить, понять. И чтобы это получилось, следовало попытаться хотя бы на время умерить чувства, отторгнуть от себя эту постоянную, саднящую, как незалеченная рана, боль за людей, безмерное, похожее на страдание, сочувствие к ним, не достойным того, но любимым, как любимыми дети, пусть даже непутевые.

И надо было решать!..

Когда нам задают вопрос, ответить на который не просто, мы нередко произносим фразу: «Я не Бог, чтобы это знать», — подразумевая, что Бог знает всё и ответить на любой вопрос для Него не представляет труда.

Иисус был Бог, но в те минуты Он мучился, не зная, не умея, не смея принять решение.

Какое уж тут смирение, покорность, неизбывная печаль во взгляде! Может быть, наоборот, напряженная работа мысли, возбужденное, почти горячее состояние, вызванное к тому же телесным жаром, воспалительными процессами в ранах, физическими мучениями?

Собственно, сильных болей Иисус практически не испытывал. Даже когда забивали гвозди, Он почти не чувствовал боли. И это скорее всего не было чудом или следствием Его Божественного происхождения, но проявлением воли. Он умел не то чтобы гасить боль, но отвлекаться, уходить от нее. Он не знал, как это у Него получается, не умел научить этому других, да и не видел в том нужды. В Евангелии приведено немало случаев совершенных Им чудесных исцелений: выздоровление бесноватых, прокаженных, парализованных, слепых, но нигде не говорится о том, чтобы Он снимал боль... «Истинно, истинно говорю я вам, — высказывался Он, если верить одному из апокрифов, — когда дитя появляется на свет Божий из чрева матери, чресла ее испытывают боль, но эта боль благая». И еще: «Человек, не чувствующий боли, подобен мертвому камню, ибо, переживая боль, отошедшую от него подобно морской воде во время отлива, он лучше, чем прежде, способен оценить Божью благодать...»

Сильных болей не было, но нравственные мучения, мятущаяся мысль находились на пределе возможного.

Конечно, Иисус мыслил всегда, постоянно и непрерывно. Никакая самая неподходящая обстановка — будь то ночь, раннее утро, буря на море, утомительный переход под палящим солнцем или возлежание за праздничной трапезой — ничто не могло даже на мгновение приостановить жизнь Его могучего духа. Но в таком ужасном, противоестественном положении тела, какое было на кресте, мыслить Ему еще не приходилось.

Было не больно, но, если можно применить одно очень уж не соответствующее моменту слово, было неудобно. Все отекало; вздувались, словно готовые лопнуть, вены. Возможно, было бы полезно какому-

то количеству крови вытечь из тела через раны от гвоздей. Но кровь не текла, она загустела. Усилиями воли Он уменьшил отек, сумел избавить себя от физических мучений.

Но одного, несмотря на все усилия, Ему преодолеть не удалось.

Речь идет о жажде.

«Не хлебом единым», — говорилось Им не раз. Но, оказалось, без хлеба жить можно, без воды — нельзя. Мучительная, изнуряющая жажда усиливалась также и от теплового перегрева, еще не успевшего, судя по всему, перейти в солнечный удар, но вызвавшего определенные симптомы болезни, и, конечно же, от потери крови. Известно, что в самом начале казни Иисусу был предложен напиток, род кислого вина, приправленного неким усыпляющим средством. Это облегчающее страдания приговоренных действие было проявлением некоей «гуманности» со стороны палачей. Случалось нередко, что во время казни распятием иные обессилевшие от мучений люди под действием напитка засыпали на кресте.

Иисус умел засыпать без помощи каких-либо снадобий. Описан случай, как однажды на лодке, когда разразилась буря, лодка заполнилась водой и все были в панике, Иисус безмятежно спал на корме — на «возглавии», как отмечено в Евангелии. Но сейчас Он не допускал даже мысли о сне. И хотя напиток мог в некоторой степени утолить, ослабить жажду, Иисус лишь пригубил, но пить не стал.

И в этом, похоже, Он не рассчитал свои силы.

Острое желание пить, навязчивые видения, так или иначе связанные с водой, — вот, пожалуй, главное, что мешало Ему в последние минуты жизни довести до логического конца свои мысли, принять решение.

IV

Вода во всяких ее видах постоянно была перед глазами, и все остальное: возбужденная толпа, пасущиеся на склонах грязно-серые овцы, щиплющие разрозненные кусты еще не засохшей, но уже жесткой травы, мощные, свитые, словно канаты, из многих тонких стволов оливковые деревья; крытые миртовыми и пальмовыми листьями шатры пасхальных паломников и стоящие подле них неподвижные, как изваяния, верблюды с недовольно отвисшей нижней губой — все это смотрелось как бы сквозь некую влажную волнистую пленку, прозрачность которой можно было бы сравнить с оконным стеклом, омываемым извне ливнем, если бы оконные стекла существовали в те времена в Палестине. В цепи «водяных» воспоминаний почему-то навязчиво повторялся вид постоянно струящегося, быстрого потока воды в черном асфальтовом желобе водовода, снабжавшего водой Храм, Иродов дворец и ту самую Овчую купель, где под пятью каменными сводами мыли овец, прежде чем приносить их в жертву, а также исцелялись больные, окуная тело в купель. Иисус помнил, как Он, проходя мимо Овчей купели, внял мольбам одного немощного, много лет парализованного человека, который никак не мог в нужный момент залезть в купель, его опережали другие страждущие. Иисус исцелил страдальца, поднял на ноги... Теперь это воспоминание находилось в ряду других обрывочных воспоминаний, переживаний, мыслей, которые спутались в некий вращающийся клубок, и все это предстояло обдумать, понять,

Николай Ге. «Что есть истина?» Христос и Пилат. Холст, масло.

причем не когда-нибудь в будущем, а сейчас, немедленно, на что оставались, возможно, только мгновения...

Если бы не эта сатанинская жажда!..

И снова видения. Представлялась тихая гладь Геннисаретского озера, которое Иисус, да и евангелисты, нередко называли морем. Сквозь толщу его прозрачной воды просвечивали камни. Сколько там было воды, сколько! Днем и ночью, годами, она вытекала в Иордан широким потоком, и все не убывало! Казалось, став на колени и склонившись к воде, можно было пить, пить ее вечно. Да что там озеро! У каждого дома стояли высокие глиняные наполненные доверху водоносы. Но для чего, для чего предназначалась эта вода? Может быть, для питья? О люди, не умеющие ценить дары Божьи! Воду использовали для омовения ног путники, прежде чем войти в дом. А ритуальное омовение рук, чаш, котлов, кружек и скамеек — сколько воды, чистой, прохладной, прозрачной, проливалось безо всякой бережливости, ради одного только показного фарисейского благочестия! И это на безводной, прокаленной солнцем земле, где ниспадающую с неба дождевую влагу накапливают на плоских кровлях домов, перегоняют по каменным трубам, построенным еще сыном Давидовым, и течет вода на расстоянии двух-трех дневных путей, прежде чем достигнет подземных водоемов Иерусалима... Вспомнилось и не только вспомнилось, а явственно, вполне реально раздалось в ушах позванивание водяных струек о дно медного таза, когда сам Иисус еще нынешней ночью лил воду, омывая ноги Петра, тот сопротивлялся, проявляя смирение, которое паче гордости, и вода,

разбрызгиваясь, падала драгоценными каплями на ковер комнаты...

И еще возникли в памяти звуки, тоже связанные с водой. Это было в пустыне, где Иисус скитался в полном одиночестве среди желтых, без единой травинки, покатых каменистых холмов. Воды не было, мучила жажда. И вот на исходе одного из дней Иисус наконец набрел на источник, небольшое, локтей 15 ширины тихое озерцо в зеленой ложбинке. Приподняв широкие рукава своего хитона, Иисус склонился к воде и стал черпать пригоршнями прохладную влагу. И тут в незамутненном зеркале водоема Он увидел голову зверя. Иисус обернулся: позади Него, чуть повыше, на расстоянии одного прыжка стоял барс. Иисус и раньше встречался в пустыне «со зверями», как написано в Евангелии, звери не трогали Его, час Его гибели еще не настал... Какое-то время пятнистый зверь стоял неподвижно, подозрительно рассматривая человека своими узкими, как щелки, косо поставленными глазами, потом, убедившись, должно быть, что опасности здесь нет, мягко ступая, спустился к водоему и стал лакать воду своим эластичным быстрым языком. И ласковые звуки этого лакания слышались сейчас Иисусу сквозь рокот толпы...

Однажды Иисус сказал: «Всякий пьющий воду сию возрадет опять; а кто будет пить воду, которую Я даю ему, тот не будет жаждать вовек». И еще, в другой раз: «И кто напоит одного из малых сих только чашей холодной воды... истинно говорю вам — не потеряет награды своей».

Иисус не запоминал своих прежних высказываний, никогда не цитировал, если можно применить это слово, самого себя. Но вот теперь Ему неожиданно вспомнились эти два своих изречения и подумалось вдруг, что той «воды», которую Он собирался дать людям, даже Ему самому сегодня недостаточно.

Страшно, невероятно, необоримо хотелось пить.

И Иисус не выдержал.

«Жажду!» — сказал Он.

И это было услышано всеми.

V

...«И кто напоит одного из малых сих только чашей холодной воды... истинно говорю вам — не потеряет награды своей...»

Один такой поитель нашелся. Низкорослый бойкий горожанин подбежал к римскому воину — из тех чetyрех, что охраняли виселицы, — и, энергично жестикулируя, стал что-то объяснять ему, при этом он указывал рукой то на Иисуса, то на глиняный сосуд, стоявший неподалеку. В сосуде было питье для охранников — смесь воды, уксуса и растворенного в жидкости яйца, так называемая *posca*. Воин понял, чего от него хотя, кивком головы разрешил и даже, наклонив сосуд, помог смачивать напитоком губку, которая в виде пробки прикрывала сосуд. С этой впитавшей в себя живительную влагу губкой человек подбежал к кресту, но не сумел дотянуться до головы Иисуса по причине своего малого роста. Охранник, который и сам был не ахти как высок, засмеялся издевательски, но все же посоветовал жестом, как поступить, указав на растущий рядом прошлогодний, почти полностью высохший куст иссопа. Горожанин отломил хрупкий стебель длиной в пол-локтя, насадил на него губку, с которой текло, и поднес к губам Иисуса...

В одном из евангельских текстов говорится, что

смоченную влагой губку протянул Иисусу не местный житель, а римский воин. Конечно, и такое возможно. Но — маловероятно. И не только потому, что воин подчинялся жесткой дисциплине, а поблизости стоял сотник. Это не мог быть римский воин по другой причине: слово «жажду!» было произнесено не на латинском языке, не по-гречески, а на языке, на котором говорила тогда Палестина, — на арамейском и звучало как «Шахена!» — «Пить!». Римский воин не мог понять, о чем просит Иисус, поскольку местного языка не знал (римляне завоевали Палестину всего-то за каких-то 70 лет до распятия Христа, а Понтий Пилат, к слову, стал прокуратором Иудеи и вовсе за три года до этого события; в этой связи, кстати, совершенно непонятно, на каком языке вел Пилат философские диспуты с Иисусом, — тема, активно эксплуатируемая в художественной литературе; впрочем, с Пилатом Иисус мог говорить и по-гречески, в Галилее проживало много греков, и Иисус, вероятнее всего, греческий знал). С другой стороны, можно предположить, что виселицу охранял не римлянин, а кто-либо из наемников — греков, сирийцев, самарян, — который местный язык понимал. Но, однако же, надпись на белой покрытой гипсом табличке над головой Иисуса «Царь Иудейский» была сделана не только на греческом и арамейском языках, но и по-латыни. Для кого-то же эта латинская надпись предназначалась! Скорее всего для особо надежных, выделенных специально для целей охраны именно римлян. А если это так, то версия о том, что на просьбу Иисуса откликнулся воин, как уже говорилось, маловероятна.

Итак, будем считать, что «чашу холодной воды» подал Иисусу прожорный горожанин, человек из тех, кого меньше всего интересуют идеи, ему бы хлеба и зрелищ — а сегодняшний день был днем зрелищ. Человек этот не был поклонником Иисуса, никогда скорее всего не присутствовал на Его проповедях и вряд ли слышал приведенное выше изречение, которое заканчивалось словами о том, что подавший чашу «не потеряет награды своей».

Но даже если бы бойкий горожанин знал об этом изречении и потребовал награды, он бы ее не получил. Ибо, исходя из учения Христа, не столько важно само действие, сколько помыслы, на то действие побудившие. «Не пожелай жены ближнего своего!» — сказано еще в Моисеевой заповеди. Не пожелай! Грех является грехом и тогда, когда он проявился лишь в помыслах.

Какие же помыслы были у того бойкого горожанина? Может быть, жалость, сострадание? Какое там! Помыслы были самые низменные. Дело в том, что как раз перед тем Иисус проговорил: «Или! Или! Лама савахфани?» («Боже мой! Боже мой! Для чего ты меня оставил?») — и многие, плохо расслышавшие, решили по первым словам фразы, что Иисус зовет на помощь Илию. «Интересно, придет ли Илия спасать его?» — думали про себя и даже говорили вслух некоторые. И это праздное любопытство, стремление увидеть собственными глазами что-нибудь невероятное, потустороннее (стремление, которым обуреваемы многие и в наши просвещенные дни) — вот какие помыслы двигали действиями того горожанина. «Надо дать ему попить, чтобы он продержался еще какое-то время, потому что Илия, хоть и пророк, но не может эдак сразу приблизиться на своем облаке», — смеялся про

Николай Ге. Голгофа. Холст, масло.

себя этот древний, как теперь сказали бы, обыватель, тем более голубое, почти синее иерусалимское небо весеннего месяца нисана было, как обычно, чисто от края до края, появления облачка с пророком пока не предвиделось...

Нет, не могло быть надежды у того человека получить награду!

И Иисус это видел, Иисус это понимал.

Он все понимал в людях, в этом состояла Его Божественная сущность, человеческая особенность Его личности, Его счастье и Его беда. В отличие от самых проникательных из нас Он умел охватить умом и чувствами как бы всех сразу, равно как и в своей Божественной ипостаси Он совершенно особо, непостижимо для нас воспринимал Время: не как цепь последовательных, движущихся в определенном направлении жизненных импульсов, а будто наблюдая с некоей высоты, откуда можно одновременно охватить взором и прошлое, и настоящее, и будущее...

Образование Иисуса-человека, если с сегодняшней точки судить, было невелико: знания Его об окружающем мире ограничивались пределами Галилеи и некоторых прилегающих стран (и то по рассказам выходцев из этих стран). Иисус не знал географии, истории народов мира, конечно же — математики, да и многого другого. Но Иисус знал главное: Он знал человека. И если во всех других известных нам науках Его превзойдет сегодняшний школьник, то истинное знание человеческой души, несмотря на всяческие тесты, социальную и всякую другую психологию, педагогику и прочее и прочее, мало продвинулось за прошедшие два тысячелетия, и все эти научные приемы и отработанные

методики ничто по сравнению со знанием, пониманием человеческой души Иисусом. Возможно, еще и потому, что Его понимание — это не результат холодных размышлений, но сама Любовь. И, конечно же, когда бойкий горожанин поднес к Его губам смоченную напитоком губку, Иисус прекрасно понимал, какие побудительные мотивы руководили действиями этого человека. И Ему, Иисусу, как всегда в подобных случаях, было больно от своего понимания. Больно потому, что этот несчастный, подобно многим (слишком уж многим сегодня!), тоже «не ведал, что творил».

Но если еще несколько часов назад Иисус гордо отказался от предложенного Ему питья, то теперь, несмотря на свое горькое знание, Он это подношение принял.

VI

Он захватил ртом край губки и слегка нажал на нее зубами. Нажал и, если можно применить это слово к Его пригвожденному к кресту естеству, замер на какое-то мгновение. Замер от невыразимого наслаждения, почти счастья. Влага, прохладная, обильная, полилась и, казалось, заструилась из губки, орошая язык, небо, подступая все ближе к иссохшему, жаждущему горлу. Продлевая удовольствие, Он не сразу сделал глоток, боясь, что запас влаги в губке иссякнет и второго глотка сделать не придется. Но когда решил и проглотил дарованную Ему, словно свыше, влагу, то почувствовал такое блаженство, какого за все свое земное существование Ему испытывать не приходилось. И эти немногие, считанные капли, право же, стоили всей выпитой за жизнь колодезной, родниковой или почерпнутой пригоршнями из прохладных безбрежных водоемов воды.

И снова, как от наваждения, отмахнулся Он от возникших в памяти произнесенных когда-то Им самим слов: «...и верующий в Меня не будет жаждать никогда». Истинно, не будет! Но лишь после того, как какая-нибудь добрая душа дарует ему глоток обычной воды.

И тут Иисусом на мгновение завладело чувство, которому быть никак не должно. Ибо оно, это чувство, противоречило предначертанному свыше замыслу.

В душе у Иисуса появилось острое желание жить.

Жить! И не вечно, не на небесах, а здесь, на этой грешной земле, жить рядом и вместе с безнадежно погрязшим в грехах человечеством.

Собственно говоря, подобные настроения, еще не осознанные Им до конца, но тревожившие душу, уже возникали в этот последний в Его земной жизни день. Известно, что в Гефсиманском саду в ночной молитве Он просил Господа, чтобы «миновала Его чаша сия», это слышали люди, слова Иисуса воспроизведены в Евангелии. Правда, тут же следом были произнесены другие слова, выражающие смирение: «Но не чего Я хочу, а чего Ты».

Однако слово «но» произнесено было, и в этом «но» заключалось противопоставление Своего желания желанию Отца.

И вот сейчас снова, причем в гораздо более острой форме!..

VII

Хотелось жить!..

И вспомнилось еще одно ощущение, совсем недав-

нее, утреннее. И было это, казалось бы, в самый неподходящий для появления подобного чувства момент, а именно: когда взвалили на Него бревно-перекладину от креста.

Все мы знаем, как возникают иногда в памяти картины далекого, почти забытого прошлого под влиянием самых незначительных, напрямую не связанных с этим прошлым обстоятельств. В этом отношении немалую роль играют запахи, которые почему-то в большей мере, чем что-либо другое, способны воскрешать воспоминания...

И вот, взвалив на себя недавно отесанное, красноватое, в волокнах кипарисовое бревно, Иисус почувствовал хвойный, специфический аромат его. И этот аромат вызвал в памяти картину уютного назаретского дворика, в котором почти всегда тень от двухэтажного, если смотреть со двора, их дома, лестница навстречу ведет на маленькую галерею, окно, забранное решеткой, из которого доносится неспешный и почему-то успокаивающий стук ткацкого станка, на котором мать с любовью тклет Ему, еще мальчику, не достигшему даже еврейского совершеннолетия, голубый хитон. На кровле старец Иосиф, обручник матери, шепчет, как обычно, молитву, мерно раскачиваясь верхней частью туловища, но не кланяясь, не стигая спины, а как бы слегка переламываясь в пояснице. И Он, Иисус, в углу дворика, у белокаменной ограды возле верстака обтесывает древесину, строгает, зачищает острые углы, шероховатости; рядом на земле сложены уже готовые плуги, ярма для волов и прочие поделки из смоковницы, кедра и особо изящные, отполированные — из кипариса.

Плотницкому ремеслу мальчика обучил Иосиф, но Иисус вскоре превзошел в мастерстве своего учителя, тем более Иосиф не был очень хорошим плотником. И не только потому, что быстро, на глазах старел, но было еще нечто, что мешало ему сосредоточиться на работе; Иосиф все время о чем-то думал, создавалось впечатление, что он хочет решить какой-то очень важный для себя вопрос, но это ему не удастся. Несмотря на то, что Иосиф был обычный мастеровой, в Назарете его все уважали за уравновешенность характера, справедливость, благочестие и, кроме того — это повторялось, как нечто непреложное, — считали Иосифа потомком царя Давида. Позже, в годы странствий Христа по Палестине, в толпе не раз говорилось о царском происхождении Иисуса, повторялось при этом имя Давида. Иисус понимал, что толпа заблуждается (впрочем, не исключено, что толпа заблуждалась лишь наполовину: Мария, мать Иисуса, была по преданию из рода Давидова).

Иисуса не раз в детские и юношеские Его годы смущал долгий, пытливый, не то изучающий, не то вопрошающий взгляд грустных глаз старца Иосифа, обращенный в его сторону. Возможно, именно эти тревожащие взгляды родили в мальчике ответную настороженность, все нарастающую неясность и даже в некоторой степени напряженность в глубинной, внешне никак не проявляемой стороне их отношений. В какой-то момент Ему, еще мальчику, вдруг потребовалось узнать, похож ли он лицом на Иосифа. Возможно, причиной возникшего интереса явилась болтовня двоюродных братьев — одногодок Иисуса, которая была, конечно же, не от себя, но отражала пересуды назаретских сплетниц. Так или иначе, но однажды взял Он тайком у матери зеркало, которое, к слову, она

никогда на шнурке не носила и, возможно, вообще им не пользовалась, — обычное зеркало из полированной меди, заправленной в кипарисовую рукоятку, — взял зеркало, поставил его на верстак и стал рассматривать свое отражение, желая проверить, есть ли в Его лице черты сходства с Иосифом. За этим занятием Его застал сам Иосиф. Иисус почувствовал на себе его взгляд, обернулся. И так они молча некоторое время смотрели друг на друга и, не сказав ни слова, разошлись... После смерти Иосифа Иисус еще долгое время жил с матерью в Назарете. Жил в Назарете, пока не понял, что время Его общественного служения пришло.

Мать провожала Его молча, без слез. Она понимала, что так надо...

Такое вот возникло воспоминание... А чуть позже, когда, перед тем как распинать, сбивали крест, Иисус неожиданно для себя подумал, что гнездо для перекармливания затесано неумело и что Он сделал бы лучше. И Ему остро захотелось взять в руки топор и, разбрасывая во все стороны ровненькие чистые пластинки древесины, вылетающие из-под хорошо заточенного лезвия топора, сделать добротную, всем на удивление, связку. И тут же подумалось, резануло остро, что не будет этого никогда: ни сегодня, ни завтра, ни в предстоящей Ему вечности... И не захотелось умирать!

И вот теперь на кресте, цепляясь зубами, не желая выпустить изо рта все еще влажную губку, которую пытался отнять у Него, дергая за стебель иссопа, Его поилец, Он вновь ощутил это желание жить, усиленное во сто крат.

И Он ужаснулся своему раздвоенному состоянию, когда Желание противоречило Предназначению.

Но это было еще не все, это было только начало...

VIII

Это было только начало... Нежелание умирать, которое неким своим бунтарством, что ли, вызвало смятение в душе Иисуса, тем не менее не могло привести к той буре терзаний, которая возникла чуть позже. И, конечно же, появившееся стремление жить не было основной или, во всяком случае, единственной причиной душераздирающего крика, о котором, собственно, и ведется повествование, хотя бы потому, что речь пока шла лишь о собственной судьбе, о своем и только своем, причем о человеческом, телесном. Подобное и на протяжении всей земной жизни Иисуса не было и не могло быть предметом Его душевных страданий, тем более теперь, перед концом — на вершине Его земного восхождения.

Но отсюда, пока еще не с небесной высоты, но с земной вершины, можно было взглядом окинуть пройденный путь, оценить, куда привела Его дорога, по которой шел, чего достиг Он в своем земном общественном служении...

В чем же изначально, по высшему замыслу, заключалась цель этого служения, какова была его «сверхзадача»?

Иисус Христос ни по уровню образования, ни по складу характера, ни по основной направленности Его деятельности не был «ученым», хотя и создал пережившее века учение, Он не был ученым в том смысле, что не занимался изучением природы, помогая людям приспособиться к ней и тем, по мнению самих ученых, постепенно совершенствуя мир. Он не был также политиком, понимая, что политическая

суэта, при всей крикливости активных ее участников, неспособна сколько-нибудь существенно изменить жизнь к лучшему. Не был Он, естественно, и революционером. И не только из-за того, что не признавал насилия, но также и потому, что был уверен: любые единовременные, кровавые или бескровные, перестановки общественных структур, самые кардинальные изменения методов правления все равно в конечном итоге оставят все по-старому, потому что люди остаются прежними. Перефразируя известное Его изречение, можно сказать, что старое вино не улучшится, если его перелить в новые мехи. Правители — цари, наместники, тетрархи, прокураторы и прочие — меняются достаточно часто, но это все — от людей, не от Бога, хотя многие провозглашают себя Божьими посланцами.

От Бога — человек с его душой и разумом. Одухотворенным, думающим человеком определяется все, и только совершенствование человеческой души способно изменить жизнь на земле, подготовить людей к наступлению Царства Божьего.

Такая задача стояла, в частности, перед Иисусом Христом, когда Он начинал свое земное общественное служение.

И вот теперь, подводя, если можно применить такое понятие, итоги, надо было понять, каких результатов достиг Он.

Результаты были перед Ним, Он имел возможность оценить их, наблюдая вот уже несколько часов за собравшейся вокруг виселицы толпой.

IX

Все, кто когда-либо описывал картину распятия, не жалели самых жестких слов для характеристики собравшейся на Голгофе толпы. Тут и «низость, лживость, зверство, иступление... грязный поток человеческого нечестия» (Ф. Фаррар), и «человеческая неблагодарность» (Э. Ренан), и «встреча со злом Мира» (А. Мень). И, право же, зрелище разбушевавшейся, жестокой, обуреваемой кровавадным любопытством и прочими порочными страстями толпы не могло не вызвать отвращения у каждого, кто пытался представить в своем воображении событие, происходившее много веков назад на Голгофе.

Авторы монографий о Христе, естественно, не могли быть непосредственными наблюдателями событий, более того, источники, которыми они пользовались, тоже в основном не принадлежали перу очевидцев. Видимо, поэтому все без исключения описания толпы, присутствовавшей при казни, носят несколько общий характер, без каких-либо столь часто встречающихся в других местах текста Евангелия живых бытовых подробностей и отражают не столько реальную картину, сколько эмоциональное восприятие пишущего, его отношение к происходившему, гнев и искреннее возмущение. Но если даже дорисованная воображением картина могла вызвать столь бурные чувства у авторов описаний, то что же можно сказать о душевном состоянии самого Иисуса, который одновременно являлся и объектом действия, и, в силу своего характера, положения и предназначения, также и наблюдающим за всем этим как бы со стороны. Он видел все: и обобщенную картину — панорамно, если использовать кинематографический термин, и каждого в отдельности — крупным планом, — видел, вбирал в себя и переживал.

Толпа, собравшаяся в тот день на Голгофе, не была однородной. Прежде всего состав ее постоянно менялся. Надо было быть слишком большим любителем кровавых зрелищ (заметим сразу, что и таких хватало!), чтобы простоять много часов под палящим солнцем, к тому же не зная, сколько все это может продлиться. День был предпраздничный, надо было готовить пасхальную трапезу, овцу на заклание, масло для светильников и прочее. Поэтому многие, посмотрев какое-то время, удовлетворив любопытство, порыв в толпе, уходили заниматься своими делами.

Часть зрителей составляли проходящие по дороге, проезжающие на осле, верблюдах, волах запоздалые паломники. Приближаясь к месту казни, они еще издали замечали скопление людей, потом, подъезжая к виселицам, интересовались, что происходит. О Христе они в большинстве своем ничего не слыхали; получив информацию, сокрушались, качая головами, как сокрушаются и сейчас люди из толпы в похожих ситуациях («Ведь это надо! Какие злодеи! И чего им только не хватало! Особенно этому, выдававшему себя — подумайте только! — за Сына Божьего!»). Иные, не ограничившись подобными сентенциями, выражали свои чувства словами: «Тыфу на него!» — и не только произносили слова, но и подкрепляли свое возмущение действием, и плевки особо метких достигали тела Иисуса.

И все-таки эти паломники не отличались особой кровожадностью: за время своего короткого прохода мимо виселиц они еще не успевали заразиться кровавым настроением толпы, их отличало скорее равнодушие. Своего рода зримым воплощением такого равнодушия могла служить одна из паломниц — проезжавшая на осле беременная женщина. Она сидела на осле очень прямо, словно опираясь на свой большой живот. Ослы вел под уздцы молодой, по виду много моложе ее, чернобровый мужчина, а женщина непрерывно жевала, поедая смокву. Ела она не спеша, тщательно пережевывая и без того мягкий плод; съев один, тут же принималась за другой; беременная женщина была настолько поглощена происходящим внутри нее, что все, не относящееся к этому, не занимало ее вовсе: она смотрела на распятого Иисуса примерно с тем же выражением, с каким смотрела на кипарисы, камни, на высыхающее каменистое русло Кедрона, когда переезжала долину, на пасущийся в отдалении скот.

Иисус понимал ее состояние, сочувствовал ей. И все-таки равнодушие женщины почему-то огорчало Его больше, чем даже улюлюканье толпы. Возможно, и потому, что это была все-таки женщина, — Иисус привык, что женщины относились к Нему с особой преданностью, да и сейчас только они в толпе жалели Иисуса и плакали по Нем. Впрочем, женщины, которые следовали за Иисусом и видели в Нем, еще вполне земном, своего утешителя и, в житейском смысле, спасителя, сами были в большинстве несчастливые, безмужние, и греховность некоторых была следствием их униженного положения. Та же, сидящая на осле, носила во чреве, что само по себе благо, способное успокоить душу; кроме того, имела заботливого мужа, о чем можно было судить по тому, как он время от времени поправлял подушку, на которой она сидела на осле, как с беспокойством поглядывал то на виселицы, то на свою беременную жену и, наконец, не выдержав, остановил ослы и отвернул ее голову от крестов...

Такова была часть из той тысячной толпы, которая

лишь в обобщенном виде описывается в книгах.

Но было в толпе и основное ядро, которое стойко выдерживало и жару, и долгие часы стояния на ногах. Некоторые даже приносили из дому воду, благо жилища их находились не так далеко от места казни, виселицы стояли метрах в пятидесяти от городской стены, и многие залезали на нее, чтобы лучше видеть; жители предместья наблюдали зрелище, стоя на кровлях собственных домов, и видели все не хуже, чем толпившиеся на площади. Но те, кто был не в отдалении, а в гуще собравшихся, ощущали себя не просто зрителями, но как бы участниками действия. Эти не уходили — какое там! — они должны были досмотреть все до конца!

«Мое время еще не настало, а для вас всегда время», — не об этом ли обмолвился как-то Иисус.

Но если бы только любопытствующие составляли толпу! Собравшаяся на Голгофе человеческая масса являла собой много, быть может, тысяч людей, каждого со своими страстями, но был у нее, как у всякой одержимой какой-либо идеей толпы, некий результирующий четко направленный вектор. Этим вектором была ненависть к Христу, желание унижить Его, сделать Ему морально и физически больно, наконец, испытать торжество, дождавшись желанного конца — смерти Иисуса. Нет, это не были профессиональные палачи, каждый из них, не исключено, был хорошим семьянином и опять же, возможно, с искренним сочувствием смотрел в круглые, словно пуговицы, блестящие черные глаза овечек, отправляя их на заклание.

Волки едят агнтя, чтобы утолить голод. Чем была вызвана жестокость людей, которых видел перед собой Иисус, — это надо было понять, без этого понимания нельзя было уходить из жизни.

Х

Надо сказать, что то, с чем столкнулся Иисус в этот день, не было для Него таким уж новым и неожиданным. Неверно представлять Христа эдаким отрешенным от реальности идеалистом, которого из-за наивности, неведения и небесно-несамутненной чистоты могло ранить любое случайное соприкосновение с жестокой действительностью. «Имеющий уши, да слышит!» — не раз повторял Иисус. «Имеющий глаза, да видит!» — можно было бы сказать по аналогии.

Глаза Иисуса видели все. Только ли добрых, предиктованных чистыми помыслами поступков ожидал Он от существ, созданных по образу и подобию Божьему? Отнюдь! Вот «перечень» человеческих пороков, приведенный Иисусом в одной из Его речей: «...изнутри из сердца человека исходят злые помыслы, прелюбодеяние, любодеяние, убийства, кражи, лихоимство, злоба, коварство, непотребство, завистливое око, богохульство, гордость, бесовство...» Мало что можно прибавить к этому реестру через две тысячи лет, прошедших с тех пор. Но и убавить, пожалуй, тоже ничего нельзя.

Поэтому, представляя действительность такой, какой она была тогда и, к сожалению, остается сегодня, Иисус должен был быть готовым ко всему, и не было у Него, казалось бы, оснований так переживать и сокрушаться, наблюдая разбушевавшуюся толпу.

Но Иисуса смутили, привели в смятение не действия толпы в целом, а ее, если можно так выразить-

ся, «социальный состав». Будь здесь одни первосвященники, фарисеи, книжники, Иисус вполне мог бы понять их и даже простить, ибо сам призывал прощать не «семь раз, а семижды семьдесят». Эти люди были Его врагами хотя бы потому, что с появлением Христового учения их власть кончалась... Известно, что Иисус гораздо более терпимо относился к мытарям, грешникам и грешницам, даже к язычникам, нежели к книжникам и фарисеям, подменившим истинную веру в Отца показной обрядностью и лицемерием.

Но беснующаяся толпа не состояла из одних только книжников и фарисеев.

Не так уж много было здесь и богачей, которых тоже можно было понять: продавать свое имущество с тем, чтобы передать потом вырученные деньги нищим, как посоветовал Иисус одному юноше, богачи не имели ни малейшего желания...

Непонятно и страшно было другое: большая часть злобной толпы состояла как раз из бедняков и из тех самых нищих, о благе которых заботился и страдал Христос.

XI

Если смотреть на Иерусалим со стороны Елеонской, допустим, горы, что в каких-то шести стадиях от города, можно было только восхищаться его великолепием: желтовато-розоватый камень строений, сияющие на солнце золотые щиты на ограде Храма, мрамор дворцов. Но, оказавшись внутри города, особенно Нижней его части, поближе к Навозным воротам, куда доносился запах гари от сжигаемой падали из

долины Гинном, так называемой «Геенны огненной», проходя по узким городским улицам, путник обнаруживал здесь удивительную неопрятность или, проще, грязь. Повсюду на каменистых мостовых валялся мусор, оставленный паломниками, орешки овечьего помета, все было покрыто пылью, принесенной из пустыни знойным ветром хамсином. Но и в Верхней, парадной части города было грязно, и даже в ограде Храма, где торговали овечками для жертвоприношения и прочей живностью, земля и мраморные плиты внутреннего двора были завалены пометом.

И еще бросалось в глаза огромное число нищих. Нищие стояли, согбенные, в черных одеждах, и возле ограды Храма, и внутри ее, и у многочисленных городских ворот, в которые въезжали и входили паломники, и просто на улицах — разве что не было их на расположенном в Верхнем городе неподалеку от Храма суетливом и крикливом рынке, потому что на рынке не подавали. Нищие стояли с протянутой рукой до самой темноты, и даже ранним утром в день казни на всем протяжении Скорбного пути, как будет названа эта дорога впоследствии, стояли нищие. И если позже, в другие века, проводы приговоренных к смерти будут сопровождаться нередко барабанной дробью, то в день Распятия Христа процессия шла под звуки жалкого побрякивания мелких монет в глиняных чашках нищих, которые — так было принято здесь — непрерывно встряхивали монеты в чашках, гремели ими, привлекая внимание проходящих мимо людей.

Когда Иисус с учениками, бывало, проходил по городу, десятки дрожащих рук тянулись к Нему за подаванием. Нищие во все времена неплохие психоло-

ги. Они обращались за помощью именно к Иисусу, хотя видели, что пояс на Его хитоне не был заполнен монетами: Иисус никогда не носил с собой денег, все денежные средства их маленькой общины были у Иуды. В ответ на поданный Иисусом знак Иуда совершал очередное подаяние, делая это с большой неохотой; взглядом, брошенным в сторону Учителя, выражал свой протест против бездумного, по его мнению, расточительства. Заметим к слову, что не только Иуда, но и другие ученики, несмотря на свое простодушие, были, говоря по-современному, несколько прижимисты. Нет смысла пересказывать известный эпизод, когда женщина вылила принесенное в альвастровом сосуде миро на тело Иисуса, а ученики возмутились, говоря, что дорогостоящее миро лучше было не выливать на Иисуса, а продать. Правда, тут же последовало уточнение: не просто продать, но отдать вырученные деньги нищим...

Нищих в Иерусалиме было много, Иисус жалел их и помогал, чем мог.

Но сегодня присутствие нищих на Голгофе, их поведение повергло Его в смятение.

Странное дело, Иисус, обладавший способностью запоминать лица людей, с которыми пусть мимолетно, на ходу, сводила Его судьба, в это утро, оглядывая собравшуюся на Голгофе толпу, не сразу узнавал встречавшихся Ему нищих, даже тех из них, кто совсем недавно стоял по пути Скорбной процессии. И вызвано это было тем, что за какие-то часы, прошедшие с того времени, как Он их видел на улицах, поразительно, почти неправдоподобно изменился их внешний облик. И главное в этом изменении: они не были больше согбенными. Они распрямились! Их руки, ладони со скрюченными пальцами не были протянуты в мольбе, сейчас они ничего не хотели брать — они выдавали, точнее, исторгали. Исторгали властную волю, злую волю, они требовали смерти Иисуса! Эти обездоленные и униженные люди здесь, на Голгофе, вдруг почувствовали свою власть над еще более униженным человеком, они ощутили запах крови, и хищное, сатанинское в их натуре вылезло наружу. К этому можно добавить: они почувствовали не только запах крови, но и запах свободы. Свободу выбора между Добром и Злом дал человеку Бог. Нищие выбрали Зло.

В не меньшей мере, чем поведение нищих, озадачило, огорчило Иисуса присутствие на Голгофе исцеленного им у Овчей купели человека, о котором уже шла речь. Человек этот хоть и стоял на собственных ногах, но не выглядел здоровым, рот его был искривлен, один глаз полуприкрыт, кисть руки — это было видно издали — непрерывно раскачивалась, словно он обмахивался ею. Но искривленный рот открывался в такт вместе со всеми другими неискривленными ртами, исторгая проклятия. Но зачем ему-то, этому человеку, понадобилась смерть своего исцелителя? Темный, больной, он, конечно же, не был противником Христова учения, потому что не знал о нем, не было у него никаких счетов с Иисусом!.. Впрочем, почему не было? Известно — и Иисус об этом знал, — что именно этот человек опознал Его, встретив случайно в Храме, и предал священникам.

Один из христианских проповедников, доказывая, что высший моральный закон создан Богом и существует, подобно законам физики, независимо от воли людей, утверждает, что даже отпетый негодяй, негра-

мотный и ни во что не посвященный, совершая свое черное дело, внутренне сознает, что оно черное, — иначе говоря, существование морального закона известно и ему. Если это так, то человек, предавший Иисуса, не мог не знать, что совершил подлость, и это, хотел он того или нет, постоянно висело над ним. И только смерть Иисуса — представлялось ему — была способна спасти от этого дамоклова меча...

Нет возможности, да и смысла нет, упоминать всех, на ком останавливался взор Иисуса в эти последние минуты Его жизни, мы умышленно говорим лишь о знакомых фигурах, о тех, о ком пишет Евангелие. Среди них следует сказать и о старике из Каны, в доме которого в свое время справляли свадьбу, не хватило вина, и Иисус по просьбе своей матери выручил хозяина дома, обратив воду в вино.

Этот старик пришел в Иерусалим издалека, расстояние от Каны составляло не менее четырех-пяти дневных путей. Он стоял в отдалении с самого раннего утра и все не уходил. Иисус заметил его сразу и все время с тревогой и болью наблюдал за ним. С болью, потому что слишком хорошо знал, чем все это кончится, страстно не желал такого исхода, но ничего уже поделаться не мог.

Поначалу этот старый знакомый Иисуса стоял молча, отделенный своим настроением от толпы. В глазах его были и сочувствие, и даже какая-то доля страдания. Но постепенно, как бы подлаживаясь в такт орущей толпе, он сначала тихо, едва шевеля губами, потом все громче и, наконец, как и все, широко разезая рот, принялся орать. И Иисус, увидя это, как бы сник, если можно применить это слово к человеку, висящему на кресте. Он даже не мог винить этого, хорошего-то, в общем, старика: Он знал, как трудно противостоять могущественному, гипнотическому, разлагающему воздействию толпы...

Иисус все понимал, но даже Он, возможно, не мог предвидеть, сколько еще раз во всей последующей многовековой истории человечества толпа будет совершать страшные, часто не спровоцированные ничем серьезным преступления! Человек хорош, на него можно духовно воздействовать, но лишь до тех пор, пока он не попадет во власть толпы.

И, глядя на все, происходящее на Голгофе, казалось, вывод мог быть только один.

Но перед глазами Иисуса стояла и другая толпа, которая всего несколько дней тому назад встречала Его у ворот Иерусалима, кричала «Осанна!» и бросала пальмовые ветви под ноги ослу, на котором сидел Иисус.

Но главное и загадочное состояло в том, что это были одни и те же люди, Иисус узнавал лица, ошибиться Он не мог.

XII

Полный любви и умиротворения, отогнав от себя печальные мысли о грядущих испытаниях, въезжал Он тогда под вечер в ворота Иерусалима. Молодой осел под Ним был непривычен к столь тяжелой ноше, не приходилось ему видеть и такого скопления людей; искоса поглядывая на них, а когда пальмовые ветви, которыми размахивали встречающие, оказывались слишком уж близко от его головы, испуганно моргал, медленно, раздумчиво поводя своими длинными

ми горизонтально поставленными ушами.

Иисус тихо пел, но песню эту слышали немногие, ее заглушал шум толпы, крики «Осанна сыну Давидову!» и прочие возгласы, прославляющие Иисуса. Такой восторженный прием был в общем-то удивителен для Иисуса: Он редко бывал в Иерусалиме, Его мало знали здесь, и сейчас в толпе слышались вопросы: «Кто это?» — на что следовал ответ: «Как, ты разве не слышал? Это Иисус, пророк из Назарета!» Его мало знали в Иерусалиме, но за время своих коротких посещений Он успел нажить достаточно врагов среди фарисеев и книжников, с которыми спорил, и среди торговцев и менял, которые Его боялись. И тем не менее население встречало Иисуса с ликованием. Видимо, слава о Его чудесных исцелениях и праведном учении дошла и сюда.

Иерусалим был странным городом. С одной стороны, здесь строго, под присмотром многочисленных священников, соблюдалась внешняя, ритуальная сторона религии, люди держали себя в рамках, предписанных Законом, были законопослушными. С другой стороны, Иерусалим считался мятежным, бунтарским городом, недаром в праздники во избежание беспорядков сюда вводили римские войска и приезжал сам прокуратор. Однако так или иначе, но такая горячая встреча жителей Иерусалима радовала Иисуса, Он видел в этом знак успешно завоевывающего сердца людей нового учения...

Собственно, восторженная встреча Иисуса в тот вечер началась еще до въезда Его в городские ворота — люди приветствовали и шли за Ним на всем спуске с Елеонской горы. Поначалу это были в основном галилеяне, приехавшие в Иерусалим на Пасху, потом к ним присоединились жители предместья, работавшие на маслодавильнях, позже стали появляться в толпе вышедшие навстречу горожане. А когда спустились к Кедрону, миновав Гефсиманский сад, и стали подниматься по достаточно крутой каменной дороге, к стенам города, крики ликующей толпы были услышаны за стенами Храма и вызвали беспокойство священников...

Да, все это было.

И вот спустя совсем небольшое время эти же люди — быть может, не все, но многие, — и не только здесь, на Голгофе, но еще раньше, утром, истошно кричали Пилату: «Распни его!» Это они освободили убийцу Вар-Авву, на котором столько крови, не зная этого они не могли, сами натерпелись от подобных разбойников, но все же освободили и сделали это лишь для того, чтобы убить Иисуса. В претории и после — на пути к Голгофе — на Иисуса плевали, Его били, и делали это не только и не столько римские

Гюстав Доре. Пригвождение к кресту. Гравюра.

наемники (о римлянах-легионерах и говорить не приходится: они не унижались до таких плебейских действий) — делало это местное население, в большинстве своем — бедные, обездоленные люди.

А разбойников не били. И не плевали на них. Хотя и не любили, но вполне прилично относились к фарисеям. Били и ненавидели только Иисуса, который нес им правду, справедливость, милосердие. Почему?

Потому что разбойники, несмотря на свои ужасные поступки, были им понятны, они были в буквальном смысле «от мира сего», а Иисус, как Он сам говорил не раз, Его учение — «не от мира сего». Разбойники были, если можно так выразиться, свои разбойники. Милосердный и праведный Иисус был чужой. И фарисеи тоже были свои. И даже кровавый Понтий Пилат был понятен им, потому что выполнял порученную ему сверху, от кого-то более сильного, миссию. Пилат ничего не требовал от них, кроме налогов и слепого подчинения.

Иисус требовал большего, и они не были готовы подчиниться Его требованиям.

Впрочем, жителей Иерусалима еще можно было понять и даже простить: слишком уж мало времени провел Он в этом городе, отравленном схоластическими религиозными спорами и показной фарисейской

набожностью; Иерусалим был для Него пока еще чужим городом. Это так. Но разве только Иерусалим отверг Его?

И Иисусу сделалось горько, когда Он вспомнил, как Его не приняли в городе, где прошли Его детство и юность, — в Назарете Галилейском. Можно утешать себя: «В своем отечестве нет пророка», — людям, жителям города, трудно примириться с мыслью, что сын их соседей, Марии и Иосифа, которого они знали с детства, мастеровой, плотник, выполнявший их заказы, вдруг оказался Пророком и — что совсем уж невероятно — Божьим сыном.

С Назаретом понятно. Но Капернаум — не Назарет, в Капернауме Он не родился, более того, долгое время вел там с людьми беседы, которые воспринимались самым восторженным образом, толпы людей ходили за Иисусом, Ему приходилось нередко скрываться от желающих видеть Его, непрерывное общение, уже говорилось, Его утомляло. И вот совсем недавно Его отказались принимать и в Капернауме. А другие города милой Его сердцу Галилеи — Хоразин, Вифсаида, по ту и по эту сторону голубого Геннисаретского озера, — ведь и оттуда Его попросили удалиться! И все это — не в начале, а в конце Его общественного служения!..

И тем не менее не это, не только это было причиной того предсмертного крика. Оставались другие нерешенные и, может быть, нерешаемые вопросы.

Пусть не приняли Его люди, не были пока еще готовы к этому. Но откуда такая ненависть? Или ненависть — лишь обратная сторона предшествующего поклонения? Толпа прославляет своих кумиров, но, вознося их до небес, невольно унижает самое себя. А потом мстит за это унижение — низвергает, едва только появляется такая возможность, с садистским удовольствием оплевывает былых кумиров.

Знал ли Он тогда, как часто и в какой отвратительной форме подобное будет повторяться в последующей многовековой истории!

Он знал.

И, распятый на кресте, жалея людей, думал о них плохо.

И поведение нищих на Голгофе по своим истокам мало отличалось от поведения остальной толпы.

Но с нищими было проще. В отношении других — их действия, их разрушительный порыв объяснялись не только желанием взять как бы реванш за минуты прошлого унижения. Дело было серьезнее.

И хуже.

Дело было в том, что они не хотели жить грешной жизнью. Жизнь во грехе, когда они терпят унижения от более сильных, но и сами, в свою очередь, обижают тех, кто слабее, — такая жизнь их вполне устраивает.

И поэтому Христос им просто мешает.

И они желают смерти Иисуса.

Нет, никакой обиды за себя, ни тени обиды, не было, не могло быть в душе Иисуса! Он просто осознал вдруг с ужасом, что эти люди — и на Голгофе, и в Капернауме, и в Назарете — никогда, никогда не будут достойны Царствия Небесного, потому что не хотят этого.

Быть может, необходимо рождение нового человечества — и не смена поколения за 40 лет, как было в свое время в пустыне у Моисея, а замена этих, безнадежно погрязших в грехе людей на дру-

гих — чистых, полных Божественной гармонии?

Но такое в человеческой истории уже было...

XIII

Такое уже было, было...

«И увидел Господь, что велико развращение человека на земле. И помышления их были зло во всякое время».

«И сказал Господь: истреблю Я с лица земли человека, которого Я сотворил...», «наведу потоп водный, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни...».

И вот теперь, в последние мгновения своего земного существования, находясь на крайней, наивысшей точке духовного напряжения, на пределе всепроникающего видения, Он вспомнил, вспомнил, представил ярко, как все это было.

Почему-то в памяти среди бесчисленного множества картин на первый план выходили не люди, а животные. Возможно, происходило это оттого, что Он не хотел, слишком это тяжело было, видеть тех людей, пусть грешников, плывущих из последних сил, с обезумевшими лицами, захлебывающихся во все прибывающих потоках воды... Страдающий от неутоленной жажды, еще мгновение до того мечтавший о глотке воды, Иисус испытывал сейчас отвращение к этой бесконечной водной стихии, хотя вода была пресная и ее можно было пить...

Вот привязанная на длинной веревке к дереву коза и подле нее маленький жалкий козленок. Вода поднимается выше и выше, коза плавает, делая круги все уменьшающегося размера — сколько позволяет веревка, бьет копытцами передних ног по поверхности воды, как бы пытаясь выкарабкаться наверх, во все стороны летят брызги. Но вот веревка натягивается до предела, голова козы скрывается под водой, тело принимает почти вертикальное положение, виден розовый козий живот и набухшие сосцы. А козлик, который не привязан, плавает вокруг, пытается поймать ртом эти сосцы, видя в том материнскую опору, надежду на спасение. Потом тело козы скрывается в водяной воронке, булькнув, всхлипнув напоследок, а козлик все плавает над тем местом, где только что была мать, а сейчас выныривают из глубины пузыри...

Или те волы, их двое в одном яре, а за ними плуг. Когда сплошной непроницаемой стеной полил дождь, хозяин, оставив волов на поле, побежал к дому, панически размахивая руками. А когда опомнился, вернуться за волами уже не смог; дом его стоял на склоне горы, высоко, а поле — в низине, и оно было залито водой. Волы хотели было без хозяина идти к своему дому, но идти им уже не пришлось: вода оторвала их от земли, и они поплыли. И вот эта пара в общем яре, а за ними на отмеренном дышлом расстоянии — деревянный плуг, — словно корабль, бороздит водную поверхность. Когда они подплыли к дому, того уже не было видно, чуть возвышались над поверхностью воды ворота, и волы не уплывали от этого места, тыкались рогами, широкими тупыми лбами в верхнюю перекладину ворот, мычали, взывая к хозяину, чтобы их пустили...

И люди, и дети!.. На кровле дома стояла женщина с младенцем на руках. Вода уже дошла почти до

кровли, хлынула через окно в комнату и, прибывая, поднималась все выше. Женщина, желая спасти хотя бы ребенка, держала его на вытянутых руках над собой. Уровень воды нарастал быстро. И когда голова женщины уже скрылась под водой, руки с ребенком все еще тянулись вверх, к небу... К Богу?..

Такие ужасные, невыносимые картины...

И во имя чего?

Привела ли эта вселенская катастрофа к желаемому результату — к исправлению человечества?

Сегодняшнее поведение толпы на Голгофе давало ответ на этот вопрос.

А ведь все они, злобные, жестокие, неумные люди, беснующиеся перед глазами Иисуса, были потомками праведника Ноя, с которого, по замыслу, должны были начаться новые, праведные человеки!

Но, может быть, и сам Ной не был таким уж праведным? Пусть он никого не убивал, мирно возделывал землю, пас скот, не крал, не прелюбодействовал, не желал жены ближнего своего. Но неужели Ной не видел того козлика? И тех волов? И захлебывающихся в воде, тонущих женщин, пусть трижды грешных? И многих, многих детей разного возраста, которые еще не успели согрешить и о которых Иисус сейчас не хотел, не смел думать, все отгонял от себя навязчиво лезущие в глаза картины?

Понимал ли Ной, что, находясь в своем сухом ковчеге, проплывая по тихой, гладкой воде, когда дождь прекратился и погода наступила безоблачная, знал ли он, что под ним, на дне этого, совсем недавно, менее чем за 150 дней, образовавшегося и разлившегося по всей земле моря находится гигантское кладбище, лежат кости многих тысяч, возможно, миллиона людей, обведенные рыбами и прочей водной тварью, а в северной части моря, где ковчегу приходилось вырливать, объезжая льдины, на глубине примерно 10—15 локтей медленно проплывали не подвластные тлению в холодной воде трупы людей, которые сталкивались иногда ногами, влекомые встречными подводными потоками?

А если видел, знал, понимал, то как он мог безмятежно продолжать свою праведную жизнь?..

Предатель Иуда не выдержал мук совести, бросил первосвященникам полученные им за предательство 30 сребренников и удавился. Покончил с собой много лет спустя после тех событий и Понтий Пилат.

Ной, об этом повествует Библия, прожил после потопа еще 350 лет. Правда, добавим от себя, стал попивать порой.

Нет, ни о какой каре, ни о каком наказании этих людей речь идти не могла. Впрочем, обо всем этом думать и тем более решать Иисусу не приходилось, ибо много раньше было сказано: «...не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого — зло от юности его; и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал».

XIV

И Иисус обрадовался, вспомнив эту извиняющую, оправдывающую фразу: «...зло — от юности его». Ну конечно же: «Прости их Господи, ибо не ведают, что творят!» И не затем пришел Он на землю, чтобы карать, но чтобы миловать. И не наказывать, но прощать. И не в геенну огненную вести людей, но — прямой дорогой в Царствие Небесное. И не обжорство

и разврат давать им в радость, но пищу духовную, Божью благодать, способную умиротворить человека, сделать его счастливым. Не долго, совсем не долго пришлось Ему пожить на земле, и не успел завершить Он того, что начинал. Но посеял, посеял то самое едва заметное горчичное зерно, из которого вырастет дерево, и будет это дерево давать тень, и птицы найдут приют в его густой листве.

И, конечно же, единственный, единственно правильный предложил Он им путь к спасению: растить, выхаживать, подобно доброму садовнику, свежие, еще не окрепшие ростки в душе своей, ибо в каждом таком ростке частица живого Бога: совершать добро, зная, что, кому бы из страждущих это добро ни было сделано, это все равно, что самому Богу.

И когда созреют, пойдут в рост эти свежие побеги, Он вернется на землю, и, отделив овец от козлищ, откроет для праведников ворота в Царствие Небесное. Он уверен: к тому времени пусть не все беснующиеся сегодня на Голгофе, но многие, и уж подавно дети их, как и большинство живущих на земле, будут достойны Царствия Небесного. Потому что в каждом человеке заложено светлое, Божественное, надо только чаще напоминать ему об этом.

А то, что в каждом человеке есть Божественное, видно даже сегодня, за примерами ходить недалеко. Вот справа от Него висящий на кресте разбойник. Человек измучен, близится смертный час — можно ли чего от него требовать? Но нет же: находит в себе силы мучиться о справедливости, говорит, что мы, мол, наказаны за дело, а он — кивает на Христа — страдает безвинно. Вот так отпетый преступник перед лицом смерти прозревает, начинает видеть то, чего не могут разглядеть жаждущие крови люди из толпы, здесь, на кресте, обретает веру. «Господи, возьми меня с собой в Царствие Небесное!» — обращается он к Иисусу.

Или другой человек — старик в плаще, стоящий в отдалении ссутулившись, в скорбной позе. Лицо его трудно разглядеть, потому что плащ с капюшоном, и капюшон надвинут на глаза. Но Иисус знает его, человек этот приходил к Нему однажды поздним вечером под покровом темноты. Зовут его Никодим, он член синедриона, заметная фигура в иерусалимском обществе. Никодим стоит здесь давно, но отдельно от священников, рискуя навлечь на себя гнев не только своих начальников, но и тех, кто стоит вровень с ним, и тех, кто ниже... Иисус помнил тот ночной разговор с Никодимом, помнил внимательный, мудрый взгляд его добрых глаз. Горчичное зерно в душе Никодима уже дало всходы — он ли не достоин Царствия Небесного?

А женщины в толпе — о них и говорить не приходится! Почему-то именно женщины, которым, казалось бы, по самой природе более, нежели мужчинам, приходится прислушиваться к зову своего тела, — именно женщины проявляли особое стремление к бестелесному, духовному, верили в Христа, не требуя для своей веры никаких доказательств. В большинстве своем бедные, они тем не менее с радостью делились последним, кормили, бывало, усталых и голодных путников — учеников Христа, да и Его самого нередко.

Иисус, это известно, был красив. Стройная худощавая фигура, рост выше среднего, шелковистые волосы, расчесанные посередине на пробор и ниспадающие

Рембрандт. Христос на кресте. Офорт.

до плеч, окладистая борода орехового цвета, прекрасные, добрые глаза. Но женщины, даже одинокие и самые греховные, шли за Иисусом, видя в нем не молодого красивого мужчину, но только покорившего их своей правотой и своей чистотой духовного пастыря. Другие, имеющие семью, замужние женщины, влеклись к Иисусу, потому что дома их ожидала грубость, отношение как к существам второго сорта (муж, «баал», в тогдашней Иудее — господин, жена — в ряду со слугами и имуществом; «Благодари Бога, что не создал тебя женщиной!» — была и такая молитва), а в присутствии Иисуса они становились людьми, ощущали в себе самое лучшее, духовное. Но, повторим, большинство женщин, преданных Иисусу, были не богатыми и, уж подавно, не имеющими никакой власти.

Но вот — это было уже незадолго до конца — по лицу Иисуса скользнул солнечный луч, хотя, как уже говорилось, распятые располагались спиной к солнцу. Но это не был луч от солнца, это был лишь «зайчик», отражение солнца от зеркала, которое держала в руке одна из женщин, стоявшая в отдалении, — смотрелась в него, поправляя прическу, потом выпустила из рук, и зеркало, прежде чем повиснуть на шнурке у нее на груди, отбросило солнечный блик, случайно достигший лица Иисуса.

Иисус еще раньше замечал, ощущал присутствие этой женщины на своих проповедях. Она всегда стояла в тени, стараясь не обращать на себя внимание. Простой, грубоотканый ее плащ доходил до пят, но, когда она ступала, можно было заметить, что сандалии на ее ногах не простые, с подошвами из пальмовой коры

и обычными ремешками, но дорогие, расшитые яркими разноцветными камнями. И хотя Иисус даже не подозревал, какое благое участие пыталась принять эта женщина в Его судьбе нынешней ночью, но ее приход сюда был радостен для Него. Иисус знал, кто она. Это была могущественнейшая из женщин Палестины, римлянка, жена прокуратора Понтия Пилата. И, конечно же, когда придет назначенное время, Он не позволит этой женщине, хоть и язычнице, вместе с другими нераскаявшимися грешниками подвергнуться вечному отчуждению. Его Суд будет справедливым.

Время Суда пока не наступило. Он еще сам не знал, когда наступит оно, но мысленно, в живых картинах, уже представлял, как огромное число праведных жителей Земли будет отделено от горстки погрязших в разврате злодеев...

И тут, совершенно неожиданно, в полном противоречии с тем, что было у Него перед глазами, Он вдруг подумал, что, нет, не наберется даже той горстки отпетых, неисправимых злодеев, которая представилась Ему в первый момент.

Но и толпы безгрешных праведников тоже не будет...

XV

Мысль о том, что невозможно будет разделить людей на чистых и нечистых, путала, нарушала то, что было задумано и предначертано. И хотя эта поразившая Его мысль не была все же той последней каплей, переполнившей чашу и вызвавшей предсмертный крик Иисуса, однако ее, эту мысль, следовало додумать до конца, потому что она не прямо, а где-то на периферии сознания вызвала в душе Иисуса какое-то особое, притом сугубо личное страдание...

Истинно, истинно — мог сказать Он себе, — не существует на земле беспросветных злодеев, равно как и идеальных праведников.

Пусть Он обещал Царствие Небесное распятому рядом с Ним разбойнику. Но одобрял ли Его решение те несчастные дети, которые остались сиротами по вине этого разбойника, убившего их отца?

Ему симпатичен мудрый старец Никодим. Но не слишком ли много «мудрости» у Никодима? Стремясь к истинному Божественному Откровению, Никодим, однако, не забывал о личной безопасности и, что того хуже, о своем престиже в том обществе, в котором жил. Никодим приходил к Нему не днем, а под покровом темноты, да и сейчас стоит, прикрыв капюшоном лицо. Раздать свое богатство нищим трудно, но все же легче, чем пойти против своей среды. Когда-то Иисус сказал, что тот, кто не готов оставить мать свою и отца, жену и детей ради того, чтобы идти за Ним, не достоин быть учеником Его. Эти странные слова до сих пор смущают читающих Евангелие. Но не следует ли понимать эти слова иносказательно, в том смысле, что человек обязан найти в себе силы порвать с привычными устоями, пренебречь людской молвой, смело вступить на новый, пока еще непривычный для окружающих, пускай даже самых близких людей, непонятный для них путь?

Старец Никодим еще не дошел до этого понимания.

А жена Пилата? Слушая Его проповеди, вникая в них, она совершала почти невозможное для женщины ее положения. Но она же участвовала в пышных,

шумных празднествах в Кесарии, в обильных чревоугодных пиршествах, беззаботно веселилась, благоухающая заморскими благовониями, в те самые часы, когда муж ее беспощадно карал воспротивившихся римскому владычеству жителей Галилеи, да и самого Иерусалима. Она увлеклась учением Христа; возможно, даже не только учением, но и самым молодым и красивым Иисусом, но ее нисколько не волновали страдания и пролитая кровь простых людей, жителей покоренной Палестины. Так ли уж достойна она Царствия Небесного?

Или — о чем думать Ему было особенно больно — ученики! Честные, простодушные, искренне преданные Ему люди! Он оставляет их на земле за Себя, вручает им факел своего учения, который они должны пронести по миру. Но из песни слова не выкинешь! Где они сегодня, эти Его ученики? Не видно их здесь на Голгофе (кроме, правда, милого Ему Иоанна)! Куда подевались они ночью из Гефсиманского сада, когда пришли с факелами арестовывать Иисуса? И еще: Он, конечно, не знал точно, слышать собственными ушами не мог, сбылось ли Его мрачное предположение о том, что Симон-Петр отречется от Него нынешней ночью, но был почти уверен, что именно так все и происходило... И все-таки Он любит Петра, верит, что тот пойдет на любые страдания, но от учения Христа не отречется.

В разные времена, в различные моменты своей жизни один и тот же человек проявляет себя по-разному. Да что там в разные времена! Посмотреть на лица беснующихся на Голгофе иудеев, и можно увидеть в них следы двух несоединимых начал: исторгающие проклятия рты, отвратительные, злобные гримасы и — на тех же лицах! — большие темные глаза, которые сразу обращают на себя внимание, едва только прекратится, прервется на какое-то мгновение крик, — глаза неподвижные, грустные, полные какой-то вековой скорби, словно запечатлено в них знание о будущих страданиях народа, которому предстоит совсем скоро, когда от Иерусалима не останется камня на камне и город будет залит кровью, быть угнанными в рабство, а потом столетиями скитаться в чужих землях, терпя неприязнь к себе и унижение.

Да, это так: в каждом земном человеке есть светлое Божественное начало, но есть и темное, подчас страшное — сатанинское, и отделить одно от другого никто не в силах. И, быть может, в этой раздвоенности, в этой первородной греховности крылась причина ненависти толпы к Иисусу — к человеку недостижимой для них высоты?

Больной организм отторгает от себя пересаженное в его тело здоровое сердце, выяснилось в наши дни. Не потому ли общество тогдашней Палестины отторгло от себя Иисуса, который одним только своим существованием, своей цельностью, нераздвоенностью, безгреховностью постоянно напоминал им о собственном несовершенстве?

Возможно, это и так.

Николай Ге. Распятие. Рисунок.

Но.

Это появившееся вдруг «но» повергло Иисуса в смятение. Он подумал, Его буквально пронзила мысль, что и Сам Он имеет в своем человеческом облике элементы раздвоенности, что и в Его поведении в годы земного служения тоже не было абсолютного единства, Божественной гармонии...

XVI

Поначалу вспомнилось малое, не очень важное. Подумалось о некоторых земных делах Своих, которых совершать, как Он теперь понимал, не следовало.

Одно из них было связано с Его давним посещением Иерусалимского храма.

Иисус редко бывал в Иерусалиме, но к этому святому городу у Него всегда оставалось особое отношение. Иерусалим был красив, великолепен. Иисуса мало интересовало это великолепие: блеск иерусалимских дворцов, мраморные колоннады, золотые щиты на стенах и огромные гроздья винограда из золота у дверей Храма, мозаики из сверкающих камней, — Иисус не любил роскоши, Он стеснялся ее. Но Иерусалим был городом, который существовал еще во времена Авраама, здесь, на одной из гор, должен был Авраам принести свою жертву Богу. В Иерусалиме жил царь Давид — милый Иисусу образ. И не ратные подвиги царя, не строительство красивых дворцов делали Давида привлекательным для Иисуса, но его Псалмы, многие из которых Иисус знал наизусть, пел их нередко, а в проповедях приводил слушателям отдельные строки из Давидовых стихов. Иерусалим не был в ряду других городов Палестины, и поэтому всякий раз при подходе к городу Иисуса охватывало некое волнение, ожидание скорого прикосновения к Святому.

И вот вспомнилось, как после недолгого пребывания в Капернауме, где так удачно проходило тогда его общественное служение, Он оказался на Пасху в Иерусалиме. С душевным трепетом входил Он в ворота города, направляясь к Храму. Но вокруг этого священ-

ного места, на всех подходах к нему Он не увидел ничего священного — одна только земная, низменная суета. В узких улицах — подобие рынка: лавки торговцев, продающих все, что только можно было продать — от священных памятных знаков до волов, овец, лошадей, голубей, — везде шум, выкрики, споры продавцов и покупателей, шныряющие здесь и там воры. И ладно бы только на улицах, ведущих к Храму, происходило это неприятное действо, но сей бойкий люд, бесцеремонно, как хозяин, обосновался и внутри храмовой ограды. Нижняя, довольно вместительная площадка Храма, так называемый Двор язычников, напоминала не двор Храма, а, скорее, скотный двор. Тут, привязанные нередко прямо к колоннам окаймляющей Двор галереи, стояли — бляели, мычали, ревели — овцы, мулы; на мозаичном полу были расставлены сплетенные из ивовых прутьев клетки с голубями, которых продавали тем, у кого не хватало денег для покупки жертвенных овец. И, наконец, живое воплощение алчности — менялы, чьи наскоро сколоченные деревянные столы стояли в тени, под арками портиков, и лежали на столах сложенные стопками монеты разного достоинства. И, дай всем этим торговцам волю, они, несмотря на лестницы, затащат свой скот наверх и устроят торжище во Дворе народов, который для мужей и который для жен, а менялы не постесняются забраться в Святая Святых, разве что не сделают этого, потому что там темно, окон нет, и торговать не получится.

Вся эта картина настолько противоречила предвзвешенному настрою Иисуса, была настолько оскорбительна для Божьего храма, что Иисус не выдержал. В гневе Он схватил лежавшую на земле веревку и ею, как бичом, стал изгонять сначала овец, которые с бляением, бойко семеня своими тонкими ногами, гуртом устремились к выходу из Двора, толпясь в воротах и обтирая бока друг друга, потом самих торговцев и, наконец, ненавистных Ему менял. Он не стал уговаривать их, понимая, что там, где властвует алчность, убеждение не поможет, но попросту перевернул пару столов менял, монеты рассыпались, и менялы принялись собирать разбросанные монеты, ползая по грязной, в помете, земле.

Священники наблюдали все это через низкую ограду своего двора, откуда площадка язычников была как на ладони, но не вмешивались: оскорбленные самоуправством Иисуса, они, с другой стороны, не могли не одобрить результат Его действий, потому что каждый про себя понимал: Божий храм не базар...

И вот теперь, много времени спустя, на кресте, Иисус подумал, что поведение Его в тот день было неправильным.

Во-первых, оно противоречило взглядам Иисуса на насилие, нарушало единство Его мыслей и действий, было проявлением той самой раздвоенности, которую Он наблюдал в людях. Во-вторых, изгнание торговцев практически ничего не дало, потому что, придя в тот же Храм два года спустя, Он застал в ограде ничем не отличающуюся от прежней картину. Наконец, и это главное, так ли уж вредны были эти менялы? Ведь прибывшие из отдаленных мест паломники должны были жертвовать деньги на Храм, но денег, имеющих хождение в Иудее, у них не было, а других монет, тем более языческого происхождения, с чуждыми символами на потускневших медных боках, здесь не принимали. Оставалось одно: поменять свои деньги на леп-

ты, драхмы, а у кого их много — на сикли и таланты. Именно это позволяли им сделать менялы. Надо ли было переворачивать их столы?.. Что касается торговцев голубями, то ведь это спасение для бедняков; Иисус знал по рассказу матери, что Мария и Иосиф принесли в жертву именно голубя, когда родился Иисус.

Нет, не все и не всегда правильно, в соответствии с высшим смыслом делал Он на земле. Так, наверное, не следовало резко выговаривать Петру прошлой ночью («Отойди от меня, сатана!» — вспомнил свои слова Иисус), когда Петр клялся в вечной верности Учителю. И предрекать отступничество, уличать в этих будущих действиях пока еще ни в чем не повинного Петра тоже не стоило...

И еще. Правомерно ли было говорить ученикам нынешней ночью: «Один из вас предаст меня»? Ведь Он уже знал, что предаст Его Иуда. Зачем было вселять сомнение в остальных, которые, веря Учителю, терялись в догадках, подозревая друг друга?..

Немало вспомнилось в те мгновения Иисусу, но все это еще не было главным, что тревожило Его, вызывало особое страдание...

XVII

Среди беснующейся, злобной, зараженной ненавистью толпы особняком, в некотором отдалении от виселиц, но так, что еще можно было хорошо видеть лицо Иисуса, стояла группа галилейских женщин, верных своему Учителю и горюющих по Нему. Женщины плакали, не скрывая своих слез, иные по восточному обычаю рыдали в голос и причитали.

Но была среди них одна, которая не плакала, не кричала, ничем внешне не выказывала своего горя. Она стояла, как и все другие, в черном одеянии, но чуть позади, словно прячась за спины; лицо ее было почти закрыто покрывалом — похоже, она стремилась остаться незамеченной...

Старец Никодим стоял в стороне, скрываясь, потому что боялся священников, не хотел, чтобы они узнали его...

Жена прокуратора боялась гнева Пилата и поэтому не хотела, чтобы ее увидели римские воины и местные жители...

Женщина, о которой идет речь, не боялась ни священников, ни римских воинов, ни местных жителей.

Она не хотела, чтобы ее увидел Иисус.

Это была Мария, мать Иисуса, Богородица.

И понять ее такое странное для матери поведение с обычной, житейской точки зрения невозможно.

Но Иисус знал о присутствии матери на Голгофе, видел ее. И все, что она делала, было Ему, только Ему одному в целом свете, понятно...

Иисус прожил с матерью в Назарете почти до 30 лет, потом ушел из дома и с тех пор встречался с ней не часто. Он был Сыном Человеческим, но можно сказать, что был Он и Сыном Человечества, а не просто сыном бедной матери из Назарета по имени Мария. И хотя они, Сын и мать, никогда не говорили вслух о подобном, но было между ними полное внутреннее понимание. И свой, не менее тяжкий крест, чем тот, который сегодня пришлось взвалить на себя Иисусу, Его мать несла на себе всю жизнь, несла безропотно, сознавая, что, как уже говорилось, так надо.

И Иисус вспомнил, высветилось в мозгу ярко и мучительно, — вспомнил одну только (несостоявшуюся!) встречу с матерью в небольшом селении близ Капернаума...

Утро того дня началось с молитвы. Иисус, как всегда, удалившись от общества, не сидя, не коленопреклоненно, а стоя молился Богу. Ученики попросили научить их молиться так же самозабвенно, как это делал Он. И Иисус повторил для них текст молитвы, которая известна всем верующим христианам по сию пору. Эта молитва «вобрала в себя все лучшее и чистейшее, что было в молитвах иудеев» (Ф. Фаррар), отцы церкви называли ее «сокращенным евангелием», «жемчужиной среди молитв»*.

И эта утренняя молитва, беседы с учениками, их полное душевное единение с Иисусом были тем камертоном, который задал тональность всем событиям предстоящего дня. И даже время, потраченное на исцеление больных, и споры с приехавшими из Иерусалима книжниками не могли сбить эту высокую ноту духовного общения и взаимной любви.

И в том бедном доме, куда пробраться было невозможно из-за толпы, окружавшей Его, в той заполненной до отказа комнате, где Иисус вел беседу, похоже, не множество находилось людей, а единый, неразделимый организм, и Учитель был составной частью этого организма, находился не вне его, а внутри, в центре.

И вот в момент такого нравственного, духовного подъема, когда каждый, прислушиваясь к Нему и к самому себе, был как бы отделен от внешнего мира, не воспринимал и не желал воспринимать сигналов извне, — именно в этот момент в дверь протиснулся человек из окружавшей дом толпы и сказал, обращаясь к Иисусу: «Вот мать твою и братья твои стоят вонне, желая поговорить с тобой».

Собственная семья — это хорошо, это естественно. Но если ты посвятил себя общественному служению, если твоя душа, все твои помыслы, вся жизнь отдана людям, то личное, в том числе и семья, отходит на задний план. «Кто не способен оставить мать свою и отца, тот не достоин быть Учеником моим», — было, было сказано...

И Иисус произносит фразу, которая способна озадачить любого читающего Евангелие:

«Кто мать Моя? И кто братья Мои? — спрашивает Он и, указав на Учеников, продолжает: — Вот мать Моя и братья Мои. Ибо кто будет исполнять волю Отца Моего, тот Мне брат и сестра и мать».

Иисус не пожелал встретиться с матерью!

Поведение Иисуса в тот вечер было понято не всеми.

Но мать поняла. И оправдала действия Сына. Она покорно ушла, сознавая, что не должна мешать Ему...

И вот теперь на Голгофе она снова не хотела — как ни странно звучит это слово, — не хотела мешать...

Но чего это ей стоило — как говорится, один Бог знает!

Иисус знал.

И это горькое знание острой душевной болью пронзило Его...

Но и это было еще не все.

Много позже одним из апостолов будет сказано примерно следующее: «Если кто говорит, что любит

Бога, но не любит брата своего, не верю тому, что он любит Бога...»

Было ли поведение Иисуса в тот вечер проявлением нелюбви к своей матери?

Такого вопроса Он даже не задавал себе.

Не задавал, потому что знал, что любит мать. Более того, Он любит ее непозволительно сильно. «Непозволительно»? — вот уж нелепое, неподходящее слово! Но любовь к людям, составлявшая самую суть, смысл Его Божественного и человеческого естества, предполагала любовь ко всем людям, любовь, распределенную равно между ними. И Он не мог, не смел выделять кого-либо особо, тем более людей, связанных с Ним родственными узами. Но, вопреки всему, так ясно задуманному и первоначально заданному, Он чувствовал, постоянно отгоняя от себя осознание этого факта, — чувствовал, что любит свою мать больше других людей на земле. Он страшился этого знания еще и потому, что любовь к матери была в какой-то степени любовью к самому себе. И Он пытался искусственно ограничивать себя в проявлении сыновних чувств...

Вот такие раздирающие душу ощущения и мысли роились в голове Иисуса в те последние мгновения. Получалось, что цельности, единства, Божественной гармонии не было и в Нем. Получалось, что не так-то легко выдерживать испытания сложностями земной жизни... Но тогда чего требовать с тех, кто толпится, неистовствуя, сегодня на Голгофе?..

Не нам судить, но, право же, было от чего возникнуть тому предсмертному крику!..

Время шло. Возбужденное, горячее состояние усиливалось. Но зрение, слух, сознание не ослабевали, а, может быть, становились еще обостреннее.

И Он услышал речи, которые в разных вариациях раздавались в толпе: «Всех спасал, пусть теперь сам себя спасет!», «Сойди с креста, и мы поверим в тебя!».

«Отойди от меня, Сатана!» — прошептал Иисус, но слова эти были произнесены столь тихо, что их никто не расслышал, и нет упоминания о том в Евангелии.

XVIII

«Если Ты Бог, сойди с креста, и мы поверим в Тебя!» — говорили в толпе.

Подобное или очень похожее Ему уже приходилось слышать.

«Если Ты Бог, скажи, чтобы эти камни сделались хлебами!» — было сказано Ему однажды.

«Если Ты Бог, бросься вниз с высоты!» — предложено было далее.

Наконец, пытались соблазнить Его богатством и властью, посулив положить к Его ногам «все царства земли»...

«Отойди от меня, Сатана!» — произнес Он тогда точно такие же слова, что и сегодня...

Нет нужды пересказывать историю соблазнения Христа Дьяволом. Даже те, кто не читал Евангелия, знают о ней из «Легенды о Великом инквизиторе» Достоевского. Из подробностей известно немногое. Сказано, что дело происходило через короткое время после крещения Иисуса в водах Иордана, что Христос удалился в пустыню, «был со зверями», находился там сорок дней, «ничего не ел в эти дни, а по прошествии их взалкал». Этим последним и воспользовался Искушитель, предложив Ему обратить камни в хлебы. Ис-

* Речь идет о молитве «Отче наш»...

следователи и толкователи указывали даже, о каких камнях шла речь (так называемые «камни иудейские», внешне похожие на хлебы). Ориентировочно, по некоторым данным, установлен географический район, где происходило искушение, а именно: западнее Иерихона на горе, возвышающейся над мутными щелочными водами Содомского моря.

Не установлено только одно: как выглядел «искуситель», был ли это сам Дьявол или только голос его? А может быть, лишь Дух Сатаны?

Этого, признаются исследователи, нам узнать не дано.

Однако попробуем порассуждать, используя не научные, а обыкновенные житейские соображения.

В пустыне Иисус находился один (не считая зверей), никто со стороны наблюдать происходившее и тем более достоверно описать его не мог. Это значит, что евангелисты узнали обо всем из уст самого Иисуса. Ученики были тогда простыми, не очень грамотными, прямодушными людьми; по основному занятию — некоторые — рыбаки; об одном известно, что у него была семья. Трудно предположить, что, услышав рассказ Иисуса, они не задали несколько вполне естественных, вызванных обыкновенным любопытством и здравым смыслом житейских вопросов. Например: «А как он выглядел, Сатана? С рогами? С копытами? Высокий? Низкий? В чем одет?» А услышав ответ, конечно бы, не удержались от того, чтобы не пересказать потом эти совершенно уникальные подробности в своих описаниях жизни Иисуса.

Но этого не произошло.

Почему?

Потому что — позволим себе в порядке предположения высказать несколько вольную мысль, — потому что никакого реального Сатаны не было.

Что же было?

Было все то же двуединое начало в душе, на этот раз — в душе Иисуса, когда борются Добро и Зло, Правда и Кривда, Высшее Духовное и Суетное.

Утвердить себя, заставить их поверить, сотворив чудо — это суетное, недаром Иисус всегда неохотно соглашался совершать чудеса, Он хотел, чтобы люди шли за Ним не потому, что Он обладает сверхъестественным даром, но лишь принимая сердцем и умом Его учение. Это о «хлебах» и о предложении прыгнуть с высоты. Что касается власти над «царствами всей земли», то это было просто нелепо по отношению к Иисусу — противнику всякой власти, подавляющей свободную волю человека.

«Сатана» в тот раз ничего не добился от Него, оставил Иисуса.

«До времени», — добавляет ап. Лука.

Это добавление говорит о том, что были и другие случаи искушения, но о них нигде не пишется. Можно предположить, что это «до времени» тянулось почти до самой кончины Иисуса и наступило в момент, о котором идет речь.

XIX

Эти слова: «Если Ты Бог, сойди с креста, и мы поверим в Тебя» — послужили как бы детонатором, который заставил вступить во взрывное взаимодействие все пережитое и продуманное Им за эти последние мгновения. Тут и острое желание жить, вызванное теми каплями воды и запахом кипарисовой древеси-

ны, — желание, вступившее в противоречие с Предназначением; и понимание неразделимой сущности Добра и Зла в душе человеческой, что делало неосуществимой идею грядущего Суда; и наблюдение картины разбушевавшейся толпы, когда мелькнула мысль, противоречащая всем основам, о том, что иной раз власть деспотического правителя приносит меньше горя и разрушения, нежели разгул получившей свободу толпы. А ведь именно Он дал им эту свободу. И не просто свободу — в социальном ее смысле, а свободу высшую — свободу нравственного выбора. Но какой выбор сделают они, получив эту свободу? Он страдал оттого, что слишком далеко видел. И эта вырисовывающаяся на много веков вперед перспектива была неутешительна...

Сегодня Он идет на смерть во имя спасения людей, за грехи их — прошлые, настоящие и будущие. Но не послужит ли Его жертва еще большему усилению греховности, ибо все грехи прощены им наперед?..

И, конечно же, мысли о матери входили составной частью в эту гремящую, взрывную смесь. Ему было мучительно больно оставлять мать, одинокую, на земле, Он чувствовал себя виноватым перед ней. Существует предание, будто в самый последний момент Он сказал подошедшей к кресту матери и ученику своему Иоанну: «Вот мать твою» и «Вот сын твой». Было ли такое в действительности или придумано одним из евангелистов, трудно сказать. Не исключено, что нечто подобное все-таки было: известно, что мать Иисуса Мария жила до самой своей смерти в доме Иоанна.

Но сквозь весь этот стусок противоречивых чувств стала вырисовываться, все более созревая, уже почти определившаяся мысль о том, что уходить Ему еще рано, Он еще не все сделал, что можно было сделать на земле.

И требование толпы сойти с креста, хоть и напоминало прошлые искушения, потому что предполагало воздействие на людей некоей сверхъестественной акцией, чудом, на этот раз не вызвало внутреннего протеста Иисуса. Конечно, никому не известно, и проверить это нельзя, сумел бы Он, даже если бы захотел, исполнить это требование или не сумел. Но сам Иисус подобного вопроса перед собой не ставил: Он был уверен, что такое Ему подвластно.

Оставались мгновения, и надо было решать...

В своих поступках Иисус руководствовался в основном чувством — сердечным, душевным побуждением. Но это не значит, что действовал Он только по интуиции, не продумав, «не просчитав» последствий своих действий. В одной из Его проповедей говорилось: «Ибо кто из вас, желая строить башню, не сядет прежде и не вычислит издержек, имеет ли он, что нужно, для совершения ее, дабы, когда положит основание и не сможет совершить, все видящие не стали смеяться над ним, говоря: «Этот человек начал строить и не мог окончить».

Но в те мгновения речь шла не о башне. От Его решения, понимал Иисус, зависел, быть может, дальнейший ход истории, судьба человечества.

Надо было вычислить издержки.

...Вот Он сойдет с креста и, прихрамывая, разминающая отекающие конечности, сделает несколько первых шагов по земле. Присутствующие будут потрясены. И снова Он станет их кумиром, и снова будут возгласы: «Осанна!», «Господи, спаси нас!». И добавятся к ним слова покаяния: «Равви, прости нас, ибо мы не

Рембрандт. Большое снятие с креста. Офорт.

ведали, что творили!»

И Он простит им, семижды семьдесят раз простит, только бы послужило это делу Его жизни, только бы пошли они за Ним.

И они пойдут, как было когда-то в Галилее.

Они пойдут...

Но путь их совместный, понимал Он теперь, будет недолог. Они снова, и на этот раз окончательно, покинут Его.

Но почему? После всего происшедшего!

Причин этому много, и они серьезны. Душевный подъем, вызванный свершившимся на их глазах чудом, быстро пройдет, улетучится, но нечто не минутное,

а долговременное, что и прежде вызывало у них неприязнь к Иисусу, останется. Ибо носить постоянно Бога в себе — это не легко, это требует труда, даже в какой-то степени насилия над собой. И они не захотят взвалить на себя сей тяжкий крест. Конечно же, никто из них не признается даже самому себе в истинной причине своего отступничества. Проповедь покаяния, начатая Иоанном Крестителем, все еще не овладела сердцами людей: они вроде бы научились каяться, но делают это как-то напоказ и все больше по мелочам, не желая в то же самое время признать за собой грехи действительно тяжкие.

В этой связи огорчала Иисуса и еще одна черта

этих людей: во всех происходящих с ними бедах они, избегая покаяния, всегда стараются обвинить кого-нибудь.

Иисус видел многое наперед, хотя, конечно же, Он не был предсказателем. Иисус, глядя вдаль, различал не отдельные события, но основную линию развития — и, конечно же, не политического развития общества, ибо политика — дело случайное, преходящее, — но линию развития человеческого духа, определяющую все остальное. Но мог ли даже Иисус предположить, что два тысячелетия спустя стремление искать виновных вовне приведет к тому, что вину за неумение наладить свою жизнь, неверный выбор правителей люди не просто будут сваливать на врагов внешних и врагов внутренних, но прежде всего на иноподданных, в том числе на относительно небольшую группу людей иудейской крови, прикрываясь при этом необходимостью защищать христианство и начисто забыв о том, что и мать Иисуса, и Иосиф, и апостолы были по крови иудеями... Но это случится много, много позже. А пока эти люди, иерусалимские иудеи, свой грех, свою вину за нечеловеческое поведение в день Распятия (внутренне они не могли не сознавать этого!) попытаются свалить на самого Иисуса.

И потому понимал Он: не захотят эти люди, чтобы живущий среди них Христос своим существованием напоминал им про их собственное нравственное падение. И у них снова появится необходимость избавиться от Христа. При этом, несомненно, найдутся мудрецы, способные оспорить, подвергнуть сомнению свершившееся на Голгофе чудо, которое их усилиями со временем будет отнесено к разряду обычной легенды.

И снова в их представлении Иисус перестанет быть Богом, а превратится в обычного странствующего проповедника, которого преследуют священники, а теперь еще и римские власти, в бедного, неимущего человека, у которого не только нет собственного стада овец, волов, рыбачьих сетей и лодки, но даже крова над головой, на что, кстати сказать, Иисус и сам однажды посетовал. Могут ли они в меру своего представления о действительности верить и подчиняться воле человека, который спит нередко на голой земле, завернувшись в собственный таллиф, и прохаживая в безлунную ночь могут ненароком наступить на него, не разглядев в темноте?

Однако эти беснующиеся, неуправляемые, казалось бы, люди прекрасно умеют подчиняться властелину, стоящему над ними, умеют быть покорными, униженными и не только довольствуются этим, но порой даже стремятся к подобному состоянию.

Но кого выбирают они себе во властители? Истинно, истинно, не таких, как Он! Признают над собой жестоких, богатых, поражающих их этим недостижимым для них богатством, показным величием... «Сначала было слово» — так! Но ведь только сначала!

Значит ли это, что они любят своих тиранов-властителей, которым поклоняются и которых прославляют напоказ? Отнюдь! И едва только под властителем закачается почва и его становится безопасно отвергать, с каким вождельствием они оплевыывают его, ругают памятники и мочатся на опустевший пьедестал...

Властитель, тиран — это плохо всегда, даже в тех

случаях, когда он руководствуется вроде бы благими намерениями. И все-таки у властителя, пока он на престоле, есть возможность воздействовать на толпу. И не следует ли ради благой цели воспользоваться такой возможностью? Тем более многие просили Его об этом и даже предрекали подобное.

Иисус вспомнил, как в Его младенческие годы мать, сидя у Его постели, рассказывала на сон разные успокоительные истории и среди них об архангеле Гаврииле, который будто бы сказал про Иисуса: «И даст Господь Бог престол Давида, отца Его, и будет Он царствовать над домом Иакова во веки веков, и царству Его не будет конца». И не Ему ли, Иисусу, кричали совсем недавно: «Сын Давидов», «Царь Израильский»? И не Его ли просила толпа быть царем над ними тогда в Галилее, а Он ушел, незаметно удалился от них, не желая даже отвечать на подобные предложения.

Он, презирающий политику, считающий политику ничемным, суетным делом — Ему ли восходить на престол? Политика захлестывает своей мелочной суетой даже самых праведных из людей. Известно высказывание Иисуса об Иоанне Крестителе: «Даже самый меньший в Царствии Божьем будет больше Крестителя». Почему, за что так сурово отозвался Иисус о праведнике, который, кроме всего, первым на земле разглядел в Иисусе Бога? А потому, вероятно, что хотя и жил Иоанн в пустыне, питался акридами и диким медом, носил на себе верблюжью шкуру, но не мог все же внутренне отстраниться от мирской политической суеты, даже дворцовых интриг. Действительно, какое, казалось бы, дело отшельнику, праведнику, до любовных историй царя Ирода? Зачем внимал доходящим до него слухам? Ему ли заниматься этим? Но нет же, занимался! Негодовал, требовал от Ирода, чтобы тот расстался со своей новой женой Иродиадой, которая прежде принадлежала брату Ирода, приходил на встречу с царем, гневно обличал его. Иродиада получила в подарок от мужа голову Крестителя, и эта трагедия была в конечном счете расплатой за суету.

Суета мстит за себя: ведь именно Иоанн, открывший Божественное предназначение Иисуса, сам же и усомнился в этом, потерял веру. «Ты ли это, который должен прийти, или нам ожидать другого?» — обращался он к Иисусу в своем кратком послании из тюрьмы, переданном гонцом.

Нет, политическая суета не Его удел!..

Это так... Но разве существует другой выход?

И пусть осознает Он, что все правители становятся со временем тиранами, презирающими, а потом и ненавидящими свой народ. Но ведь Он, Иисус, не станет таким, если все-таки решится на подобное! Его царство будет царством правды и справедливости, поистине Царством Божиим на земле! И подвластные Ему народы будут любить Его.

Будут любить... Но так ли это? Ведь требования Его к ним останутся прежними. Но именно этих требований они и не захотят выполнять, дабы не обременять себя. И постепенно начнут вызывать протест, неприязнь к Нему, теперь уже к Царю, и сдерживаемая до поры до времени ненависть...

Значит, остается один выход. И мудр был Отец, предначертавший ход событий!

Он умрет и смертью своей спасет человечество. «Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падиши на землю, не умрет, оно останется одно,

а если умрет, принесет много плода», — случилось сказать Ему однажды. Он умрет, и множество проросших семян, стебельков, стремящихся к свету, будет зеленеть по всей земле. И тогда Он явится сюда. Явится собирать урожай.

Когда, в какой срок это случится? «Не пройдет и род сей, как все это будет», — сказал однажды Иисус. По-разному толковали люди Его слова. Что такое «род»? Поколение? Но тогда пророчество не сбылось. Или у Него другие меры времени? В Евангелии есть фраза: «Тысячи лет, как один день». С тех пор прошло две тысячи лет, но пока ничто не предвещает наступления Божьего Царства.

Знал ли Он, что так будет?

Знал.

А еще правильное — узнал. Узнал, осознал, понял

вдруг, что не осуществление мечты о Царствии Небесном, а только лишь сама мечта, вечная надежда на его приход способна побудить людей идти по пути нравственного, духовного совершенствования.

И конца этому пути не будет никогда...

И второго Его пришествия на землю тоже не будет.

К такому выводу пришел Он в последние мгновения своей земной жизни...

...Так ли все это было в действительности, возможна ли в голове Сына Человеческого подобная мысль — теперь уже никто не сможет ответить на этот вопрос. И да простится автору этих раздумий дерзкая попытка познать Непознаваемое...

...Раздался страшный, душераздирающий крик. И Иисус умер.

Литературная викторина

"Герои вечных книг"

Уважаемый читатель!

*Главная цель предлагаемой
Вашему вниманию викторины
— общение с Вами и желание
сделать журнал более интерес-
ным, если хотите, даже до-
машним, а значит,
любопытным для всей Вашей
семьи.*

*На первый взгляд данная вик-
торина покажется традици-
онной, но не спешите с
выводами. Вам надо, проходя
этапы интеллектуального ма-
рафона (а мы будем печатать
вопросы викторины до конца
года), доказать авторитетно-
му жюри, что Вы настоящий
знаток литературы.*

*Того, кто преодолеет дис-
танцию викторины и блиста-
тельно ответит на все
вопросы, а также выполнит
обязательное условие конкурса
— предъявит подписную
квитанцию на второе полуго-
дие 1994 г., — ждут призы:*

— Гран-При — цветной теле-
визор "Шилялис";

— Первое место — библио-
тека из 24-х книг — произведе-
ния классиков и
современников;

— два Вторых места — им-
портные портативные радио-
приемники;

— три Третьих места — чай-
ные сервизы на шесть персон.

*Итоги викторины будут под-
ведены в марте 1995 г. и опубли-
кованы в майском номере
журнала "Юность".*

*Редакция берет на себя рас-
ходы по приезду в Москву иног-
родних победителей
викторины.*

*Письма с ответами присы-
лайте не позднее 1 марта
1995 г. и помните о главном ус-
ловии — участники викторины
должны прислать также кви-
танцию о подписке на журнал
"Юность" хотя бы на пять но-
меров второго полугодия.*

Итак, в путь друзья!

*Ответы присылайте по ад-
ресу:*

101524, Москва, 1-я Твер-
ская-Ямская ул., д. 2/1, редак-
ция журнала "Юность". На
конверте пометьте: "Литера-
турная викторина".

А вот и первый вопрос, так
сказать, для разминки.

"21 февраля. Прочел 8-ю гла-
ву "Онегина"... Появление Та-
ни живо, но нападки на *** не
слишком кстати. Мне бы этого
не следовало, быть может, го-
ворить, потому что очень хоро-
шо узнаю самого себя
гиероглифом трех звездочек..."

Она казалась верный снимок
Du comme il faut...***,

прости:

Не знаю, как перевести

*По какому поводу, кем и когда
сделана эта дневниковая за-
пись, чье же имя Александр Сер-
геевич зашифровал под
астронимом (звездочки в тек-
сте)?*

На Литературную гостиную, в кабинет главного редактора «Юности», приглашенные приходят как на праздник — радостные, возбужденные. Кто присутствует на чтениях впервые, обычно говорит перед расставанием: «Как у вас хорошо! Уходить не хочется...» Гости разные: прозаики, поэты, критики (маститые и молодые), художники, композиторы, актеры, уфологи, даже йоги... Два самовара: большой и малый — отдуваются на столах. Съёмочные вёшники. Тут и телевизионщики, и бессменный редакционный фотомастер Леонид Шиманович, Лёня. Вдумчиво ведут запись посланцы радио. Вострит дружелюбные перья пресса... «Виновники торжества» — авторы чтений, — коим посвящены собрания гостиной, приглашаются не с бухты-барахты: данные литературные имена отбирают редколлегия журнала и совет гостиной. Попасть в такой отбор — немалая честь! Каждый автор гостиной по заведенной в журнале традиции получает право на внеочередную публикацию.

Чтения поэта Юрия Влодова захватили слушателей — автор умеет держать аудиторию. Тема: сердце поэта, грешника, обращенное к Богу. Потом вопросы, высказывания. Один из основоположников русского верлибра, Владимир Бурич, заметил: «Особо ценно, когда талант обнажает помыслы и чувства, не пытается рядиться в ханжеские маски...» Известная рязанская поэтесса Нина Краснова высказалась прямо-таки восторженно: «Любое стихотворение, как взрыв!..» Перед телекамерой «Пресс-экспресса» главный редактор журнала «Юность» Виктор Липатов сказал: «Литературная гостиная — это одна из форм творческого отчета журнала перед подписчиками и как бы постоянно действующий клуб литературного общения. Автор сегодняшних чтений — Юрий Влодов, самобытный поэт со своим уверенным голосом».

Читателя, который любит подробности, мы адресуем к «Юности» № 7 за прошлый год, где опубликованы легенды о Влодове — «Иномирец», — интересно преподнесенные Юрием Беликовым.

А если еще шире: в издательстве «Московский клуб» выходит книга Юрия Влодова «Люди и боги» — 333 стихотворения и 3 поэмы. Божье число.

Юрий ВЛОДОВ

* * *

*Тень Господа скользнула по душе,
Как облако по скошенному лугу...*

«Отче...

Хочу оторвать от земли преклоленные очи...»

«Сыне!

Ты можешь ослепнуть

от солнечной праведной сияи...»

«Отче...

Дозволь заглянуть в непроглядные пропасти ночи...»

«Сыне!

Душа охладится от лунной губительной стыни...»

«Отче...

Какая дорога к тебе по-земному короче?..»

«Сыне!

Последуй за тем, кто блуждает

а житейской пустыне...»

«Мне стыдно, Отец мой...

Я глаз от земли не подымлю...»

«Люби свою землю!..

Люби свою землю!..»

* * *

Природа слепа,

Как всевидящий мастер

Гомер.

Природа глуха,

Как всеслышающий мастер

Бетховен.

* * *

Пахнут серой

цветы любви.

Пахнут медом

цветы забвенья.

Старец говорит:

«Каменею, терпя.

Чувствую зимний холод».

Дева говорит:

«Полубила б тебя,

Если бы ты был молод».

Дева говорит:

«Грудь от жажды горит!..

Перейми мою жажду!..»

Старец говорит:

«Нас Луна укорит.

От ее луча стражду».

Старец говорит:

«Кто такое — Господь?!

Утро иам сулит муку».

Дева говорит:

«Погаси мою плоть...

Положи на грудь руку...»

Дева говорит...

Старец говорит...

Брачий небосклон

Синим льдом горит...

Ледяная близь... Ложе...

Как смертельна жизнь...

Боже!..

* * *

И пальцы Христа —

Как дождь под солнцем... И дождь —

Как пальцы Христа...

Преткновенья Камея,

Ты сродни горбу.

Камень в стенах камер,

Камень на гробу...

Все под грузом каем.

И душа чиста...

Самый тяжкий камень

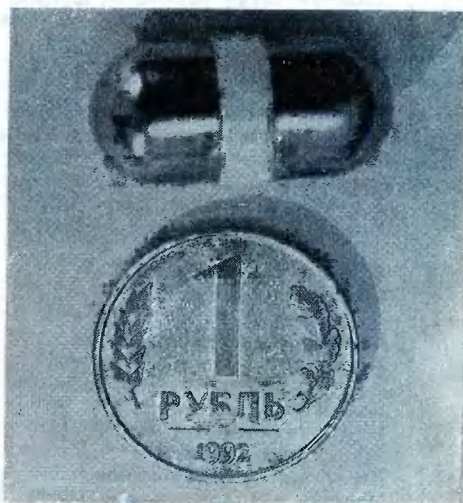
На спие Христа.

ПРОГЛОТИ КОМПЬЮТЕР И НЕ БОЛЕЙ,

или Небольшое
путешествие во чреве

Фото Леонида Шимановича

??????

— Почему Брежнев всюду ездил сам, а Черненко не вылезал из кабинета?

— Потому что Брежнев работал на батарейках, а Черненко — от сети.

Машины — это какие? Детский вопрос, поскольку взрослые еще задумаются, а дети ответят с ходу: в них люди ездят, ну, там, на работу, а иногда путешествие-ва-вы-ют в разные, ну, там это, в города, страны всякие. Умницы!

На заре века человек стал путешествовать в машине. И целый век своим техническим гением убеждал, что это не только автомобиль. На второй заре века, вечерней, машина стала путешествовать в человеке. В марк-твенковском измерении сенсации — человек укусил собаку. Сравнить же этот факт можно только с открытием нового типа животных в классификации Карла Линнея.

В этом году юбилей — десять лет с момента изобретения нового класса машин. Вы слышали? К этому году таких машин выпущено уже около двух миллионов. Видели хоть одну? Если нет, взгляните на фотографию. Ничего особенного. Но люди с повышенной застенчивостью перед словами «кишка», «задний проход», «фригидность» могут далее не читать.

Остальным предлагается детское путешествие, скажем, в... «члена Политбюро, который впервые» после... (подопытных животных пропустим — не совсем наша биология), впервые после самих врачей-изобретателей, ощутил внутри себя эту штуку. Старый литературный прием, будто мы попадаем КУДА-ТО, апробированный еще Льюисом Керролом

лом в «Алисе», но нам ближе к теме будет Кэрл Доннер с ее «Тайнами анатомии», где близнецы Макс и Молли попадают внутрь человеческого организма.

Не боимся уподобиться детям. И близнецам тоже. Ведь коли славянам все негры на одно лицо, то уж тем паче пред ликом Великой Эволюции Жизни мы все на этой планете двойняшки, тройняшки, и далее сколько угодно.

Машина называется «автономный электрический стимулятор желудочно-кишечного тракта и слизистых оболочек». АЭС. Не пугайтесь букв: мирный атом трудится не здесь. Размером это с фасолину, состоит из двух разнополюсных металлических полусфер с микропроцессором, батареей и какими-то локаторами-резонаторами внутри. Что-то вроде мини-мини-подводной лодки с энерготорпедами. Если хватит воображения — залезаем. Что там внутри — чернота. Там, физически выражаясь, тайна «черного ящика», который и сам есть тайна некоего — до недавней поры — «почтового ящика» 4-го Управления Минздрава в одной из тайных тайн ВПК, ныне конверсируемого. Короче, не будем ломать голову, где именно мы находимся (примерно так рассудил и Черчилль о России: тайна внутри загадки, завернутой в неизвестность), и задраим люк. Будем считать, что нас проглотили. Через щелочь слюны замкнулись две половинки корпуса, системы заработали. Кадык дернулся, мы провалились в желудок.

?????

- *Что у вас болит, пациент?*
- *Что вы за врач, если не знаете?*

Начало всему, вероятно, положила еще средневековая лягушка: ножка ее, отрезанная и подключенная к лейденской банке, дергалась. Далее выяснилось, что тело само вырабатывает ток, и нашлись болезни, связанные с нарушением «электропроводности», нарушенным тонусом пораженного органа. Феномен сокращения гладкой мускулатуры под воздействием токов определенных частот породил в медицине метод электростимуляции, когда внутрь человека вводится один электрод, а другой накладывается снаружи. Электроток «бьет по большому месту», стремясь вернуть орган в нормальный режим работы. Широко применяется метод, да хлопотен и «током трясет» чересчур, порою не сообразно ни биоэнергополю самого органа, ни организма в целом.

Тот, кто первый додумался создать автономный слабо-энергетический стимулятор амбулаторного и бытового применения, самостоятельно гуляющий и смекающий по своему разумению внутри человека да позволяющий к тому же безмедикаментозно, безтравматично и с задаваемой периодичностью осуществлять коррекцию и активацию целого ряда деградирующих систем организма — уф! — был гений. Аппарата взамен препарата. Физики вместо химии. «Врач внутри» в дополнение врачу снаружи.

Известно, врач лечит симптомы, а не болезнь. Лечить надо не болезнь, а человека...

?????

— *Десять лет лечил больного от желтухи, а вскрытие показало, что он китаец.*

...А человек ест — что сумеет съесть. Так что, пока из желудка наша электронная субмарина не нырнула в кишечный тракт, обратимся к пращурам.

Диета их в чем-то напоминала новомодные наши веяния: скушать лажку от мамонта, подремать, сходить в папоротниковый лесок пожевать кореньев, к вечеру на десерт — еще и горячие от первобытного солнца фрукты. Золотой был век, хотя, может, и каменный. Жили недолго, умирали молодыми. Мы противу них вечно старые должожители. Как ни скромно по нынешним временам питаемся, а все равно «ресторанно»: все, чему угораздит быть на столе, все разом да вперемешку в рот. «Ножку Буша» зажевали ржаным, сверху дослали кусок сала с толчушки у Киевского вокзала, запили порошковым молоком или чаем «с опилками». Мясу, белкам его, сидеть бы пока в соляной кислоте желудка, но хлебу, еще во рту обработанному слюной, скорее в ту часть кишечника, где перерабатываются углеводы. Салу, тому проныр-

нуть еще дальше, под струю желчи. Что происходит со щелочью и кислотой при соединении, со школы известно. В этом вот самом «ни то и ни се», выражаясь деликатно, и переваривается пища.

...А наша подлодка останавливается в толстой кишке, ибо, собственно, тут питательные растворы впитываются в кровь, разносясь затем по всему организму. Кишка хоть и толстая, но именно здесь то узкое место в нашем организме, в котором благополучно зарождаются недуги-недомогания, и откуда, как от Главпочтамта столицы, отсчитывает свои первые километры широкая, хорошо проторенная дорога в лучший мир. А вот почему подлодка сама останавливается именно здесь, знает лишь ее бортовой компьютер, мы команды «стоп» не давали. Надо ли говорить, что вокруг по виду, цвету и запаху творится нечто непотребное? И что кишка — штука сложная, многослойная, как дождевой червь, ходит волнами, проталкивая внутри себя питательную субстанцию вместе с... ну, известно с чем, с отходами, шлаками, «стронциями», как говорят врачи. Опять же бактерии тут плодятся, выбрасывая отходы...

Внутренние стенки кишки, слизистая — что те берега Норвегии, изрезанные фьордами. И чем больше фьордов и чем тоньше изрезывается ими «берег» кишки, тем лучше ус-во-я-е-мость. Но опять же не в золотом, то есть не каменном, веке живем (хотя и каждый жила в нем те месяцы, пока пил одно материнское молоко). От сумбурной, сказать деликатно, диеты нашей «фьорды» — чем старше мы, тем все более — зашлаковываются, забиваются этим... — кто брезглив, пропустите два следующих слова! — ...каловым камнем. Приокаменивает слизистая, закоксовывается чистой гадостью, омертвевает. Все это звучит не очень, но что делать? Единственное поэтическое слово, которое здесь будет уместно, — это «букет». Да и то болезней. Свалка, она свалка и есть.

????

- *Эколога вызывали?*
- *Сантехника... А вы берете «зелеными»?*

На родине зеленого доллара, куда небольшими партиями попадают отечественные АЭСы, вместившие в себя, кстати, семь патентованных изобретений, стоимость одной капсулы доходит до \$500. (У нас полторы среднемесячных — по стране — зарплаты.) Американцы ее прозывают мощно — «Спаситель жизни». И своей еще не имеют. Но это к слову. Нечкогда штучный товар для членов Политбюро порождает вдруг новую философию экологии. Не столько глобальную планетарную, но микроэкологию человека.

Пища, попадающая в пищеварительный тракт, для того, чтобы стать пригодной для усвоения организмом, обрабатывается огромным числом энзимов, работающих по принципу «своего ключа к своему замку»: в кислой среде одни, в щелочной — другие. При бессистемном питании — в России, кажется, иного нет, дай Бог быть питанию! — «ключи и замки» теряются, и кишечнике нарастают патологические для организма процессы гниения. Продукты этих процессов разносятся по организму, отравляя его до клеточного уровня.

Молодой, еще незшлакованный организм упирается благодаря резервам. Но приходит момент, и защитные системы дают сбой. Болезнь — лишь сигнал, что какой-то орган или система подверглись отравлению. Экология человека нарушилась.

Эту проблему решает электронная фасоллина, действуя как ассенизатор. Она вытряхивает, выбивает своими токами из «фьордов» слизистых оболочек всю эту великодушную гадость, застрявшую там, прочищает, промывает «берега» от наслоений, работая по угнетенной болезнью ткани сколько потребуется и восстанавливая своего рода экологическое равновесие.

Находясь как бы внутри окомпьютеренной субмарины-эколога, уясним себе принцип ее взаимодействия с организмом.

В теле человека как бы сверху вниз растет дерево нервов. Будто в каждой черепа, расположился мозг с его чрезвычайно плотным узлом корней. Стволом дерева будет спинной мозг,

ветвями — вплоть до микроскопически тонких ответвлений в пальцах рук и ног — то, что есть в обиходе нервы. В голове же тоже имеется «мини-компьютер» с именем деликатеса южных морей «гипоталамус» — всего полграмма, который по этим вот нервам, как по проводам, следит за работой органов. Он, как правитель империи, держит руку на всем и вся, контролируя биоэнергетические поля организма. Если где-то начнут шалить, например, проявилась атония (запоры) кишечника или дискинезия желчных путей, гипоталамус дает команду исправиться, щелкает «тумблерами», включает резервы и прочее. В районе этой чертовой атонии просто поле меняется, замечается ненормальный тонус, сбивается частота и т. п. Не всегда удается восстановить угнетенную функцию. (Не рассчитывала Природа, что появится наука гастрономия, выигрывающая покуда на бытовом уровне у науки диетологии!)

Бортовой компьютер электронной пилюли — не промах. Методом локации он зондирует патологию, сверяет частоту пораженного участка с «номинальной», а затем «вибрирует» этот участок своими энергоимпульсами до тех пор, пока разбитые недомоганием ткани не войдут в прежний рабочий резонанс с начальствующим над ними гипоталамусом. Быть может, не все так просто, но принцип работы «врача внутри» такое предполагает.

Путь от желудка до прямой кишки, все двенадцать метров кишечника, электростимулятор проходит за сутки-полтора, имея запас энергии на сто пятьдесят часов и радиус исцеляющего излучения пятнадцать сантиметров. Так что «осиные талии» могут не беспокоиться, что останется что-либо непроверенным, непрозондированным, касаясь без исключения всех токопроводящих слизистых оболочек на прилегающих органах, как то: протоковые системы поджелудочной и предстательной (у мужчин) желез, желчевыводящих путей, печени и почек (с попутным раздроблением и удалением камней), яичников (у женщин) при дисфункции... Планета как живое существо еще не имеет столь действенного метода экологической очистки и детоксикации!

Оговоримся, глотать сию пилюлю беременным — упаси Бог! Русский левша пока не додумался, как инородным для организма телом не повлиять на плод, который и сам для матери является инородным в общем-то телом. Верно, и гипоталамус не знает ответа. Но если неизбежен аборт... Священное число семь осыщено семью отверстиями в человеке. Пускай это дискриминация природы, но только два из них у мужчин, зато три у женщин доступны для АЭС, в том числе для прерывания беременности и лечения затем «всяких там женских дел», упорядочения месячных циклов. И прочая, прочая. И прочее тоже.

??...

— *Просыпайтесь же, пора принимать снотворное.*

Пора и нам перестать превращаться на публику из кишечника. Сон разума с каждой новой порцией «еды» все беспробуднее. Никакой Новый свет вкупе со Старым не поймет нашего: «Каков стол, таков и стул», — насторожив, быть может, только дизайнеров по интерьеру. А стул к нашей теме применим и в прямом значении. Ведь не только в психушке жизнь задает вопрос: «Мужчина, почему вы спите в кровати со стулом?..»

Современный, пусть даже самую малость воспитанный джентльмен при входе дамы чувствует смутное желание встать — поведенческий атавизм, укоренившийся со времен короля Артура, когда сидеть в присутствии дамы было так же подсудно, как и той поднять пред рыцарем вуаль.

— Встать! Суд идет! — вопиет сам голос женской природы, когда эта природа входит в вагон метро. Осуждение ею сидящих мужчин, по сути, не имеет прямой корысти, де, уступите место уставшей женщине. Детородные органы дамы надежно спрятаны и обеспечены кровотоком внутри ее женского тела. У мужчин, как молва заметила, «все наружу». Дискриминация природы проявилась и здесь: из трех возможностей человека — двигаться, лежать, сидеть — природа для сильного пола исключила третью. Нормальный кровопоток в его «этих самых» органах обеспечивается двигательной

активностью, и желательно ног. Щедрые анекдоты про шахтеров, прославляемых за подвиги на курортных сексодромах, не есть, понимается, вымысел, но сермяжная правда жизни.

С уходом рыцарства и приходом Ее Величества Технологий мужчины сели. Машинисты паровозов еще стояли, тепловозники уже сидят. Сидят и покуда «клевые» (в плане желательности поклевки на и для давного сердца) летчики. Вообще чем выше над шахтерами, тем перспективы для мужчин все мрачнее, а космонавтам и вовсе тоска зеленая. Ежели эдак пойдет, пошутим, то к той поре, как приспест время летать к галактикам, мужиков на Земле может и не остаться — в биологическом понимании славного русского слова. Полетят женщины с запасом элитной спермы в пробирках, благо, что их выносливость веками проверена. И не только в России.

Гиподинамия, следствие недостатка движения, ударила по цивилизованным странам почти повальными мужскими болезнями — простатитом и геморроем. Трудно поверить в это, вкушая перед отходом ко сну сочную западную киноэротикку, но в сокращении — до полной приостановки — тамошних темпов рождаемости кроется та же причина, которая — наоборот — порождает демографический взрыв в третьем мире. (Россия, понятно, и тут встанет особняком.) Не посчитайте разισμό, но негры, толпой бегущие в своем ритуальном танце на демонстрацию в защиту гражданских прав, потому, вероятно, и размножаются, что не похожи на художников ораторов с их слушателями в английском Гайд Парке. Право негров на жизнь записано природой. Слово Господь Бог написал для них лишнюю заповедь: «Бегайте и плодитесь!». Ньюйоркцы тоже бегают ихним джоггингом по своему Центральному Парку. Только скажите, разве при том-то уровне жизни, на порядок превышающем наш и на два африканский, человек, это жестко запрограммированное биологическое существо, откажется вот просто так, своей земной волей, от активного воспроизведения потомства?! Если может!!! То-то и оно, что не может: «Заколебали геморрой с простатитами». Правду говорят острословы: сначала на Земле зародилась жизнь, потом — сидячая жизнь.

Столь гневная филиппика против сидящих в метро мужчин имеет целью неожиданное: проглотив АЭС, лучше оставайтесь дома. Не то вдруг открывшаяся юношеская гиперсексуальность сможет поставить вас в неудобное положение: и надо бы уступить даме место, да по причине эрекции это может стать технически невозможным. Юмор весь в том, что даме, принявшей, не дай Бог, с утра то же самое, как раз и надо бы уступить! Ибо ее ощущения, минуя, к сожалению, самую интересную стадию, будут близки к беременности...

Как будто стало понятным: электростимулирующее воздействие субмарины АЭС даже при прохождении по кишечнику ведет к усилению секреторной активности женских и мужских половых органов, что и говорить об использовании ее через влагалище или задний проход — по типу свечи. При этом геморроидальные шишки у мужчин попросту исчезают, как почти попросту и простатит. А у женщин разряды АЭС восстанавливают функции матки, яичников, слизистых оболочек, нервной и сосудистой систем, рассасывают спайки и, что немаловажно, опять же проводят детоксикацию и очистку специфических органов, выводя наружу последствия воспалений. Добавьте сюда женщин, впервые за жизнь испытавших оргазм — после обстрела их естества направленными импульсами, забывших о слове «фригидность»...

Использование аппаратов нового класса лишь недавно перестало быть фантастикой. Вероятно, придут еще более миниатюрные машины с еще большим спектром возможностей, с иными маршрутными картами, с иной степенью автономии или управления извне. (Может, космонавты уже сей аппарат испытали, может, еще собираются... Любовь, конечно, дает чувство невесомости, только невесомость в невесомости, возможно, будет и перебор...)

И, взяв быка за рога, признаемся, что чем дальше и дольше уходим мы от первобытного состояния, тем все бодливее противостоим своему естеству. С помощью все более изощренных методов вынуждены мы биологическую свою сущность в себе поддерживать, иначе ария Мефистофеля «На

Земле весь род людской...» прозвучит когда-нибудь при полупустом партнере: «Все мужчины ушли на фронт борьбы за мужчин».

?.....

— *Больной перед смертью потел? Это хорошо.*

Грузино-абхазская война имела, разумеется, иную подоплеку, но в горах Абхазии аппараты АЭС применялись и той, и другой стороной. Вводили такую «бомбочку» контуженному или попавшему в состояние комы, и через двадцать — тридцать минут боец, опрокидывая носилки, хватал автомат и несся в бой...

Заранее отводя упрек в заикливании на мужчинах, напомним, что гибнуть им приходится не только в открытом бою. Рубеж 40—45—50 лет для немалого их числа роковой. Старуха с косой забирает их в этом возрасте куда чаще, чем своих «собратьев» (если нельзя сказать «со-сестер») по полу.

Лепидный (жировой) обмен на переломе от зрелости к старости для непохожих полов выкидывает непохожие фокусы. Женщины спокойно полнеют, накапливая свои жиры в подкожной клетчатке, а их мужьям достается откладывать жир, как страусам яйца — в самом неподходящем месте, — в сосудах. Множатся на стенках сосудов бляшки да бородавки, накручиваются на них белок холестерина... Головная боль, давление, еще не самое худшее. Инсульт, понятное дело, хуже. Говорить о лепидном обмене, а также злокозненном атеросклерозе и еще о многом другом, неоговоренном, — вне данного контекста нашей железной капсулы был бы форменный пустой звук, точно такой же, как если кувалдой стучать по корпусу натуральной подложки. Но в том-то и штука, что эти болезни стучатся в дверь каждого, и стук этот слышит компьютер АЭС еще на подуровне клеток и тканей, тут же принимая меры эффективного противодействия. Еще одна галочка в списке возможностей новой медицины.

.....

Неверно считать панацеей новаторский сей подход к лечению и профилактике болезней. Химия лекарств и сталь скальпеля в прошлое не отошли, во всяком случае, не столь далеко, как дремучий век с кровопусканиями ножом брадобрея и снадобьями из толченых камней. Хотя кризисом традиционной медицины и воспользовалась нетрадиционная. Только тронная зала царственного Авиценны становится электронной. И, пока составители словарей осваивают новую расшивку аббревиатуры АЭС, скажем сердечное спасибо Политбюро, без чьих высоких запросов, быть может, нам долго еще бы не обращаться к столь низким материям, как содержание наших кишок и всему остальному «естественно-незастойному».

Во многом еще мы не скоро догоним блистательную Америку. Но где довелось, то уж, пробуя на язык электрическую кислоту этой железной пилюли и веря, что «разрешено к амбулаторному, бытовому и домашнему применению» и «в плановой, экстренной, военно-полевой хирургии, акушерстве и гинекологии, гастроэнтерологии, терапии, эндокринологии, клинике инфекционных и нервных болезней, онкологии, проктологии, сексологии, урологии, медицине чрезвычайных ситуаций и для изолированной электростимуляции желудка, всех отделов кишечника, протоковой системы поджелудочной железы, внепеченочных путей, влагалища, матки, предстательной железы с целью активизации их биоэлектрической, моторной и секреторной функции», прочтем еще раз РЕЦЕПТ:

Cito!

Rp. АЭС ЖКТ и СО

D. t. d. Quantum satis in capsulae

D. S. «Проглоти — помогу».

Врач: НПО «Экомед» («Медмикро»)

М. П.

Аминь.

ДОРОГИЕ НАШИ ЧИТАТЕЛИ!

Во ВТОРОМ полугодии
мы предполагаем опубликовать:

новую повесть

Леонида БОРОДИНА.

вторую книгу романа

Владимира ОРЛОВА

"Шеврикука, или Любовь
к привидению",

завершение романа

Василия АКСЕНОВА

"Московская сага",

новую повесть

Геннадия ГОЛОВИНА,

книгу воспоминаний

Лидии ЛИБЕДИНСКОЙ

"Старая Москва",

детектив

Олега КЕДРОВСКОГО

о деятельности наркомафии,

повесть

Марка ПАЙКИНА

"Станция Ерцево Северной
железнодорожной",

литературное исследование
событий в Приднестровье

Сергея ДЫШЕВА,

новую повесть

Валерия РОНЬШИНА,

эссеистику

Дмитрия ГАЛКОВСКОГО,

"Два дня в сентябре"

Геннадия КРАСУХИНА.

Под рубриками "НАСЛЕДИЕ" и
"НАШИ ПУБЛИКАЦИИ" появятся:

частные письма 1812 года,

эссеистика Бориса ЗАЙЦЕВА

"Свет русской духовности",

мемуары Поля де ГОНДИ

кардинала Реца (1613—1679) —

в них — бурное время

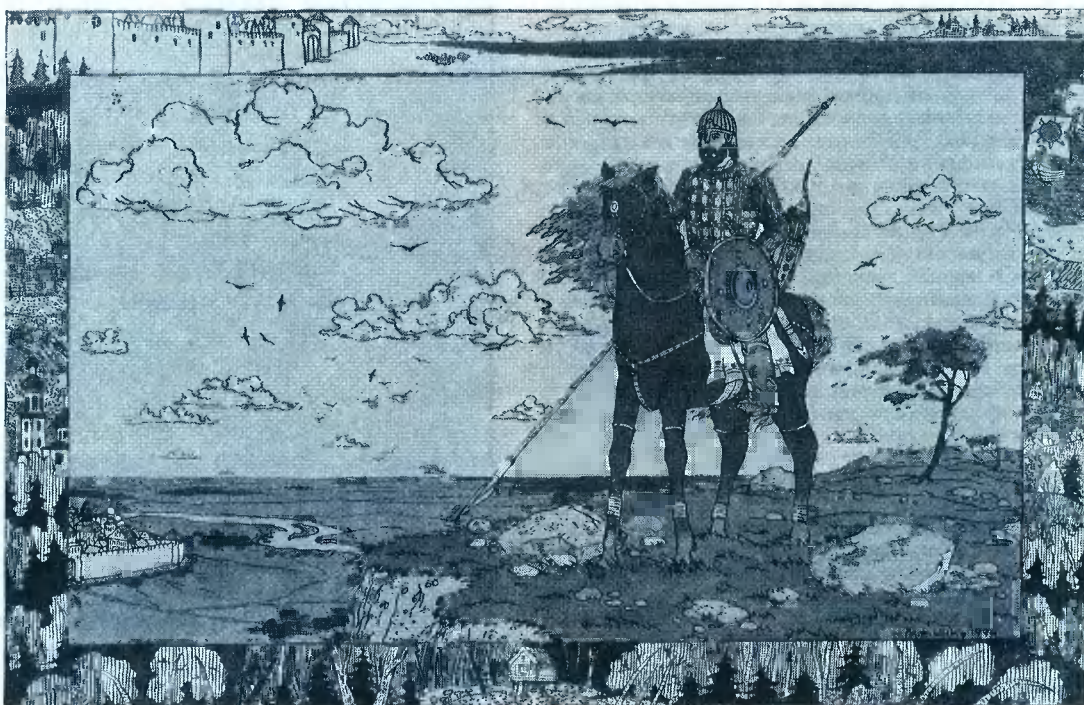
Людовика XIV,

повесть Гайто ГАЗДАНОВА

"Исчезновение Рикарди",

мемуары Зинаиды ШАХОВСКОЙ.

ЗАСТАВА БОГАТЫРСКАЯ

Рисунки Михаила Яниши

*Мы не Греки и не Римляне,
Мы не верим их преданиям,—
Нам другие сказки надобны...
В смесях былей с небывищами...*

**Н. М. Карамзин,
из богатырской сказки
«Илья Муромец»**

Неподалеку от нынешней столицы Швеции Стокгольма стоит древний город Уппсала, ее бывшая столица. Университет Уппсалы входит в пятерку старейших европейских храмов науки. Дважды посчастливилось мне побывать в этом любопытном городе, где неожиданно приобщился к удивительной истории русского короля Владимира Первого. Именно отсюда, из Уппсалы, начал он в X веке путь к престолу Киевской Руси. Сын князя Киевского Святослава, князь Новгородский Владимир, вошел в историю Руси как Владимир Красно Солнышко, Владимир Креститель. Здесь же, в Уппсале, зародилась, а на славянской земле росла и крепла слава былинного героя Добрыни Никитича. Давно это было, былшем поросло, только многовековая сила народной памяти и может вернуть нас в то время.

«И сказал Владимир: «Плохо, что мало крепостей вокруг Киева», — так в былинне. Стали на южных рубежах Руси вырастать заставы богатырские. Веет от витязей и коней их силой богатырской, встают перед нами из глубины веков

русские богатыри, приходят из былин, из памяти народной, как вечный символ Отечества.

Разные были заставы — десяток, два, а то и сотня богатырей. Никто «полного списка» не вел, никто богатырей не считал, каждому веку свои герои близки были и дороги. Былины их из века в век «переносили», новых добавляли, старых не забывали. Но «облюбовали» былины дюжину, 12 воинов — столько их в былинне «Илья Муромец и Калин царь». Как их звали-то? Дунай, Чурило, Потык, Ставр, Пермя, Волх, Скопин, Вольга, Родивон, Микюла Селянинович, Святогор, Самсон Колыванович и других много. Трех самых знаменитых и любимых былины часто называют, всегда им место есть, других — как песня сложится — неровня они им, не смеют затмевать их силу богатырскую, коней их быстрых, оружие булатное славное, доспехи кованые золоченые. Не могли эти трое быть, как все!

ОЛЬБЕТ-ОЛЕША

Молод Олеша Попович, да подвигам ратных поболе друтих на своем веку совершил. Сметлив, горяч, задорен и красив. Был ли женат сей добрый молодец, сказать не берусь, но 300 песен-былин о любви его несчастной поведали. Прославился тем Олеша, что Змея Тугарина да Идолище поганое победил. «Ездил Идолище под облаком, метало свою палицу стопудовую» — так былина сказывает. А Змей Тугарин

и вовсе «роста трехсаженного, шириной в два охвата. Он поило пьет — по ведру берет, по целому быку он закусывает». Победил их Олеша, хотя силой богатырской и не наделен был,— хитростью одолел супостатов. Ловок был, как в сказке. Только не сказка это, а быль. Зарубил Олеша Змея Тугарина в 1096 году 19-го дня июля, то ли на пиру у князя Киевского, то ли в чистом поле. Был тот Змей тесть Святополка Окаянного, хан половецкий Тугоркан, Тугорхан, по-разному на Руси звался. И был он из рода Шаракунидов, полтора века терзавших Русь набегами. «Шарукан» по-половецки значит «змея», вот и прозвали на Руси его Змеем Тугарином, диаволом-змеем. Стали богатыря-победителя потомки искать, былины да летописи ворошить... Вот и нашли храбра молодца Александра Поповича, сына попа соборного Ростовского. Был он княжеский дружинник, звался Олеша — так на Руси Александров кликали, смел был в сражениях и пал среди 670 богатырей в сече на реке Калке в 1223 году.

Правду сказать, не мог Олеша два века прожить. Вот и стали мы с тобой, читатель, у камня дикого на развилке XI и XIII веков. Как быть, куда путь держать? Постойте-ка, да ведь еще Идолище поганое было, его-то как Олеша одолел? Во дворце Переяславского князя убил он в 1095 году половчанина окаянного по имени Итларь. Звали на Руси злодея чужеземного Итларище поганый. Только летопись иначе, чем в былинке, про это повела. Убил Идолище-Итларище боярский сын Ольбег Ратиборич, дружинник княжеский. Позже имя его на созвучное христианское сменилось, и стал он Олеша — понятнее так стало людям и памятнее. Вот и выходит, что жил на Руси в XI веке переяславский богатырь Ольбег-Олеша, по батюшке Ратиборич, а тот, ростовский, что на Калке погиб,— это другой Олеша, а тоже былинный. Дело с ним вот как было.

Служил Александр-Олеша Попович князю Всеволоду Большое Гнездо, а после его кончины в 1212 году перешел на службу к сыну его старшему — Константину Ростовскому. Не ладил Константин с братом своим Юрием, князем Владимирским,— чуть не всякий раз ссоры решались битвою. В Липецком побоище в 1216 году Олеша многих владимирских богатырей порубил. Среди них любимцев Юрия — Ратибора и Юрята. То ли после этого, то ли еще раньше стал он зваться «Александр Храбрый глаголемый Попович». В 1219 году почил в бозе Константин, ушел Олеша служить тогда Киевскому князю. Собрал он со слугой своим Торопом «других храбрых к себе в город, [что] отрыт под гремичим колодезем на реке Гзе, иже и ныне той соп (насыпь, вал.— В. Т.) стоит тут...». Только что это за город и где стоял — неведомо. Из поздних летописей одно известно: в XVI веке остатки города еще были. Но вот незадача: нет на Ярославине под Ростовом Великим реки такой Гзе. Как нет, коли была! Искать надо, искать, ну, и найдешь, конечно, коли ищешь. По сей день нижнее течение реки Сары в народе так и зовется — Гзе-река. А «колодез гремичий» — это родники древние на берегу Сары. Тут было найдено Сарское городище, и жил здесь народ меряне. Нет теперь народа этого — исчез, а куда — тоже неведомо. И город тот, Олешин же, пропал. Так считали, с тем и смирились. Так, да не так! Оказалось, что жили здесь люди и в XII, и в XIII, и даже в XIV веках. Совпадает время XII — XIII веков с историей богатыря Олеши Поповича и князей русских Мстислава Храброго и Мстислава Удалого!

Так и связала в былинке ниточка времен и событий подвигов славных Ольбег Ратиборича и Олеши Поповича, живших в разные беспокойные времена земли русской, в один образ добра молодца Олеши. Вот и все, что про него мне стало ведомо. Хорошо свыкаться, да тошно расставаться.

ИЛЬЯ ЧОБОТОК

*Тонок, прям и величав собой,
Взор его быстрее орлиного
И светлее ясна месяца.
Кто сей рыцарь? — Илья Муромец.*

Н. М. Карамзин

Заступник народный Илья Муромец. А коли заступник, значит, реальный человек был, как иначе. Именно он стал

центральной фигурой многих былин. Века с тех пор прошли, но былины сохранили потомкам и имя его, и место родоплеменн указали: из столицы Вятичского княжества города Муром на, Муромец, значит. Жили на земле той крепкие, добрые люди — муромы и мешеры, скудно жили — места глухие, лесные, зато спокойные, трудно было степнякам воевать эти народы. Да и сами они были не промах — так и жили до поры до времени свободно. Сидит Илья на воронном коне в центре заставы — решительный, могучий, независимый. Хоть и крестьянский сын, а шапку и перед князьями «не ломит». «Не родом богатырь славен, а подвигом» — это он князю Владимиру такой ответ дал.

День святого Ильи Муромца, 19 декабря, народ в городах-всех много веков празднует, защитника своего чествует да в «память преподобного нашего Ильи Муромца» песни-былины слагает. Единственный из богатырей удостоился Илья такой чести великой: канонизировала его церковь православная, стал святым.

Каким он был, Илья, как выглядел, какого роду-племени? Никому не ведомо, и вряд ли мы когда-нибудь узнаем об этом. Да и не в этом суть. Первым на то, что Илья Муромец — реальная личность, обратил внимание Орест Миллер еще в середине прошлого века. Прах богатыря, ставшего святым, был погребен в приделе Софийского собора в Киеве. Когда ушел из жизни славный сын Руси? В X, XI, XII веке? Неведомо и это никому. Есть сведения, что в 80-е годы XII века, только мне думается, что случилось это раньше. Велика была его слава, не скоро забываясь, потому и покоился прах его рядом с гробницей святой Ольги и Ярослава Мудрого. Почему *покоился* — исчез, что ли?

Посланник римского императора Эрих Лассота в 1594 году писал: «В другом приделе церкви (Софийский собор.— В. Т.) была гробница Ильи Муромца, знаменитого героя или богатыря... Гробница его ныне разрушена, но в том же приделе сохранилась гробница его товарища». Кто был погребен рядом с Ильей из его товарищей, когда, куда и с какой целью был перенесен прах святого Ильи? Спит Илья вечным сном в Антониевой пещере Киево-Печерского монастыря. Лежит прах богатыря рядом с легендарным летописцем Нестором, первым русским иконописцем Алимпием, другими земли русской подвижниками и великомучениками — Феодором, Василием, Авраамием Трудолобивым, Онуфрием Молчаливым, Евстафием Злотарем... Все они люди реальные, заслужившие вечное поклонение людей русских. Римскому посланнику показали, как он записал: «Великана и богатыря, названного Чоботком». Кто такой Чоботок, что общего у него с Ильей? Имел Илья Муромец в народе прозвище «Чоботок» да еще и отчество — Иванович. Илья Иванович Муромец-Чоботок! Длинноватое, зато все на месте — имя, отчество, фамилия. Но у меня насчет отчества сомнения есть. «Иван» — имя вовсе не русское, как принято считать, оно пришло на Русь с христианством, а к грекам еще раньше от иудеев. Если Илья был действительно Иванович, то его отец родился после принятия христианства, а Илья не мог быть современником князя Владимира и Добрыни Никитича! Остается одно: былины дали ему отчество из почтения и гораздо позже, как и Добрыню стали именовать Никитичем.

ДОБРЫНЯ — ВНУК НИКИТИ

Третий в заставе богатырской — Добрыня Никитич. Благородный и спокойный, рассудительный и мудрый. Не просто былинный богатырь, а летописный муж, полководец, государственный человек — таков он на картине Васнецова, таким он был и в жизни. Принято считать, что был Добрыня сыном богатого рязанского гостя, купца, значит, Никиты Романовича и жены его Амелыфы Тимофеевны. Только так ли? Может, и был у купца рязанского сын Добрыня, но уж точно не славный наш богатырь былинный. Говорят о Добрыне былины и летописи, да и «Повесть временных лет» не забыла. Только о каком Добрыне? За 4 века богатырей славных с этим именем семь насчитывается...

В 150 километрах к северо-западу от Киева есть городок Коростень. Сейчас это районный центр, а раньше знамени-

тый был на Руси город — столица Древлянского княжества и грозный соперник Киева. Стоял он на красных гранитных скалах, тяжелые дубовые стены окружали в те былинные времена город и княжеский двор. Княжил в то время в древлянской земле князь Мал, а женат он был на дочери короля Чехии. Были у них сын Добрыня да дочь Мала. А в Киеве — столице Полянского княжества — был на столе в это время Игорь, сын Рюрика, а женой у него была Ольга. И был у них сын Святослав. Храбрый, беспокойный и корыстный был Киевский князь Игорь, дважды ходил воевать Царьград, а потом пошел воевать соседа, князя Древлянского Мала. Пожаловались-де Игорю дружинники: «Плохо живем, нагие мы». Вот и послушал их князь, против воли своей пошел, чтобы дань с древлян получить. Собрал дань, стал в Киев возвращаться, да только тут его жадность обуяла — вернулся. Было это 945 лета. Ожесточился Древлянский князь Мал, напал на дружину Игореву и гнал ее всю ночь, пока в болото не загнал. Кого вырубил, кого пополнил. Тут же наутро казнь учинили: пригнули две березы к земле, привязали к ним князя Игоря да и отпустили. Тут и похоронили князя вместе с телохранителями-варягами. И сейчас тот курган стоит в кольце могильных холмов, а хутор Игоревкой зовется. Так ли было, трудно через тысячу лет сказать. Византийский историк Лев Диакон историю эту в X веке именно так рассказал.

Во времена восстания древлян Добрыне было лет 10—12, а сестра его была и вовсе дитя малое. После победы решил князь Мал взять вдову Игоря, княгиню Ольгу, в жены (в дохристианской Руси многоженство было принято). Заодно и столицу из Киева перенести в Коростень. Даже послов направил в Киев для завершения дела. Оскорбилась Ольга, заманила послов коварством и казнила. А потом пошла войной на древлян и все лето осаждала город Коростень: «И стояла Ольга все лето и не могла взять город». Взяла Ольга город хитростью — помните из школьного учебника историю о голубях и воробьях, которые подожгли соломенные крыши древлянские? Но это лишь любопытная легенда, не больше. Как заметил историк А. Шахматов: «Рукою летописца управляли страсти и мирские интересы». Город, самое вероятное, был сдан на условиях сохранения жизни горожанам, князю и его семье. В былинах, кстати, ничего нет о мстительности Ольги, да и слово свое она сдержала: князь Мал не был казнен, его сослали в город Любеч (из летописей Любеч известен с 882 года, в наши дни — поселок на Черниговщине). Так, скорее всего, в русских летописях с этого времени появился Малко Любечанин. Дети его, Добрыня и Мала, попали в рабство, но были оставлены на подворье Ольги, видимо, как заложники на случай побега или восстания отца. И потянулись для них долгие годы неволи. Сколько их было — точно неизвестно, десять, а то и поболее будет.

Да три года жил Добрынюшка де конюхом,
Да три года жил Добрынюшка приворничком,
Да три года жил Добрынюшка де ключником,
Золотой же казны жил учетником,
На десятое-то лето стал конем владеть...

«Конем владеть» — значит, стал он свободным человеком, дружинником, и случилось это в 955 году, так, пожалуй, получается. Любопытно, что в былинах Добрыня именуется то боярином, то «детниой Залешанским», а то и вовсе князем. Это свидетельство того, что княжеское происхождение Добрыни было на Руси известно. Но в летописях он так не назван ни разу. Былина знает и его родину — залесскую, залешанскую древлянскую землю. Став свободным, он мог претендовать по отцовской линии на Древлянское княжество, где с 970 года княжил сын Святослава — Олег, а по материнской имел право на королевский трон Чехии! Кстати, одна из жен Киевского князя Владимира Крестителя, Мalfреда Чешская, тоже была принцессой крови и именно она, а не Анна Византийская была старшей женой князя. И нет ничего удивительного в том, что Мал Древлянский имел в женах чешскую королеву — мать Добрыни.

Судьба Малуши (так Малу звали в рабстве), сестры родной Добрынюшки, сложилась удивительно. Стала она милостинницей — любимицей княгини Ольги, а работу по княже-

скому дому делала, ключницей была. И задумала Ольга выдать Малушу замуж за сына своего Святослава — уж очень девушка была складная, красивая, умная и добрая. Да и роду княжеского, хоть и рабыня. Так и случилось: породнились два самых влиятельных на Руси княжеских рода. Дальновидная, умная и решительная была княгиня Ольга. Была, почитай, первой христианкой на Руси, а после крещения стала первой и православной святой.

Вот так стал Добрыня князю Киевскому Святославу шурином, а в жены взял Настасью Микуличну — дочь былинного героя Микулы Селяниновича. Смелая и верная в делах мужа была Настасья, во всех походах сопровождала его, даже в плаваниях по Варяжскому морю. И сражалась вместе с Ильей Муромцем с морскими разбойниками — варягами. Так и сама Настасья стала былинной героиней. По-старославянски звали ее, разумеется, не Настасья, но былины звали ее христианским именем, возможно, по созвучию с языческим. До принятия христианства у Добрыни были, наверное, в женах и полянские, и новгородские красавицы, а позже была жена-королевна — дочь шведского короля Эрика Сегерсела...

А Малуша родила мальчика — его нарекли Владимиром, а воспитателем к нему родного дядю Добрыню приставили. Еще при князе Святославе приобрел Добрыня большое влияние, вошел в круг близких его сподвижников.

...В 969 году умерла княгиня Ольга. Стал Киевский князь Святослав Игоревич один править Русью. В 970 году, впервые в истории Руси, решил он сыновьям княжение раздать — кроме Владимира, было у него от других браков еще два сына: Ярополк и Олег. Досталось Владимиру княжить в «коронной» земле Рюриковичей — Новгороде, и было ему тогда лет десять от роду. Отправился вместе с племянником в Новгород и дядя его — Добрыня. Так и стали они вдвоем княжить: один — князь Новгородский Владимир Святославович, другой при нем — наставник и воевода. Ох, как пригодился Владимиру родной дядюшка Добрыня — воин, советник, муж, разумевший грамоту и дипломатию. Через два года Святослав погиб (было ему 32 года!) при странных обстоятельствах на днепровском острове Хортица, возвращаясь из болгарского похода. Печенежский хан Куря, возможно, вговоре с киевским воеводой Свенельдом и с молчаливого согласия сына Ярополка, окружил остатки огромной по тем временам, 20-тысячной армии Киевского князя. Варяжская дружина во главе со Свенельдом еще до сражения по неведомой доселе причине оставила князя на дунайском берегу и ушла в Киев. В живых из дружины Святослава никого не осталось, а из черепа князя сделал себе Куря чашу для вина. Как писал Пушкин: «Тень Святослава скитается невеселая».

...Шли годы. Рос и мучал князь Владимир Новгородский. Стал в 980 году Великим Киевским князем, княжил 35 лет, прозвище получил — Красно Солнышко. При нем на Руси с варягами было покончено навсегда. Велика и неоценима в делах князя роль его дяди — Добрыни Никитича, дальновидного дипломата и воеводы надежного. Только случилось это не скоро — в трудах, лишениях и битвах великих...

Почему Добрыня в летописях и былинах стал Никитичем, коли отца его Малом звали? Возможно, это его родовое отчество, ставшее былинным. Отца Добрыни звали Мал Нискин — так в летописях — от Древлянского князя Нискина. Возможно, несколько поколений князей древлянской земли носили это имя — древлянское, значит. Возможно, князь Древлянский Мал-Малко, после того как его дочь стала Великой княгиней Киевской Руси, а он — дедом Владимира и тестем Святослава, стал жить в Киеве при дворе и при крещении мог получить имя Никита, а к языческому имени Добрыни былины и летописи почтительно добавили христианское отчество Никитич, кстати, переводимое с греческого как «победитель», «славный» и наиболее созвучное родовому — Нискинчу. В этом нет ничего необычного, коли самого Киевского князя Владимира величали в былинах Сеславичем, хотя был он сыном князя Святослава: «У ласкова князя Владимира у солнышка у Сеславича было столowanie, почетный пир».

Чужое отчество Владимир «унаследовал» от собственного правнука Всеслава — в былинах и так бывает главное в на-

родном творчестве — песни о богатырях, их подвигах, а князей всех разне упоминишь...

Совершил Добрыня подвиги богатырские — нет им числа. Не раз рубился с «погаными» степняками, вторгшимися в земли русские. Но главный — борьба с пришельцами-варягами, кровавая, долгая, беспощадная. Борьба с варяжскими князьями за Русь единую, за стол киевский в пользу племянника — Новгородского князя Владимира. На Пучай-реке, под Киевом, в 980 году сразился Добрыня со Змеем Горынычем. Символическая была та победа над языческим богом Перуном, требовавшим поклонения с человеческими жертвами. Былина «Добрыня и Змей» так рассказывает: «Стоял грозный и кровавый языческий Перун, покровитель варягов, на горе над Пучай-рекой». Потому и Горыныч; а Пучай-река — теперешняя Почайка. Никто не осмеливался опрокинуть бога Перуна, велик был страх язычников перед его силой. Вот и пришлось Добрыне руку приложить. Известно около 100 былинных вариантов сражения Добрыни со Змеем. Но главный, конечно, связан с низвержением языческого бога Перуна — то в Киеве, то в Новгороде.

Через века донесла былина до нас подвиг этот Добрыни. Приплывали варяги-пираты на Русь в огромных ладьях-драккарах — «драконах». Грабили, убивали и в полон уводили людей русских. Отвадил их Добрыня, побив-потопив круто, да не единожды. Вместе с племянником — князем Владимиром совершил Добрыня поход на Болгарию, добился союза и мира, а князь Владимир еще и болгарскую принцессу в жены взял, чтобы союз укрепить. Сыновья от этого брака, Борис и Глеб, стали потом княжить в Ростовском и Вятском княжествах и после гибели от рук Святополка Окаянного стали русскими святыми.

Не было на Добрыню уготовано: осадил и взял он принадлежавший Византии Херсонес, и стал град называться порусски — Корсунь. Он же выбрал и покровительницу земли русской — христианскую богородицу Полянскую, а племянник его, князь Владимир, довершил дело: построил главный храм Руси — Десятинную церковь в Киеве.

Были у Добрынюшки и тяжелые времена, не все его пути-дороги со славой повенчаны. Три года чужбины зело хмурым были. Разгромил Киевский князь Ярополк брата своего Олега, князя Древлянского, в битве князь погиб. Пошел в 977 году Ярополк войной на второго брата — Владимира Новгородского. Пришлось Владимиру вместе с дядей — воеводой Добрыней уйти на чужбину — в Швецию. Три года стоял русский военный лагерь под Уппсалой — столицей древней Швеции. Все это время дружина новгородская участвовала в боях на стороне шведского короля Эрика. Между Швецией и Русью был заключен союз, обязательства которого обе стороны не нарушали 200 лет! Добрыня женился на дочери шведского короля, и дети от этого брака получили право на шведский трон.

Только в 980 году дружина князя Владимира вместе со шведским отрядом пришла на ладьях в Леденец. Что это за город, в какой земле-государстве лежит? А вот в какой: древнее название столицы эстов Линданис (теперешнего Таллинна) в русских былинах звучало как Леденец, а еще как Кольвань — город Калева, по имени героя финско-эстонского эпоса. Эсты, известные древней истории как славянское племя чудь, встали на сторону князя Владимира: морские походы Добрыни избавили от набегов пиратов и принесли покой и на их побережье. А в русских былинах появился еще один богатырь — эстонский Кольван Кольванович!

Трудное и тревожное время пережили на чужбине князь Владимир и Добрыня, чаша весов колебалась: быть или не быть Владимиру Великим князем Руси? И вот наступило время решающих битв. Киевский князь Ярополк направил свою дружину к Новгороду в надежде, что Владимир вернется в свою старую столицу. Но полководческое чутье Добрыни и в этом походе сыграло главную роль. Воевода убедил племянника не ходить в Новгород, а из Витебска пойти на Полоцк и через Туров, Овруг, Коростень на Киев. Добрыня рассчитал верно. Полоцк был взят почти без боя, славянская дружина перешла на сторону Владимира, князь-варяг Регинальд и его сыновья были казнены. То же произошло и в древовичской земле.

Варяжские династии рухнули навсегда во всех славянских княжествах! 11 июня 980 года князь Владимир через Золотые Ворота въехал в Киев. И было это делом рук Добрыни! Славное княжение любившего пиры да застолья, но мало искусного в деле ратном Владимира Красно Солнышко, внука древлянского Мала, племянника древлянского Добрыни Никитича, длилось в Киеве 35 лет.

На тысячу лет проложила былина путь славе Добрыни Никитича. Но, увы, ни летописи, ни былины ничего не рассказывают о времени, возрасте и причине его смерти. Былины — потому, что он бессмертен и жил многие века, летописи — потому, что в кровопролитной междоусобице 60—70-х годов XI века они не раз переписывались в угоду новым владыкам. Прах великого сына Руси был погребен скорее всего в дубовой тринадцатиглавой Софии Новгородской. Заложен собор был в 989 году, несколько лет строился, значит, ушел Добрыня из жизни в самом конце бурного X века или в самом начале XI. Так ли это — неизвестно. Деревянную Новгородскую Софию заменила через 60 лет каменная, а до раскопок старой руки не дошли и до наших дней.

Повествуют былины о богатырях разного рода-племени, многих веков и десятков поколений. И только трое из них особые: по всей Руси известны богатыри васнецовские. Вот уже сто лет как на картине втроем стоят, покой сторожат: Добрыня Никитич, Илья Муромец и Олеша Попович. Двадцать пять лет писал Виктор Михайлович Васнецов «Богатырей». Лучшие творческие годы отдал художник этому полотну; стало оно делом всей жизни. Почти сто лет занимает славное полотно достойное место в храме живописи — Третьяковской галерее. И нам трудно, даже невозможно представить богатырей другими.

«Не для красоты-басы-ужожества, для ради признашки богатырской» создал Васнецов величественную картину-памятник. С кого же художник воплотил богатырей, где нашел эти мощные и верные натуры?

Илья Муромец писан с друга Васнецова — художника В. Д. Поленова, образ только дополнен был чертами крестьянина Владимирской губернии Ивана Петрова. Добрынюшку Виктор Михайлович писал с себя, дополнив некоторые черты с этюда неизвестного крестьянина. Ну, а лукавый Олеша? Это Андрей Саввич Мамонтов.

Русь... Здесь рождались, совершали подвиги и уходили в мир иной наши предки. На ней стоят дома, в которых родились прадед, дед, отец, мы сами, наши дети и внуки. Эта земля веками нас согревала и кормила, давала приют и покой, оберегала и хранила в годы трудные. Знаем ли мы это, осознаем ли, помним ли? Я понимаю, мой читатель, что трудно верить в мой рассказ, ведь былинные они, богатыри, как из сказки прабабушкиной или с картинки васнецовской сошли. Неужто они и вправду были, и с ними все так вот в жизни случилось? Да, случилось, как рассказал, все так и было. Но, как Владимир Мономах говаривал, «...аще не всего примете, то половину...».

Уппсала — Киев — Коростень —
Ростов Великий — Новгород —
Муром — Москва

СИЦИЛИАНСКАЯ ЗАЩИТА АДВОКАТА СТЕПАНОВА

Взрыв поднял машину в воздух.

В плотных сумерках ранней июньской ночи темно-синяя «шестерка», и без того летевшая под все сто, чиркнула сажей колес по асфальту и высоким оранжевым всером-фейерверком рассыпалась по ходу движения. (Еще минута — и взрыв грянул бы где-то возле заправочной станции.) Изуродованный автомобильный остов с вырванным боком, пролетев еще метров шестьдесят, скатился под насыпь дороги, нервно вспыхивая огнем. Рядом опустился труп водителя. Тело пассажира широко раскидало по обе стороны от шоссе, левые конечности — влево, вдоль опушки леса, правые метнуло на территорию строящегося гаражного кооператива, голову — вперед по дороге...

На пустынном шоссе понемногу воцарилась прежняя хвойная сибирская тишина. В прорехах облачности с периодичностью электронных часов замигали звезды, отложив на шкале времени приход этих двух — как первое звено в цепочке за ними последующих — смертей на Землю.

Только на дне Братского водохрани-

лища в камнях и корягах, обозначивших древний, семнадцатого века, острог по имени Братск, так и продолжится рыба жизнь: души бывших каторжан, их надсмотрщиков бродят не здесь, но на земле, покуда в скитаниях не нападут они на сильную одухотворенность, отмоящую за них не ею совершенное зло...

И сколько же зла уже отмолила Россия с ее географией — Север, Юг, Запад, Сибирь!..

Из протокола осмотра места происшествия:

«На проезжей части по правой стороне движения в 1 м 70 см от правой обочины на асфальте в диаметре 30—40 см округлые выбоины, по глубине — до 6 см. В направлении вперед и чуть влево на асфальте нагар черного цвета с характерным запахом дымного взрывчатого вещества... В 10—15 метрах от места взрыва обнаружена электросхема и сборке на плате 6 × 8 см».

Потуту спираль слухов, опережая следствие, донесет до жителей советской легенды — города Братска, что взорвали вора в законе: найдена важная часть с татуировкой «хам». По номерам машины и приметам устанавливаются личности: водитель «Жигулей» — Мацура, его пассажир — Мосин. При обыске на квартире последнего находят толковую

*Данный материал
написан в сотрудничестве
с альманахом
писательского
и журналистского
расследования «Шпион».*

* Остальные фамилии в тексте изменены, за исключением еще одной — Сергея Попова. Следствие по делу еще не закончено. — Авт.

шашку и наган. Кроме того, Мосин проходит по делу, связанному со взрывом дверей квартиры гражданина М. Известен как «банкир», держатель воровского «общака», казначей «зоны».

Из показаний инспектора ГАИ:

«...10.6.91, когда дежурил на КП, где-то в начале двенадцатого по грузовой дороге на своей машине проехал Мацура в сторону нос. Падун. С ним на переднем сиденье сидел Мосин, которого знаю а лицо. В лучах прожектора я увидел на заднем сиденье еще одного мужчину, но лица его не разглядел, так как в машине были затемненные стекла. За ними следовали белые «Жигули» девятого выпуска... Через некоторое время Мацура проследовал обратно. В машине сидели двое: Мацура вел, на переднем сиденье находился Мосин. Третьего с ними не было...»

Другой милиционер, находившийся в то время в своей патрульной машине, дополнил картину: «...В двенадцатом часу мы ехали по трассе Братск — Падун от заправочной станции в сторону улицы Крункой. Проезжая мимо строящихся гаражей, увидели, как с улицы на трассу вывернули две машины и поехали нам навстречу, в сторону бензоколонок. Впереди шла машина ВАЗ-2109... За ней в двадцати метрах машина, которой, как выяснилось позднее, управлял Мацура. Разминувшись, мы подъезжали к улице Крункой, когда сзади услышали взрыв...»

Взрыв глухо прошуршал по газетному полю Союза. Знобко «родным» пахнуло в лицо читателю зарубежного дегтеЧтива.

Через два с лишним года московский адвокат Степанов, получив доступ к томам уголовного дела по обвинению в убийстве двух человек, в том числе и своим подзащитным Сергеем Поповым, будет часами вникать в эти показания, срисовывать схемы с предложенным маршрутом движения, изучать результаты следственного эксперимента. Сам бывший старший советник прокуратуры СССР, он дотошен и даже въедлив. С виду не киногерой, невелик ростом, сух и поджар, да и предметы в руках не самые киногеничные — жалобы да ходатайства. Только... не «из-савлов-да-в-павлы-ать-два-адвоката».

...Когда в двойной трагедии Белого дома взорвалось советское общество, взрыв разметал и сложную, затянувшуюся сверх всяких цейтнотов, но стройную шахматную игру, что вели меж собою Система и Зона. (О комбинациях — тома милицейских романов.) Внешне они толковали как будто бы на родственных языках: с буквы закона одна, с позиции лагерного да воровского закона другая. Только родство и похледе будет: от авторитарной неправовой вертикали государственного хребта, словно гигантские ребра, протянулись по лагерным зонам, дотуга начиненным пушечным мясом труда, эти вот быстро твердеющие хрящи эковского «авторитаризма».

Ребрами могильного скелета давно и намертво стиснута вся Сибирь. Та самая, чьим могуществом должна прирастать держава, но прирастая вдруг стала могуществом империя Зоны, так как в Системе ее не удержит никакой гражданин начальник, сколько бы краснопогонных солдатиков с овчарками ни помогал ему. Авторитет — да. Самоорганизация заключенных — да. И чья порою берет, еще неизвестно. Вот и везут «за колбочку» холодильники, видики и чуть ли не итальянскую мебельшкку, словно намерились отечественные паханы догнать по комфорту жокоамериканского Эскобара, вот и поставляют прямо на койку девочек, вот и сам начальник колонии выпускает своих подопечных на промысел, оговорив свой процент с награбленного.

И слово-то какое появилось системное — крименталитет! Этаким шалым сыноком с легендарным папашей «грабь награбленное» и юной мамочкой «что не запрещено, то можно». Общество зоны стало общим, ничейным. Его рвут на части, загоняя облатно в зоны влияния. Партий, кланов, финансовых группировок. Нормальное состояние общества, как утверждается, — это общество состояний. Но ежели равных — это социализм, а ежели нет — и государство. умыло руки... И общественное добро преломляется в «общак».

Рэкет работает на Зону. Даже тяготеющим к честности предпринимателям вписывается страховой полис под девизом «От суммы да от тюрьмы...». Отказ все равно что

раскол, а как поступать с раскольниками, научил Петр.

Да и сама «тюрьма» расколота на русских и кавказцев, на честных воров и презирающих всякий закон, воровской в том числе, коммерсантов. Однако, как Понтий Пилат над суетой древнееврейских сект, возвышается над всей этой мешаниной, царствует, но не правит, звучная аббревиатура ОРБ — отдел по борьбе с организованной преступностью.

Горе попавшему меж молотом и наковальней! За смерть «вора» Зоной положена смерть. За умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах и способом опасным для жизни многих людей Система даст высшую меру. Сцилла с Харибдой. А человек слаб. И даже будущей своей кровавой лепешкой он склонен в конце концов к какой-то скале да прилипнуть. А если силен?

А Попов силен. Силен, как мастер спорта по дзюдо. И резок. Резкий удар, срезающий с дерева лист, резкий до бритвенной остроты характер.

— Шшто-о?! — И в боевую стойку, враспорыр железные клешни былых лесорубских рук. — Н-ну, н-не н-надо! — И тут же, обмякнув, на выдохе: — Не надо, Николаич. Я ж никого же тут не боюсь. А наваяется, хоть одного, да с собой прихвачу...

В комнате для допросов через привинченный к полу стол драматическое раскручивается действо: адвокат Степанов пришел к подзащитному, органически не понимающему, как это его возможно защищать. С молодых зубов тот считает это собственной прерогативой. Сила дружит со справедливостью.

А Степанов свое:

— Ну ты Расскажи, как все было. Я должен знать. Иначе как тебя... защищать?..

— Шшто-о?

По декабрьскому снежному скрипу идет человек в сером осеннем пальто с серым тоненьким «дипломатом» и лицом — незапоминающимся, обычным, лицом профессионального разведчика. Исповедник по существу профессии: «Не расскажешь, как было, откажусь от дела». И тот наконец рассказывает. Ему. Но. Перед следователем тринадцать месяцев прежней глухой обороны на всех допросах: «Внесите мои показания в протокол — подпишу. А нет — сами скажите, где я был и что делал, потом скажу я. И посмотрим, чья правда. А так — аде до суда». Суд отложен. За нехваткой конвоя. На полтора месяца.

Ровно год после взрыва следствие не знало, за что зацепиться. Веер версий истрепался до основания — факта, голого факта взрыва.

За тот первый год Попов успел посидеть в следственном изоляторе: получил-де за автомашину деньги с прибалта, а машины не отдал.

Из заявления в Верховный Совет Российской Федерации Поповой И. И.:

«...Летом 1991 г. муж был невольным свидетелем сделки работников МВД Латвии с начальником отдела УВД Иркутского облисполкома подполковником милиции Х., которые с выходом Латвии из «рублевой зоны» закупили в г. Братске за рубль 10 легковых автомашин «Жигули» и перегнали их в Прибалтику... Используя служебное положение, Х. сфабриковал в отношении моего мужа уголовное дело, якобы муж вымогал деньги у работников милиции... Его шесть месяцев держали под арестом. Суд признал, что доказательства вины Попова нет, и поэтому муж был освобожден. Видя, что фокус не удался, Х. стал преследовать мужа, заявив, что все равно избавится от него, как свидетеля... Наученный, он решил в качестве жертвы выставить не работников милиции, а лиц ранее судимых. Еще в июне 1991 г. в Братске были убиты, как говорили в народе, авторитеты преступного мира. Именно этот случай и решил использовать Х., нолаяя, что убивает двух зайцев: если суд вновь отпустит Попова, то уж преступный мир сам рассчитается...»

Никто теперь, вероятно, не выяснит, как все было и так ли в действительности, но в годовщину смерти «авторитета» в тюрьме под следствием оказывается некто Сорокин, обвиняемый в изготовлении самодельного взрывного устройства, которым угрожал взорвать собственную жену. (Без милиции

тоже не обошлось, хотя и бытово: жена полюбила участкового.) Радиодетали, найденные на месте взрыва, заиграли по-новому. Сорокин стремительно показывает, что к «братскому взрыву» имеют отношение директор студии кабельного телевидения Гладких, его снабженец Алексеев и водитель кооператива Сергей Попов, а также радиомастер и прапорщик. Следствие возобновлено. Алексеев ударяется в бег. Попов снова в следственном изоляторе и все отрицает. Гладких дает показания.

Следствие гротескно разрабатывает шахматную комбинацию: Попов и Алексеев на почве неприязненных отношений с Мацурой и Мосиным — лидерами конкурирующей с ними преступной группировки — пошли на умышленное убийство последних. Одним из мотивов явилась месть Алексеева Мосину за организованную последним попытку его убийства еще в июле предыдущего года.

По просьбе Алексеева, жившего на квартире Гладких, хозяин квартиры приобретает в воинской части три противотанковых мины, десять тротильных шашек, бикфордов шнур и взрыватели-детонаторы. Вечером 10 июня 1991 года, заранее изготовив с помощью радиомастеров самодельное взрывное устройство мощностью 300—600 граммов тротила, испытал его и снарядив дистанционным взрывателем вкупе со штатным боевым взрывателем замедленного действия МУВ-2 и замаскировав все это в большую упаковочную коробку с шоколадными конфетами для передачи в зону, Попов выносит данную коробку из своего дома и кладет в машину приехавших к нему за посылкой Мацуры и Мосина.

За отъехавшей машиной едет Гладких, но кнопку радиомины не нажимает, а видя, что идущая перед ним машина зачем-то остановилась, и оттого решив, что мина обнаружена, возвращается обратно. Алексеев и Попов волнуются и вновь отправляют его в город проследить за Мосиным. Но перед этим Попов признается, что установил взрыватель МУВ-2, и показывает выдернутую чеку. Попав в оцепление милиции, Гладких узнает, что произошел взрыв.

Маг! — голос следствия.

Шах! — не совсем согласен зампрокурора Иркутской области, утверждая обвинительное заключение с визой «приблизительно».

Блеф! — говорит адвокат и раскручивает спираль назад.

На месте взрыва ни фантика от шоколадных конфет, коих в такой объемной коробке должно было быть достаточно. Радиодеталь промышленного производства — низкочастотный звуковой генератор, он мог быть в системе реле поворотов. По словам милицейского патруля, взорванная затем машина следовала не тем маршрутом, как указало следствие. Третий человек, сидевший на заднем сиденье, из этой машины исчез. Попову нет смысла показывать и говорить об одной (!) чеке, ибо штатный взрыватель оснащен двумя! И далее, и далее, и далее. К суду Степанов готов на все сто, имея на руках заключение психиатрической экспертизы, что предыдущее свое преступление, кражу из пионерлагеря, главный свидетель по делу Гладких (обвинение в убийстве с него снимают, оставив статью за хранение боеприпасов) совершил в состоянии невменяемости: менингит в детстве и тяжелая травма головы, полученная в автокатастрофе с жертвами, за которую и отбыл срок. На руках адвоката есть диктофонная запись голоса Гладких с признаниями жене Попова, что показания на ее мужа «выбил» из него ОРБ. И, наконец, документ, говорящий, что в день преступления Алексеев, инициатор преступления, находился в Новосибирске. К алиби тот приложил и заявление в суд, «из бегов», с готовностью дать показания на суде.

На суде, на суде, на суде! — это заклинание и Попова, упорно твердящего, что взрыв — «дело рук милиции».

За пару дней до суда на кровати в номере иркутской гостиницы «Ангара» бессонно лежит адвокат Степанов, подстраивая свои биологические часы под новый часовой пояс. Он закинул руки за голову и набросил на ноги одеяло — от занавешенного окна сквозит сухим холодом. Ночное кабельное ТВ периодически простреливает номер автоматными очередями, и крестные отцы сицилийской мафии, чокаясь, звонко прикладывают бокалами к внутренней стороне экрана. Но в рамке экрана опять, как наваждение рекламных пауз,

грядущий суд. Он сам сидит за столом защиты, слева — судья, заседатели, напротив — прокурор, сзади, в железной клетке, — Попов. Справа — свидетель Гладких. Первый день, второй... Перекрестный допрос, прения... В конце второго, без вариантов, освобождение из-под стражи и возвращение дела на следствие. Разыгрывая гамбит, по всем правилам с жертвой пешки, Система у Зоны не выигрывает. И не дать зазря отдать пешку!

Шипит экран, пора гасить свет.

Проекция в прошлое. Попова по аресте долго держат-выдерживают в подвальной камере-«подлодке», «спасают от мафии». Гладких привозят в Иркутск, куда передано дело о взрыве, под чужой фамилией и тоже запирают в одиночке. Но на стене прямо на уровне глаз — портрет «вора в законе» Мосина в траурной рамке, и перед ним горит, потрескивая, свеча... А слухами шуршат коридоры — за убийство «законного» и месяц в тюрьме не прожить. Было уже: при двух конвоирах — пару заточек в бока, и труп. Да тут еще якобы факс пришел из Москвы с показаниями задержанного там Алексеева — всю вину валит на самого Гладких. Многого-оче. Гладких на подписке, он дома, в Братске, Попова по этапу доставляют в Иркутск. И эта слава за ним уже дымным шлейфом: «вора убил», смертник. И так, и эдак. «Лоб зеленко мазан» — это чтобы пуля, входя, не занесла опасной инфекции. Такой вот юмор.

— Шшто-о?! — И местный камерный авторитет колотит кулаками в дверь... И — «Поп» с кирпичом, вырванным из стены. Как в схватке на татами — чью руку поднял судья, тот ее может не опускать. Он и не опускал. Даже когда ОМОН в масках гнал всех из «хат» в коридор и, покидая там шмон, ходил по спинам подряд дубинками. Злоба, угрозы, мат. И поднятая рука: «На прививку, третий класс! Подставились — друженьки!» Даже омововцы засмеялись, но на пороге таки огрели.

«Эх, Серега, Серега, ты не стой у порога...» — отгоняет навязавшийся мотив адвокат и поворачивается в гостинице на другой бок. Ледяные тропики на мерзлом окне, так и мертвит северное сияние неона.

И просьбы-то у него к адвокату — йод да... рубан Омара Хайяма. Нашел наконец их в Москве Степанов, привез. И в привесок к подарку — депутатский запрос в Генеральную прокуратуру о незаконности содержания своего подопечного под стражей: «с момента задержания не было ни одного следственного действия». Пришел партикулярный человек: «Я — зампрокурора области». Ему: «Удостоверение!» Хлоп-хлоп по карманам — нет. «Да пошли вы, знаете, в таком разе! Не я должен вам доказывать свою невиновность. Я тут ни с какого боку пришит. Выпускайте да и допрашивайте, сколько хотите. Я не сбегу. Из принципа. Да и куда мне? От них-то: жена, пацаны растут... Так что хватит ля-ля, фа-фа. До суда я так не играю...»

А Зона тоже ведет игру. Пусть в ней уважают не поступающих принципами. Чтоб ударом судьбы — на удар. Даже последним, только ответным... Все по закону Ньютона — всякое действие рождает противодействие. А природная упертость и фундаментальность в характере справедливости продолжают играть с Попом свои шутки, подчас веселые — сокамерник просит выступить его, начитанного, на суде своим защитником, а роковым часом в конце концов по-жуткому...

Перед законом вроде бы все равны, как отвальные бугры пахоты на поднятой зяби. Это отчасти и есть современное правовое государство — поле, не в пример азиатскому, кланово-родовому — горам и холмам. На Руси еще Грозный начал распахивать, низводить боярские горы-горюшки местнического феодализма. Петр равнял дальше и дольше, еще жестче, еще жесточе, капитализм пахал уже по ровному почти месту, лишь малость всхолмленному сословиями. социализм — по ровной, как стол, целинной голодной степи. Только и не заметил последний, как выросла посреди поля пирамида Хеопса — номенклатура, и едва мы сами успели ее безбоязненно приметить, как на глазах она рассыпалась вдвуг на финансовые, корпоративные, клановые, мафиозные пирамиды. Долина Гизы среди русских просторов. И двигаются они по полю, как шахматные фигуры, в понятных им

только одним комбинация, «едят» друг друга, блокируются, замещаются и тяжело уминают живую пахоту. А кто сам себя мнит пирамидой, сам и думай, как выжить среди этого шало разгулявшегося реформенного ландшафта...

Утром, так и не выславшийся, адвокат сует в приемное окно следственного изолятора заявку на встречу с подзащитным. И получает отказ «по причине смерти».

Разом вспотев, он высказывает на мороз и несется в прокуратуру.

Накануне Попов переводится в другую камеру. Ссора, драка. Насмерть. Множественные переломы, разрыв плевры, болевой шок.

Сокамерники дружно в голос показывают на одного — по словам следователя — «сморчка». «Сморчка» переводят в одиночку. «Сморчок» вешается на собственной одежде. Никаких шансов на возбуждение уголовного дела — «сухой отказ».

А через день — долгожданный суд, и — определение по прекращению дела в отношении гражданина Попова. Адвокат выводится из процесса. И покуда тот еще длится (Степанов успел настоять на приобщении собранных им материалов) и откладывается, жена убитого забирает из морга фиолетовое тело мужа с запекшейся на виске раной.

«Эх, Серега, Серега, ты не стой...» пред глазами. Где твое «Продержусь, Николаич»?

Жуткая ничья. Для всех, кроме жены, детей и родителей. Зона отомстила. Система завершила дело по части «арестованного задержанного», как сам он писал о себе, Попова. Видя его пример. Алексеев уж точно не зайвится сам...

Нереальное ощущение, будто идешь по стеклу байкальского льда над черною бездной. И дно совсем рядом. И горы на той стороне, они рядом совсем. И криминал тоже рядом. И глубоко-далеко, словно в мутном сомнамбулическом сне, где на товарищеском матче Зоны с Системой дано ходить фигурами соперника...

Наркотик детективного чтения по нутру только честному обывателю — с чистой совестью пробормотать себе: «Слава Богу, что с этим я не имею дела и, стало быть, живу правильно», — лечь и заснуть. То-то на книжных развалах все больше лежит нераскупленных детективов...

А в аэропорту пристанет подвыпивший:

— Вы знаете, нет, что у нас тут Австралия? Там тоже живут ведь потомки сидевших да надзиравших, как мы... Да вот только у них пальмы растут не в кадках. Теплее там, люди быстрее оттаяли...

— В Сицилии тоже не холодно!

Внимание: новый альманах "Шпион"!

Ныне в периодике происходит много неожиданного. На глазах прекращают свое существование старые, заслуженные издания. Зато постоянно появляется множество схожих. Порой их судьба похожа на бабочек-однодневок: выходит один номер... с трудом второй... и "жизнь" новоявленного журнала заканчивается навсегда.

Нужно очень четко уловить свою тему, свой отличающийся образ, включая не только подбор, но и построение материалов, способ их подачи. И вот появилось издание, которое смело вошло в ряд многих иных, и ему, нет сомнения, суждена большая судьба.

Летом минувшего года в продажу поступил альманах с интригующим названием "Шпион". С тех пор с хорошей периодичностью вышли еще два номера, на подходе четвертый.

Скажем сразу, что название мне не вполне по душе, и никак уж не соответствует строгому и серьезному подбору материалов, но не станем придираться: рынок есть рынок, и куда уйти издателю от его требований?

Но любитель легкого чтения, соблазняясь манящим названием, ошибется, ибо перед нами — одно из лучших современных изданий по новейшей истории и политологии. И мы

никак не преувеличиваем. Вот лишь несколько иллюстраций из трех номеров, причем заметим, что это вовсе не исключения из общей линии.

Сколько уже в последние годы написано, нагромождено вокруг имен Сталина и Берии? Иные борзописцы тут нажили состояния, но разве темы эти прояснились? Да никак! Наоборот, потоком полуправды и прямой лжи только еще более замутили и без того темные эти тайны.

В номерах альманаха даны подробные беседы главного редактора альманаха В. Логинова с одним из дальних родственников Сталина: материал нов и предельно объективен. В тех же номерах даны исключительно важные данные о злобной деятельности Берии, и это не страшные сказки, адокументы, почерпнутые из архивов ЦК, недавно наглухо закрытых. Чего стоят, к примеру, публикуемые материалы июльского пленума ЦК КПСС, которым фактически руководил Маленков, давний друг самого Берии, к тому времени уже арестованного.

Ценнейшие материалы, опять-таки из архивов, проливают свет на историю событий на Северном Кавказе в 1943-1944 годах. Мрачные дела, но о них сейчас плодятся много спекуляций. В альманахе читатель найдет подлинную правду.

Через три номера проходят воспоминания вдовы знаменитого маршала Брусилова — Надежды Владимировны, где описывается жизнь советской Москвы начала двадцатых годов. Когда-то эта рукопись прочно была заперта в архивном "спехране", зато теперь читатель в полной мере может оценить талант автора (она была скромной писательницей) и узнать множество новых подробностей, трагических, а подчас смешных, описанных с истинным изяществом и женской наблюдательностью.

Полнейшей сенсацией станет публикация в первом номере за этот год письма М. Шолохова Л. Брежневу и обсуждение вопроса на Политбюро. Взято это из "особой папки" ЦК КПСС.

Пожелаем успеха новому альманаху. Впрочем, в успехе тут сомневаться не приходится.

С. СЕМАНОВ

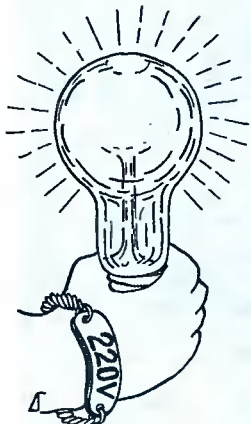
SPY

Направляясь однажды на работу, редактор «Зеленого портфеля» еще издали заметил возле дверей своего просторного кабинета группу пикетчиков. При ближайшем рассмотрении оказалось: это художники-сатирики, которые требовали предоставить им наконец место на журнальных страницах. Во время переговоров мастера пера и туши доказывали, что по части остроумия далеко обошли мастеров просто пера. Признав их доводы вполне резонными, «Зеленый портфель» решил сдавать часть своих дефицитных производственных площадей для показа работ карикатуристов. Как говорят в народе, давно назревшее решение.

В. Ненашева

Б. Даниленко

Е. Синчиков

П. Кулинич

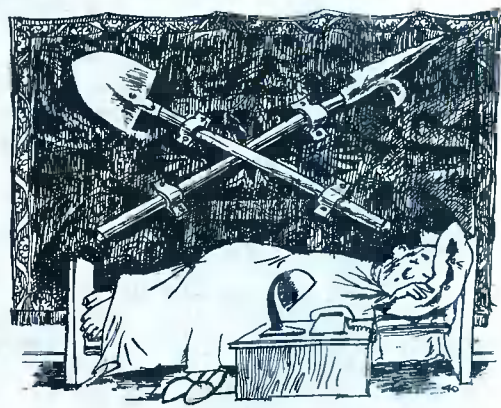
Ю. Самарин

Ю. Беспалов

В. Казаневский

Ю. Воскобойников

— И только? — улыбнулся ризеншнауцер. — Надеюсь, ты не сочтешь меня чересчур навязчивым, если я попробую дать тебе несколько советов?

Подумав, Роберт признал, что сэр Готвард действительно смыслит в войне несколько больше, чем он.

— Итак, малыш. Во-первых, не забывай законов рыцарства! Сначала назови свое имя, а потом нападай. Спроси, как зовут твоего врага, знатного ли он рода, не будет ли тебе позорным начать об него лаять! Во-вторых, сначала разберись, а потом кусай! Однако в экстремальных условиях сначала кусай, а уж потом разбейся. Если будет с кем... Не добывая упавшего, будь благороден к смерти. Помни, что плен позорнее смерти. И никому не позволяй щекотать тебе хвостом в носу!

Роберт еще раз повторил все сказанное про себя, чтобы лучше запомнить, и особенно заострил внимание на вежливости и благородстве:

«Отныне, укусив кого-нибудь, сразу же спрошу: «Как ваше здоровье?» — решил он, готовясь стать образцом воспитанности и учтивости.

(Продолжение следует)

Андрей БЕЛЯНИН

ОРДЕН ФАРФОРОВЫХ РЫЦАРЕЙ

Сказка

«Я Роберт!» Пожалуй, это единственное, что он мог о себе рассказать. Просто Роберт, без всяких там «сэр». Ничего не поделаешь — возраст. Ему было всего два дня от роду. Уважительная приставка «сэр» полагалась только рыцарям, а в рыцари посвящали за великие подвиги. Вот, например, сэр Готвард, друг и наставник маленького Роберта, был посвящен в рыцари за беспримерную отвагу в борьбе с тараканами. Двоих он загрыз насмерть, а на третьем висел, сжав челюсти, до подхода основных сил. Роберт был абсолютно уверен, что насвершает кучу подвигов как только появится случай. По-видимому, умение хватать случай за хвост было у него врожденным.

...Я все-таки кое-что объясню. И Роберт, и сэр Готвард, и другие герои не люди. Они — собаки. Такие маленькие фарфо-

Рисунки Георгия Мурашкина

ровые собачки разных пород. Но в их груди бьются самые благородные и честные сердца, а их души свято преданы высоким идеалам рыцарства. Говорят, что Орден Фарфоровых рыцарей существует очень давно, и это правда. Собаки не устраивают конных турниров, не носят доспехов, оружием им служат лишь собственные зубы, но все-таки это настоящие рыцари, герои до мозга костей. До позавчерашнего дня их было двенадцать. И вот на свет появился маленький фокстерьер — Роберт Тринадцатый.

Сэр Готвард, почтенный усатый ризеншнауцер, объяснил Роберту новые приемы кусания:

— Важно не просто цапнуть, это умеет каждая дворняга, важно поразить врага, внести смутение в его ряды. Опарашить, залутать, обгосторить, провести. Удивил — победил! Вот на тебя, например, идет таракан...

— Где? — вспоилился Роберт.

— Например, я говорю. Так вот, он идет прямо на тебя и прокуливает усами твою оборону. Что надо делать?

— Кусать! — уверенно заявил Роберт.

— Правильно, — подтвердил сэр Готвард, — но как? Каким образом? Минуту тактику и стратегию?

— Нет, я тактически отодвину его усы и стратегически цапну за нос!

— Ага, а если он большой и тяжелый и просто сметет тебя с пути?

— Отпущу нос и дам ланой в ухо, — напировал Роберт.

— Глупости! — не выдержал сэр Готвард. — Крупный бронированный экземпляр отвыдрнет тебя в сторону, как катушку ниток. Ты должен думать!

— Угу, — кивнул щенок.

— Значит, так, подпрыгиваешь вверх и падаешь на спину врага. После чего и кусаешь за... за...

— Невкусно... — недовольно проворчал Роберт.

— Ерунда, — отмахнулся сэр Готвард. — В пилу боя об этом не думаешь.

— Это точно, малыш, — заметил проходящий мимо баскет Лукас. — В бою не до сантиментов. Или ты его, или он тебя. А ля герр ком а ля герр!

— На войне как на войне... — заумчиво перевел сэр Готвард.

— А главное — никому не прощай обид! — продолжал Лукас. — Помни, что пощечина, нанесенная тебе, обжигает лицо всего рыцарства.

— Угу! — вдохновенно прорычал Роберт, насунив брови.

просто Сэм. На его счету была не одна сотня диверсий, поджогов, стычек и засад. Он был строен, мускулист, носил армейские штаны с «ушами», белые таночки для бесшумной ходьбы и нистолет с кривым дулом для стрельбы из-за угла. Сэм притаился в пепельнице и слышал все разговоры Ордеана. Решение рыцарей ему даже понравилось. «Самовольные бовланы!» — злорадно думал он. — Ваше благородство вас же и погубит! Не таких выдал. Тоже мне донкихоты! Думаете, мы будем воевать по вашим рыцарским законам? Как же, не дожидаетесь! Всех обманем, запутаем, обалодим!» Суперагент безуспешно выскользнул из пепельницы и отправился доказывать об удивленном их высочеству Жлобу Подлы-Бурьянову. Удлившись на безопасное расстояние, Сэм воровато огляделся и тихо сестнул. Подождав, вновь повторил сигнал. Однако никто не отозвался. Щепотом выругавшись но-английски, суперагент немного поискал вокруг и услышал тихое посапывание. Оно доносилось из небольшой фансовой чашки. Сэм запустил туда руку и выволок за загривок маленького, толстенького чертенка:

— Спишь, бовлан!

— Я... нет... что вы... — еще не совсем проснувшись, зашепелявил тот.

— Ты разведчик или кто?! — повысил голос Сэм. — Я тебя взял на операцию или на прогулку? Твой храм чуть не сорвал всю маскировку. Клянись мамой, если бы ты не был моим племянником...

— Не надо, дядя! — отчаянно завертелся чертенок.

— Лемох, я тебя выдеру, если ты еще раз уснешь на посту! — пригрозил Сэм. — А теперь спрячься и бди! Я должен увидеть шефа. Если заметишь какое-нибудь движение в датере врата — бети в штаб и дай мне знать! Ты все понял?

— Все! — преданно подтвердил Лемох.

— ...Итак, малыш, мы находимся в преддверии новой страницы истории. Вперед войни. Что это значит, по-твоему?

— Война — лучшее времяпрепровождение для благородного рыцаря.

— Правильно, а еще?

— Война — это возможность покрыть себя славой и заслужить «рыцарские шпоры».

— Ты еще мал для этого. Но говоришь и рассуждаешь вполне разумно... — кивнул сэр Готвард. — Что ты собираешься предпринять?

— Я решил совершать подвиги! — серьезно заявил Роберт.

— Браво! — вскричали слушатели. — Да здравствует сэр Гауф — Львиная грива!

— А я обязуюсь не стричь шерсти до полной победы над врагами! — грозно протяжал болон Клаус.

— Беру обет — завязать себе левый глаз и драться, не снимая повязки, до тех пор, пока этот Жлоб не будет у меня в плену! — вставил свое слово доberman Флойд.

— А я...

В общем, все двенадцать рыцарей поклонились самыми страшными клыками и нахватили кучу обетов, избавившись от которых они могли лишь в случае полного разгрома врага.

— Господа, здесь приниска! — неожиданно вспомнил сэр Кросби. — Ага, значит, так: «Ответ на наш ультиматум должен быть дан через шесть часов нашему суперагенту Самюэлю». Я полагаю, что через шесть часов этот самый агент явится за ответом. Мы должны встретить его как полагаются, не так ли, господа?

— Несомненно! — Фарфоровые рыцари были очень воспитанными.

— Кстати, сэр Ньюф, а каким образом этот ультиматум попал к вам? — заинтересовался сэр Чау-Чау.

— Признаться, толком я и сам не знаю... — смущенно ответил магистр. — Я мирно спал после обеда, а проснувшись, обнаружил эту бумагу у себя под лапой.

— Что ж, их разведка работает лучше нашей... — покачал головой сэр Кросби, а Чау-Чау спросил вновь: — Уважаемый магистр, не могли бы вы поподробнее рассказать об этих пластилиновых чертях?

— Увы! — пожал плечами ньюфаундленд. — Я и сам слышу о них впервые. Однако я уверен, что мы все узнаем о них в бою! Кое-что о пластилиновых чертях...

Кочующее государство пластилиновых чертей находилось везде и нигде.

Если Фарфоровые рыцари традиционно жили на полке серванта, то черти нигде не задерживались надолго. Захватив новую территорию, они загаживали ее до последней возможности и, закрепив за собой таким образом, исчезали! А место это действительно становилось заколдованным — туда слеталась вся пыль, там все терзалось и пропало, на этом месте все спотыкались и поскальзывались. Да и чего хорошего можно было ждать от чертей? Однако, справедливости ради, скажем, что разведка у них действительно лучше. В то время как Фарфоровые рыцари проводили общий сбор, за ними уже следил суперагент Самюэль, или

— Ты не науськивай его, Лукас, — предупредил бассета ризеншнауцер. — Он и так слишком горяч.

— Я? И не думал даже, — пожал плечами бассет. — Просто я делаю из мальчишки мужчину. Верно, мальш? — И Лукас слегка хлопнул Роберта по загривку. Конечно, он не хотел ничего дурного, но от плепка маленький щенок кубарем полетел в сторону. Когда он встал на ноги, Лукасу стало не по себе.

— Эй, парень... ты чего? — ошарашенно забормотал он.

Глаза Роберта горели зеленым огнем. Миг — и он уже трепал огромное ухо бассета с явным намерением оторвать его совсем! Бедный Лукас попытался отцепить от себя Роберта, но щенок еще крепче сжимал челюсти.

— Ой, мама! Больно же! Пусты, дурак! — взорвался наконец Лукас. — Я же из тебя полоник сделаю!

— Разорву на пеленки! — тихо прорычал Роберт, не разжимая зубов. Степенный сэр Готвард поймал задние лапы своего ученика и попытался оторвать его от Лукаса. Бесполезно. Если уж фокстерьер замкнул на чем-нибудь свои челюсти, то их можно разжать только ломом. Никакие уговоры не помогали. Бассет, ругаясь и причитая, носился взад-вперед в надежде, что у Роберта закряхтит голова. Ничего подобного! Роберт мотался в воздухе, болтая лапками, и ничто не могло погасить в нем чарующего упоения боем.

Между тем вокруг Лукаса постепенно собирались и другие рыцари, привлеченные шумом схватки. Взрослому бойцу неудобно показываться в обществе с такой «серьгой» в ухе, и бедняга Лукас наконец взмолился:

— Роберт! Пусты ухо! Я больше не буду!

Что ж, это и было единственным выходом, приемлемым для обеих сторон. Щенок отпустил ухо, качаясь, сделал пару шагов и заплегающимся языком проговорил:

— Я принимаю... извини... извинения, сэр Лукас... — После чего в беспмятстве рухнул в объятия сэра Готварда.

УЛЬТИМАТУМ

Теперь, когда вы немножко знакомы с фарфоровыми рыцарями и Робертом, я хочу рассказать, ну, прямо-таки невероятную историю. Здравомыслящие люди просто не поверят, дураки назовут меня сумасшедшим. Но мы-то с вами... Надеюсь, вы меня понимаете? В общем, дело было так...

На следующий день после дружеской схватки Роберта с Лукасом глава Ордена Фарфоровых рыцарей — черный ньюфаундленд

Нюф объявил общий сбор. Надо сказать, что общий сбор — чрезвычайно важное событие. Со дня создания Ордена он объявлялся дважды: во время Великой войны с тараканами и для утверждения Устава Ордена.

Естественно, что спустя минуту после прозвучавшего сигнала все рыцари были уже на ногах и неслись к месту сбора. Мне чудом удалось достать протокол этого собрания. Вот он:

ПРОТОКОЛ

Чрезвычайного общего сбора

Ордена Фарфоровых рыцарей.

Присутствовали: магистр Ордена — сэр Нюф. Почетные рыцари: сэр Флэгд (подвижный и бесстрашный доберман), сэр Кросби (шотландский овчар с блестящей родословной), сэр Гауф (чёртовски упрямый бульдог), сэр Льюис (ошеломляюще элгантный дудель), сэр Готвард (учитель и наставник), сэр Чау-Чау (настоящий чау-чау с черным языком). Просто рыцари: два брата-спаниеля — сэр Порт и сэр Ли Порт, сэр Гай (дворянская дворовая, но самых высоких кровей), сэр Лукас (почтенный, но задиристый бассет), сэр Клаус (болонка, или, правильнее, болон с острова Мальта). И прочие (под прочими подразумевался Роберт).

Сэр Нюф прокашлился и хорошо поставленным басом провозгласил:

— Господа, я собрал вас, чтобы сообщить неприятнейшее известие — **ВОЙНА**, господа!

— Война! — радостно взывали все. Ибо что же приятнее всего сердцу рыцаря, как не бои, схватки и сражения. Роберт от избытка чувств дважды перекувырнулся в воздухе. Еще бы, война представляла ему прекрасной возможностью завоевать звание рыцаря.

Когда шум немного утих, сэр Нюф продолжал:

— Сегодня я получил ультиматум от неизвестного и страшного врага. Внимание, господа! Пусть сэр Кросби зачитает его.

Шотландский овчар церемонно развернул сложенный лист пергамента и, прищурившись, взгляделся в текст:

— «Ордну Фарфоровых рыцарей, или просто двенадцати глупым псам».

Гнев возмущения повис в воздухе. Магистр с трудом навел порядок, и сэр Кросби продолжал:

— «Деятельность Ордена наносит непоправимый вред нашему делу. Сложные собаки дважды разогнали армии преданных нам тараканов, истребили всех науков-партизанов и уничтожили их сети. Кроме того, они вероломно нанали на штаб серых мышей и загнали их в подполье. Мы не можем больше это терпеть! Ордн Фарфоровых рыцарей объявляется распущенным. Все собаки обязаны пройти регистрацию, прививки от бешенства и заняться общественно полезным трудом. Мы милостиво обещаем всем по будке, цепи и ошейнику, а также похлебку и косточку ежедневно. Пользуйтесь нашей добротой! В противном случае все будут убиты! Страшиться нашего гнева!»

Наместник Князя тьмы,

Владыка пластилиновых чертей —

Жлоб Подлын-Бурьянов».

К концу чтения рыцание возмущенных рыцарей достигло апогея. Глядя на яростно осклабившего клыки бульдога сэра Гауфа, Роберт невольно подумал, что прививки от бешенства кое-кому действительно не повредили бы.

— Я рад, господа, что наше мнение единодушно! — умиленно прослезился Нюф. — Думаю, что мы покажем этим пластилиновым чертям, на что способны двенадцать рыцарей! Кто хочет высказаться?

— Гром и молнии! — взревел сэр Гауф. — Я не прошу слова, я прошу показать мне врага! Клянусь, что оборву хвост любому черту, попавшемуся мне на пути, а из собранных хвостов сделаю себе львиную гриву!

Журнал "Юность"

приглашает
к сотрудничеству
на договорной основе
рекламных агентов,
распространителей
журнала и другой
книжно-журнальной
продукции.

Справки по телефону:
251-46-84

Ф. СП-1

Министерство связи СССР
«Союзпечать»

71120

АБОНЕМЕНТ на журнал (индекс издания)

«ЮНОСТЬ»

(наименование издания)

Количество
комплектов:

на 1994 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ	место	ли- тер

на журнал

71120

(индекс издания)

«ЮНОСТЬ»

(наименование издания)

Стои- мость	подписки	руб. коп.	Количество комплек- тов:
	пере- адресовки	руб. коп.	

на 1994 год по месяцам:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

Журнал "Юность" объявляет подписку на ВТОРОЕ полугодие.

Дешевле всего подписка обойдется Вам непосредственно в редакции: таким
образом Вы избежите расходов

на экспедирование Вашего журнала, а это тоже деньги.

Ближайшая станция метро — "Маяковская", адрес — на последней странице.

ПРИХОДИТЕ!

Тем, кто живет далеко, напоминаем: подписаться на Ваш журнал Вы можете с
любого месяца в любом отделении связи — без ограничений.

СПАСИБО, ЧТО ВЫ С НАМИ!

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе появляется оттиск календарного штампа отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах "Союзпечати".

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки "ПВ-МЕСТО" производится работниками предприятий связи и "Союзпечати".

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации России
Регистрационный номер 112
Учредитель — трудовой коллектив редакции журнала «Юность»

Художественный редактор Юрий ПЕТЕЛИН
Технический редактор Людмила ГУДКОВА
Фотограф номера Леонид ШИМАНОВИЧ

При перепечатке ваших материалов ссылка на журнал «Юность» обязательна.
К сведению уважаемых авторов:
Редакция не рецензирует рукописи и не возвращает,
а также не вступает в переписку.

Принимаются к рассмотрению первые машинописные экземпляры рукописей.
Авторы ответственны за точность цифр и дат и достоверность фактов.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах
обращаться в издательство «Пресса» по адресу:
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.
Формат 84×108¹/₁₆.

Тираж 52 200 экз. Заказ № 1304.

Адрес редакции: 101524, Москва, К-6, ГСП, ул. 1-я Тверская-Ямская, 2/1.

Телефон для справок: (095) 251-31-22.

Отдел рекламы: 251-05-06

Телефон корпункта по Уралу и Сибири:
(342) 25-98-80 (г. Пермь).

© «ЮНОСТЬ», 1994 г.

В НОМЕРЕ

ПРОЗА

Елена САЗАНОВИЧ
Маринисты. Повесть 12
Александр РОДИН
Вопль. Раздумья. 54

ДОМ ПОЭТОВ

Геннадий МИГАЧЕВ 9
Натан ЗЛОТНИКОВ 10
Георгий МАСЛОВ 47

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГОСТИНАЯ

В Гостиной —
поэт Юрий ВЛОДОВ 76

НАСЛЕДИЕ

Алексей СКАЛДИН
Затемненный лик 2

ПУБЛИЦИСТИКА

Русская провинция
Стихотворение
Николая БУРАШНИКОВА
Александр ЕЛТЫШЕВ
Исправитель имен 50
Владимир ТОКАРЕВ
Застава богатырская 82
Александр КОРМАШОВ
Проглотил компьютер
и не болей 78
Александр ВАСИЛЬЕВ
Сицилианская защита
адвоката Степанова 86

ЖУРНАЛЬЧИК

Андрей БЕЛЯНИН
Орден Фарфоровых рыцарей.
Сказка 91

ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ

В «Портфеле»
художники-сатирики. 90

«Ноша». Холст, масло.

Павел НИКОНОВ г. Москва

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!
ПОДПИСАТЬСЯ НА ЖУРНАЛ «ЮНОСТЬ» ВЫ МОЖЕТЕ С ЛЮБОГО МЕСЯЦА
В ЛЮБОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.

ПОСТОЯННЫЕ НАШИ ПОДПИСЧИКИ!
ПОДПИСКА НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ СКОРО ЗАКОНЧИТСЯ!

«ЮНОСТЬ» — ЭТО БОЛЬШЕ ЧЕМ ЖУРНАЛ ДЛЯ ВАС, ЭТО — ВАША ЮНОСТЬ.

ИНДЕКС ВАШЕГО ЖУРНАЛА — 71120